

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ФИЛОСОФИЯ

2013, № 4

Серия издается с 1997 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ОНТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОСМОЛОГИИ	
Павленко А.Н. Сосуществование Вселенной и человека: от квантовой космологии к антропологии и обратно	7
Кузьмин А.В. Созвездия. Ритуал. Экзистенциальный космос	25
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МАТЕМАТИКИ	
Павлов С.А. Аксиоматическая теория обозначения и онтология Лесневского	35
Khakhanian Valery. The Review of Relations of Principles of Strong Uniformization and Church Thesis in Intuitionistic Set Theory	47
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ	
Найдыш В.М. Тайны духа и проблемы науки	51
Анисов А.М. Фантазии, мнения, ценности и знания	58
Маркова Л.А. Конвергенция вместо междисциплинарности и интересубъективности ..	73

Неважай И.Д., Суровягин Д.П. К вопросу о структуре гуманитарной научной теории	81
Габдуллин И.Р. Знание и предрассудок	95
ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕДИЦИНЫ	
Безрогов В.Г., Матулис Т.Н. Исторически ранние формы педагогической деятельности: вопросы теории и методологии исследования	107
Панова Е.Л. Состояние медицинского познания как условие развития биотехнологий ..	115
АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭСТЕТИКИ	
Матюшова М.П. От аристократического эстетизма к аристократическому безобразию ..	126
НАШИ АВТОРЫ	138

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2013

© «Вестник Российского университета дружбы народов», 2013

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

PHILOSOPHY

2013, N 4

Series founded in 1997

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

From the Editor	5
ONTOLOGY AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF COSMOLOGY	
Pavlenko A.N. From quantum cosmology to anthropology and back	7
Kuzmin A.V. Constellations. Ritual. Existentially space	25
PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF LOGIC AND MATHEMATICS	
Pavlov S.A. Axiomatic Theory of Denotation and Lesniewski's Ontology	35
Khakhanyan Valery. The Review of Relations of Principles of Strong Uniformization and Church Thesis in Intuitionistic Set Theory	47
COMMON QUESTIONS OF EPISTEMOLOGY	
Naydysh V.M. Mysteries of spirit and science problems	51
Anisov A.M. Maginations, opinions, values and knowledge	58
Markova L.A. Convergence instead of interdisciplinarity and intersubjectivity	73

Newazhay I.D., Surovyagin D.P. On a structure of humanitarian theory	81
Gabdullin I.R. Knowledge and prejudice	95

PHILOSOPHICAL QUESTIONS OF PEDAGOGY AND MEDICINE

Bezrogov V.G., Matulis T.N. Historically early forms of pedagogical activity: theory and methodology of the study	107
Panova E.L. The state of medical cognition as a condition of biotechnologies development	115

AXIOLOGICAL DIMENSION OF AESTHETICS

Matyushova M.P. The problem of the relation of aesthetic and moral, beautiful and ugliness in art: from the aristocratic aestheticism to the aristocratic ugliness	126
---	-----

On Our Authors	138
-----------------------------	-----

© Peoples' Friendship University of Russia, Publishing House, 2013
© «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia», 2013

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателя сборник является уже третьим по счету (см.: 2009, № 3; 2011, № 3), содержание которого составлено при тесном сотрудничестве кафедры «Онтологии и теории познания» РУДН и научно-исследовательской группой «Онтология» Института философии РАН. Именно такое сотрудничество — образовательного и исследовательского учреждений — дает возможность, с одной стороны, включить полученные исследователями результаты в образовательный процесс, а с другой стороны, сориентировать исследователей на запросы педагогической деятельности.

Как и в предыдущих совместных выпусках, значительная часть статей посвящена философской и методологической рефлексии над основаниями конкретных наук — космологии, астрономии, математики и логики.

Именно к такому типу анализа — над основаниями космологии и астрономии — как раз и относятся статьи А.Н. Павленко и А.В. Кузьмина, которые открывают сборник. Это сделано совсем не случайно, так как в них затрагивается, пожалуй, самый интригующий вопрос человеческого познания в целом — как связан человек (наблюдатель) с миром в целом (Космосом, Вселенной).

Авторы показывают, что такая связь может иметь и *генетическую форму* (статья Павленко), и *астрономическую форму* (статья Кузьмина).

В статье Павленко показано, как коррелятивно могут быть связаны результаты современной квантовой космологии с антропологией, а статье Кузьмина хронологически точно демонстрируется, как карты созвездий определялись ритуалом в сообществах людей, еще не достигших философской фазы в своем развитии. Подобные типы связи, по мнению авторов, в значительной мере определяют *онтологические основания* и современных научных теорий (Павленко) и *преднаучных знаний* в эпоху неолита (Кузьмин).

К этой же группе можно отнести статьи В.Х. Хаханяна и С.А. Павлова. В работе Павлова предлагается аксиоматическая теория обозначения (именования), в которой понятие знака (имени) является не исходным, а определяемым. В работе Хаханяна предлагается доказательство свойства отделимости для варианта классической пропозициональной логики для случая двух связок (отрицания и импликации) и рассматривается соотношение принципов униформизации и тезисов Черча в интуиционистской теории множеств с аксиомой объемности. Статьи Павлова и Хаханяна могут оказаться полезными не только для онтологов и эпистемологов, но для специалистов в области логики и математики.

Следующий, и, пожалуй, самый крупный раздел выпуска затрагивает общие вопросы теории познания. Он включает статьи В.М. Найдыша, А.М. Анисова, Л.А. Марковой, И.Д. Невважая в соавторстве с Д.П. Суровягиным и И.Р. Габдуллина. Внутри этого блока статей можно, правда, весьма условно, выделить работы «наброски», то есть работы, в которых пока только набрасывается понятийная

сетка на исследуемую область, и работы-«объяснения», в которых излагается уже схваченная такой понятийной сеткой реальность.

К первому типу работ относится проблемная статья В.М. Найдыша, в которой автор, по существу, пытается ввести в круг философского анализа понятие «тайны», за которой читатель готов угадать «тайну научную», а также пытается сравнить роль этой «тайны» с ролью «проблемы» в анализе научного знания. К этому же типу можно отнести и статью Л.А. Марковой, предлагающей в духе НБИКС, идею *конвергенции* дисциплин, вместо их «дисциплинарности», за которой угадывается автономность последних.

Статья И.Р. Габдуллина также примыкает к этому жанру. В ней автор пытается реабилитировать понятие «предрассудка», различая «истинные предрассудки» и «ложные предрассудки», в то же самое время оставляя читателю возможность самостоятельно привести примеры «предрассудка истинного».

Ко второму типу — «объяснительному» — относятся статьи А.М. Анисова и И.Д. Невважая в соавторстве с Д.П. Суровягиным. Анисов предлагает такую классификацию *фантазий, мнений, ценностей и знания*, в основе которой лежат онтологические объекты, обладающие (или не обладающие) такими характеристиками, как протяженность и темпоральность. В целом достаточно стройная схема, тем не менее, оставляет открытым вопрос: к какому типу знания следует отнести знание эмпирическое — образному или понятийному? Заметим, что если принять классификацию Анисова, то разделение, предложенное в статье Габдуллина, утрачивает силу.

В статье Невважая и Суровягина предметом объяснения становится «гуманитарная теория», соизмеряемая с различными типами других теорий. Авторы обосновывают необходимость ее «синтагматического» (термин Р. Эйкаена) объяснения, в котором активность *познающего сознания* замещает собою аксиоматичность «систематического» знания. По мнению авторов, *синтагматичность* отличает гуманитарное знание, а *систематичность* — естественнонаучное и формальное. Однако и в этом случае остается открытым вопрос: относится ли, например, формальная логика к «синтагматической теории» или она относится к «теории систематической»?

Наконец, замыкают сборник три статьи, в двух из которых обсуждаются философские проблемы образования и медицины. Это статья В.Г. Безрогова, Т.Н. Матулис и статья Е.Л. Пановой. Третья статья М.П. Матюшовой касается анализа прекрасного и безобразного в искусстве.

Можно не сомневаться, что представленные в сборнике статьи будут исключительно полезны для преподавателей онтологии и теории познания, философии науки, логики и математики. С другой стороны, во многих из них сформулированы такие проблемы или представлены такие объяснительные схемы, которые могут стать отправной точкой в собственном исследовании для того, кто привык думать и для кого *философия является самодвижением мысли в понятиях*, а не сноровкой умелого цитирования.

Редактор выпуска
профессор **А.Н. Павленко**

ОНТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОСМОЛОГИИ

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕКА: ОТ КВАНТОВОЙ КОСМОЛОГИИ К АНТРОПОЛОГИИ И ОБРАТНО*

А.Н. Павленко

Исследовательская Группа «Онтология»

Институт философии РАН

ул. Волхонка, 14, Москва, Россия, 119991

Кафедра «Онтологии и теории познания»

Факультет гуманитарных и социальных наук

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье продемонстрировано, что логико-философский анализ оснований принципа Н. Коперника и антропного космологического принципа (Б. Картер) отсылает нас к «космическому принципу» Платона. Основанием их конструктивной критики может служить появление инфляционной теории Вселенной в современной квантовой космологии, допускающей в развитии Вселенной существование двух стадий: 1) раздувания и 2) эволюции. Показано, что эта же двухстадийность обнаруживается и в развитии наблюдателя (человека). Такое подобие может быть зафиксировано в «Принципе генетического подобия» (PGS) наблюдателя и Вселенной. PGS может служить 1) критерием демаркации реалистичных и нереалистичных сценариев описания Вселенной, 2) основой для переосмысления некоторых задач биомедицинской этики.

Ключевые слова: онтология, квантовая космология, космический принцип Платона, принцип Коперника, антропный космологический принцип, принцип генетического подобия Вселенной и наблюдателя, логика, наблюдатель.

1. Формулирование проблемы

На всем протяжении собственной истории человек постоянно пытался обнаружить свою связь с миром, который его окружал (Космосом, Вселенной). Внешне сама констатация этого факта кажется тривиальной. Нетривиальными являются ответы на два вопроса:

- 1) *Как* он формулировал (выражал) эту связь?
- 2) *В чем* она обнаруживалась (проявлялась)?

* В основание статьи положено содержание моего доклада «From Quantum Cosmology to Anthropology and back», прочитанном 2 октября 2012 года на X Онтологическом конгрессе в Сан-Себастьяне (Испания).

Сегодня мы знаем, что дано было огромное множество ответов. Однако абсолютное их большинство было либо *мифологическим*, либо *религиозным*, либо *метафизическим*. Поэтому интерес может представлять ответ на вопрос: «как» и «в чем» эта связь отображается сегодня? Другими словами, особенный интерес сегодня представляет ответ *научный*? Ответ на вопрос «в чем» является очевидным: в квантовой космологии. Поэтому попытаемся найти ответ на вопрос «как».

Однако прежде чем мы перейдем к этому ответу, необходимо сделать несколько предварительных и существенных замечаний.

Первое замечание касается обсуждаемой темы и способа ее изложения. В журнальной статье совершенно немыслимо представить не только «всю историю» таких взаимоотношений, но даже просто перечислить то множество вариантов, которое составляет эту историю (1). Задача настоящей статьи куда скромнее: проанализировать те и только те взгляды по этому вопросу в европейской науке и философии, которые оказались определяющими, продолжая оказывать влияние на нас вплоть до сегодняшнего дня. Таких позиций было не так много: античность (преимущественно платонизм), Средневековье, переходящее в Ренессанс, Новое время и современная нам эпоха.

Второе замечание касается метода изложения материала. В работе будет предпринята реконструкция взглядов на взаимоотношение Вселенной и человека (наблюдателя) в том порядке, в котором она возникала, с тем, чтобы при завершении работы совершить обратную задачу: показать насколько мы вновь приблизились к началу, из которого когда-то вышли. Это означает, что, например, истоки «Антропного космологического принципа» невозможно понять, если не иметь ввиду того, что он формулировался в качестве антитезы «Принципу Коперника». Последний принцип, в свою очередь, останется непонятым, если не иметь ввиду, какой системе взглядов он противопоставлялся, то есть понимаю связи человека и Вселенной в античности.

Третье замечание касается самой проблемы обсуждения. Суть ее в следующем: утверждение господства Антропного космологического принципа по второй половине прошлого столетия ознаменовало собой триумф той системы взглядов, которая начала утверждать себя в сознании европейцев с эпохи Возрождения.

В основе этой системы взглядов лежит так называемый «гуманизм». К середине XX столетия он явил свое безусловное господство во всех без исключения областях человеческой жизни. И лишь в науке — до середины столетия — он оставался фактически не востребованным. Получалась странная ситуация: с одной стороны, «гуманизм» получил рецепцию во всех формах человеческого знания — мифологии, религии и философии, с другой стороны, он оставался не усвоенным наукой. Это значит, что «гуманизм» не входил ни в одну научную теорию в качестве существенного положения, способствующего объяснению физического и космологического устройства мира.

Что же означает «гуманизм» в нашем случае, то есть в случае рассмотрения взаимоотношения человека (наблюдателя) и Вселенной? В общем виде ответ достаточно прост: «гуманизм» — это такая система взглядов, которая утверждает «человека» в качестве абсолютной (высшей) ценности мира. В случае

космологии, «гуманизм» означает *утверждение человека (наблюдателя) в качестве такого фактора, который определяет физико-геометрические характеристики Вселенной.*

Однако в новейшей космологии антропный космологический принцип (и мировоззренчески стоящий за ним «гуманизм») оказываются не необходимыми (2). Возникает проблема: что придет на смену АКП? Что сегодня может рассматриваться в качестве основы, их преодолевающей? В качестве альтернативы АКП будет предложен «Принцип генетического подобия» (Principle of Genetic Similarity — PGS) человека и Вселенной, опирающийся как на данные современной (инфляционной) космологии, так и на данные современной антропологии (микробиологии). Мы увидим, что *согласно этому принципу преодолеваются и пороки антрополатрии, полагающей человека (наблюдателя) за универсальную линейку, по которой отмеряются все события мира, и пороки мировоззрения, согласно которому человек растворяется как ничтожно малая величина в «бесконечной необъятности Вселенной».* Я покажу, что человек (наблюдатель) прямо связан с существующим миром, причем связан с ним генетически.

2. Введение в проблематику

Взаимоотношение человека и мира всегда было предметом пристального внимания философов. Но, пожалуй, наиболее развитую форму такого взаимоотношения мы обнаруживаем в античной философии у Платона. Свое видение этой связи Платон выразил в «Тимее». Условно такой подход можно было бы назвать «Космическим принципом» Платона (3).

Конечно, сам Платон такого принципа в явном виде нигде не формулировал, но мы вполне можем экстрагировать этот принцип из его диалогов. Попробуем самостоятельно реконструировать «космический принцип», опираясь на фрагменты Tim. 30b; 88 c-d; 89a и некоторые другие. Для убедительности приведем несколько таких фрагментов:

«Что же это за живое существо, по образцу которого Устроитель устроил Космос? Мы не должны унижать Космос, полагая, что дело идет о существе некоего частного вида, ибо подражание неполному никоим образом не может быть прекрасным» (30c). Устроитель устроил Космос как «единое видимое живое существо» (30c).

«Рассмотрим же, — говорит Платон, — по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему» (29e).

«...он устроил ум в душе, а душу в теле и таким образом построил Вселенную» (30a-b-c).

Итак, эти и другие фрагменты позволяют нам в явном виде выразить позицию Платона в форме «Космического принципа»:

«Космос есть живой, одушевленный и соразмерный организм, и человек является родственной частью (органом) Космоса, которому он должен подражать (физически, душевно и умственно)».

Нельзя сказать, что эта позиция Платона доминировала во всей античности, но что, несомненно, — она выражала основные ценности античного мировоззрения: Космос — это образец, которому человек (наблюдатель) должен подражать (4).

3. Библейский переворот в европейской культуре

Античное (а в лучших своих образцах — платоновское) понимание устройства мира (Космоса) и человека в нем продолжало оставаться доминирующим вплоть до начала эпохи утверждения библейского мировоззрения, часто принявшего откровенно насильственные формы (5).

Библейское мировоззрение приносит с собой из Малой Азии в Европу, начиная, приблизительно, с III—IX столетий, идею «всемогущего бога», которому подчиняются и человек, и природа. Более того, поскольку библейский бог «всемогущ», то ему не свойственно себя чем-нибудь ограничивать, в том числе и в пространстве. В 14-м столетии христианский богослов Николай Кузанский одним из первых делает последовательный вывод из тезиса о «всемогуществе бога»: *всемогущему богу подобает быть бесконечным, следовательно, и сотворенному им миру это свойство должно быть присуще, правда, ограниченным — пространственно-материальным способом.*

Это означало, что наблюдаемый нами Универсум тоже должен быть бесконечным. Но у бесконечного пространства центра либо вообще нет, либо он — повсюду. В обоих случаях отсюда следовало, что Земля не занимает центральное пространственное положение в созданном библейским богом Универсуме. Однако этот вывод, во-первых, приходил в явное противоречие с самими библейскими текстами, а, во-вторых, готовил почву — дезавуируя притязания геоцентризма на господство — для утверждения гелиоцентрического учения Николая Коперника.

Будучи священником, астрономом и математиком одновременно, Коперник по возможности избегал конфронтации с церковью и, поэтому, никаких явных утверждений, направленных против первых глав библейской книги «Бытие», мы у него не находим. Однако предложив, по словам его ученика Ретика, лишь «более удобную математическую модель» для точного предвычисления пасхалий и реформы календаря, Коперник, можем мы предположить, вполне понимал к каким выводам должно привести утверждение и распространение его системы мира. Коперник почти повторяет аргумент Н. Кузанского: «По оценке наших чувств, Земля по отношению к небу, как точка к телу, а по величине как конечное к бесконечному» (6).

Эти выводы под интересующим нас углом рассмотрения явно сформулировал, много позднее, Брендон Картер, назвав это «Принципом Коперника»: *«Наблюдатель (человек) не занимает никакого привилегированного положения во Вселенной»* (7).

Хочу еще раз отметить, что, как и в случае с Платоном, мы не можем извлечь из текстов Коперника никакого «Принципа Коперника». «Принцип Коперника» (в случае Картера) — как и «Космический принцип» Платона (в моем случае) — является позднейшей реконструкцией его взглядов по интересующему Картера вопросу — связи Вселенной и человека (наблюдателя).

Вслед за Картером я попробую реконструировать позицию Коперника по этому вопросу следующим образом: «*Существование человека (наблюдателя) не является достаточным основанием для правильного понимания структуры и устройства Вселенной, более того, оно не определяет ее качеств*» (8). Для иллюстрации адекватности такой формулировки приведем слова самого Николая Коперника:

«Следует согласиться, что равномерное движение этих светил *представляется нам* (курсив мой — А.П.) неравномерным или в результате того, что полусы этих кругов различны, или в результате того, что Земля не находится в центре кругов, по которым они вращаются» (9).

4. Последствия коперниканского поворота в вопросе взаимоотношения Вселенной и человека

Идея бесконечного материального мира, только еще продуманная метафизически у Н. Кузанского, и вполне допускавшаяся, как могли мы в этом убедиться, Николаем Коперником, получает механистическое и физическое наполнение у Г. Галилея, И. Ньютона и их последователей. Ньютон полагает, что Вселенная, ее бесконечное пространство (10), — это и есть «чувствилище бога». Задача человека — наблюдать процессы в мире и постигать замысел бога, открываемый в физических законах и принципах.

Такое положение дел радикально меняется с созданием электродинамики, релятивистской механики и релятивистской теории гравитации. Последняя делает в отношении ньютоновского мира почти невозможное — запрещает существование бесконечно протяженного пространства, допуская лишь его безграничность (11). Именно движение в этом направлении позволило создать релятивистскую космологию, в рамках которой А.А. Фридман находит свои нестатичные решения. Приведу здесь одно из уравнений Фридамана, наиболее тесно связанное с обсуждаемой темой:

$$\frac{d^2 a}{dt^2} = -\frac{4\pi G}{3} a \left(\rho + \frac{3P}{c^2} \right).$$

Левая часть уравнения касается «радиуса» Вселенной — выраженного через масштабный фактор (a), а правая — связывает давление (P) и плотность вещества (ρ), заключенного в некотором сферическом объеме пространства.

Напомним, что:

- 1) если наблюдаемая плотность вещества (ρ) больше некоторой критической плотности (ρ_c), то есть $\rho > \rho_c$, то кривизна пространства положительна;
- 2) если наблюдаемая плотность вещества (ρ) меньше некоторой критической плотности (ρ_c), то есть $\rho < \rho_c$, то кривизна пространства отрицательная;
- 3) если наблюдаемая плотность вещества (ρ) равна некоторой критической плотности (ρ_c), то есть $\rho = \rho_c$, то кривизна пространства будет плоская, то есть евклидова.

1) Часто эти зависимости выражают $\Omega < 1$; 2) $\Omega > 1$; 3) $\Omega = 1$, где Ω выражает отношение ρ / ρ_c .

В 70-е гг. прошлого столетия было установлено, что наблюдаемая плотность вещества превосходит критическую, следовательно, метрика пространства — положительная, то есть Вселенная является замкнутой и расширяющейся, то есть эволюционирующей (12). Из этого, в общем, чисто физико-геометрического вывода, следовал уже вывод антропологический.

5. Антропологические следствия из теории эволюционирующей Вселенной

Как известно, Роберт Дикке обратил внимание на хаббловское время жизни Вселенной. Закон Хаббла имеет вид:

$$v = H r,$$

где v — скорость расширения Вселенной; H — постоянная Хаббла; r — расстояние до объекта.

Из этого закона можно получить время жизни Вселенной:

$$t_H = \frac{r}{v} = \frac{1}{T_0}.$$

Следует напомнить, что в 40—50-е гг. прошлого столетия имел место бурный рост числа теорий, которые создавались в качестве альтернативы ОТО (13). Естественно, что каждая из них давала собственную оценку возраста Вселенной. Значения возраста колебались от 300 млн лет до 100 млрд лет. Возникал естественный вопрос: что может выступать в качестве разумного критерия в определении возраста Вселенной? Нижний возрастной предел был установлен по радиоактивному распаду углерода — возраст Земли оказался равен приблизительно 4,5 млрд лет. Отсюда тривиально следовало, что Вселенная в целом не может быть моложе Земли.

Оставался неясным верхний предел. И вот тут Роберту Дикке приходит в голову нестандартная для физика идея: *реалистичными являются только те модели, в которых допускается существование жизни и существование земного наблюдателя (физиков)*. Дело в том, что для возникновения углерода, как основы жизни, должны были «прогореть» звезды первого поколения, а на продуктах их распада появиться звезды второго поколения, типа нашего Солнца, которые создадут условия для жизни.

В результате мы получаем удивительное следствие: *биология (а неявно — антропология) накладывает ограничения на физику*:

« T не может принимать слишком большое значение» потому, что «оно ограничено биологическими требованиями, способными обнаружить себя в эпоху существования человека» (14).

По сути это была первая формулировка антропной космологической аргументации, которая исходила не из общих метафизических соображений, а из потребности решить чисто методологическую проблему — выбрать из всего множества предложенных моделей Вселенной такие, в которых допускается реалистичное значение возраста Вселенной, то есть такие, в которых допускается существо-

вание жизни и наблюдателя земного типа. Однако, решая сугубо физическую (космологическую) проблему, Дикке, видимо, не задумывается о тех возможных следствиях, которые вытекали из сделанного им допущения. Такие следствия продумываются несколько позднее Бренденом Картером.

6. Ревизия «принципа Коперника» с помощью «антропного космологического принципа»

Брендон Картер, выступая на краковском конгрессе в 1973 г., заявил, что *«наше положение во Вселенной является в определенном смысле привилегированным»* (15). Это утверждение прямо противоречит принципу Коперника, утверждающему, как мы помним, что «земной наблюдатель не занимает никакого привилегированного положения во Вселенной».

Таким образом, мы становимся свидетелями того, как осуществляется ревизия той ценностной установки, которая легла в фундамент новоевропейской науки в XVI—XVIII столетиях. Это утверждение Картера раскрывается в двух утверждениях, которые получили наименование Слабого антропного космологического принципа (WACP) и Сильного антропного космологического принципа (SACP). Здесь будет уместным привести их формулировки целиком:

1) слабый АКП: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей» (16);

2) сильный АКП: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» (17).

7. Предварительный вывод

Итак, мы видим, что появление антропной аргументации в 60—70-е гг. прошлого столетия по существу было спровоцировано совершенно конкретным явлением физического знания — появлением релятивистской космологии, во-первых, и появлением нестатичных решений А. Фридмана, во-вторых. Непонимание этой зависимости, на наш взгляд, делает необъяснимым само появление антропной аргументации в целом. *Сама фридмановская теория эволюции Вселенной фактически провоцирует появление вопроса о возникновении жизни и земного наблюдателя.*

Итак, вопрос «как?» (в расширенном виде: «как связан человек (наблюдатель) со Вселенной?»), обозначенный во «Введении», наконец-то получает ответ: *положение земного наблюдателя с необходимостью является привилегированным.* Однако не будем торопиться. Дело в том, что в 80—90-е гг. прошлого столетия на научной сцене появляется новый персонаж — квантовая космология.

8. Появление квантовой космологии

Как известно, в 1979—1986 гг. осуществляется интенсивное строительство так называемой «инфляционной теории» (ИТ) (18), в соответствии с которой наблюдаемая Вселенная родилась в результате флуктуации физического факуума. Инфляционная теория вводит представление о «раздувании» простран-

ства, заполненного физическим вакуумом. Делается это для того, чтобы описать экспоненциально быстрое увеличение объема родившейся Вселенной. Причем это раздувание описывается весьма необычным для релятивистской физики и космологии уравнением состояния:

$$p = -\rho,$$

где (p) — давление, $(-\rho)$ — отрицательное значение плотности энергии вакуума.

Если мы соединим уравнение состояния с законом сохранения энергии

$$\dot{\rho}a^3 + 3(\rho + p)a^2\dot{a} = 0,$$

то увидим, что скорость увеличения размеров Вселенной (на стадии раздувания) на много порядков превышает скорость света в вакууме.

Отметим, что по классическому закону радиус Вселенной увеличивается как

$$R(t) \approx t^{1/2},$$

тогда как в инфляционном сценарии радиус увеличивается по степенной функции:

$$a(t) \approx a_0 e^{Ht}.$$

В случае инфляции масштабный фактор (a) растет экспоненциально. Радиус Вселенной на стадии раздувания в инфляционной теории растет так, что за время 10^{-43} сек. до 10^{-35} сек. объем Вселенной увеличивается от планковской величины 10^{-33} см до невообразимо огромного размера $10^{10(7)}$ — $10^{10(14)}$ см.

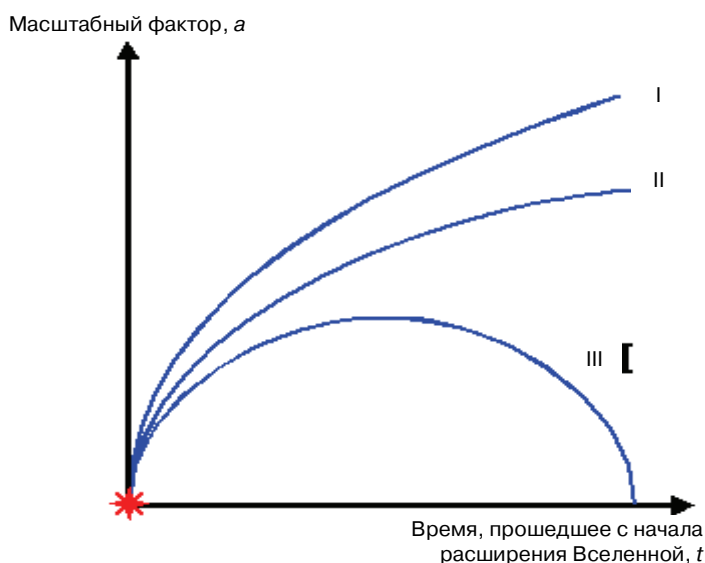

Рис. 1. Сценарии эволюции Вселенной
Согласно I, $\Omega < 1$; согласно II, $\Omega = 1$; согласно III, $\Omega > 1$

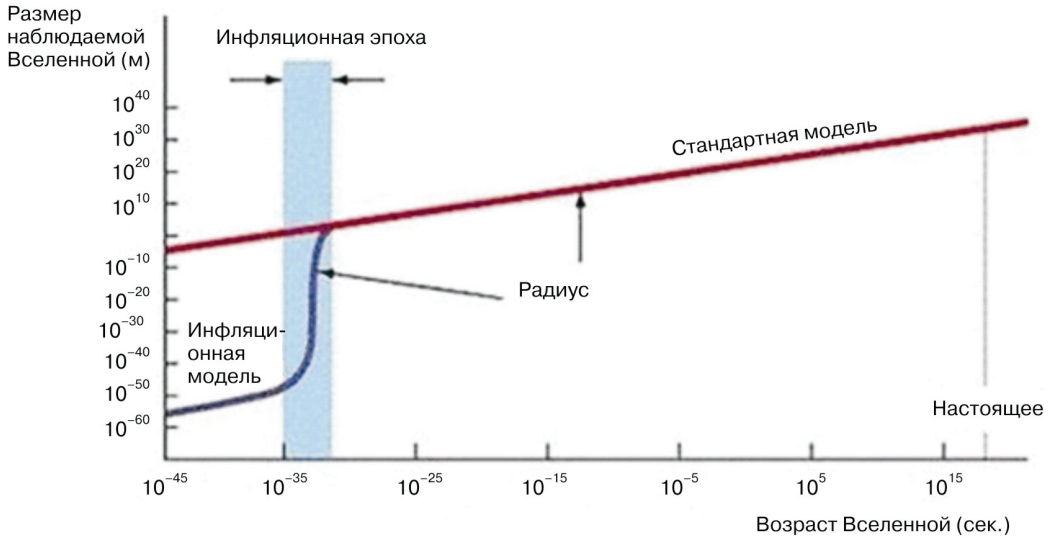

Рис. 2. Инфляционная модель

На этих графиках хорошо видно, как отличаются модели эволюционирующей и раздувающейся Вселенной.

9. Между космологией и антропологией: модификация парафразы Картера

Хорошо известно, что основа мировоззрения нововременного человека лаконично выражена декартовской энтимемой:

(I) *Cogito, ergo, sum*

Что в переводе на русский язык означает:

«Мыслю, следовательно, существую».

Из беглого взгляда на эту фразу Декарта можно заключить, что она говорит о существовании человека и только человека. В этой сентенции ничего не сказано об окружающем человека мире и отношении к нему (19).

Брендон Картер меняет такое положение дел и по существу связывает существование человека (наблюдателя) с существованием Вселенной. Картер предлагает свой собственный парафраз декартовской сентенции:

(II) *Cogito, ergo, mundus talis est.*

Что в переводе на русский означает:

«мыслю, следовательно, мир таков».

Здесь уже «мышление» человека (наблюдателя) связывается не просто с «существованием», но с миром, да причем таким, в котором физические параметры (константы связи, законы сохранения и пр.) «тонко подогнаны» под существование земного наблюдателя или сами свойства пространства-времени, мировых констант и других характеристик мира «человекомерны» (20). Кажется, что это настолько очевидно, что возразить тут совершенно нечем и невозможно. Но опять не будем торопиться.

В свое время (21) я показал, что «антропный космологический принцип» по своему существу является «антропным историческим принципом». Суть моего тезиса сводилась к следующему: АКП не только ограничивает *физику* определенного типа, ограничивая допустимый набор теорий со строго заданными параметрами начальных условий, но накладывает, как это ни странно, ограничения и на определенный *тип рациональности*. Это означает, что не только *физическая Вселенная должна быть Вселенной определенного типа*, т.е. совместимой, пользуясь терминологией Дикке, с «существованием физиков», но и *человеческая история — эволюция человеческой (уже — европейской) рациональности — должна была допустить существование такого и только такого пути, который бы привел к появлению типа рациональности*, в рамках которого АКП является **осмысленным**.

Таким образом, оказывается, что в *антропном космологическом принципе* неявно содержится *антропный исторический принцип*, накладывающий ограничения на человеческую историю, предполагая ее протекание в строго определенном направлении, или, перефразируя Декарта,

(II) *Sic cogito, ergo, mundus talis est.*

Что в переводе на русский язык означает:

«Так мыслю, следовательно, мир таков».

Для осознания АКП, и это для нас самое существенное, потребовались не только Вселенная определенного *типа*, но и определенного *типа* физики (22).

Парафраз картеровской модификации Декартовской сентенции как раз и сводится к тому, что не только «**mundus talis est**», но и «**Sic cogito**» («так, таким образом мыслю»).

Другими словами, исторически обусловленный «взгляд мышления» предваряет «таковость мира». Тем самым обнаруживается историческая обусловленность антропного космологического принципа. Он есть «продукт» совершенно конкретной эпохи — эпохи «гуманизма» или в моей интерпретации — эпохи *антрополатрии*.

10. Шаг в сторону антропологии: проблема сознания

Теперь совершим шаг в сторону антропологии и, прежде всего, в область мышления (сознания), чтобы более рельефно представить — как современная космология может быть связана с антропологией. Для этого еще раз вернемся к рассмотренной ранее энтимеме Декарта: *Cogito, ergo sum* (мыслю, следовательно, существую). С точки зрения обычного мышления это вполне осмысленное утверждение, из которого, используя логический закон *Modus Ponens*, мы получаем вывод:

$$\frac{\text{Я мыслю} \supset \text{Я существую, Я мыслю}}{\text{Я существую}}$$

Однако позволим себе допустить, что по каким-либо соображениям, мы должны сказать «Я не мыслю» (23). Что получается в этом случае? Очевидно, что мы оказываемся перед неожиданным выводом:

$$\frac{\text{Я мыслю} \supset \text{Я существую, Я не мыслю}}{\text{Я не существую (?)}}$$

Этот вывод является проблематичным, так как мы не можем его получить с логической необходимостью. Причина в том, что данный отрицающий *modus* не является корректным.

В самом деле, мы можем допустить, что плод (зародыш) в утробе матери — «не мыслит», например, «не пользуется аристотелевской логикой», однако, следует ли отсюда, что он — «не существует»?

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, прямо связанной с рационализмом Декарта, и его энтимемой. Суть этой проблемы в следующем: *существует ли необходимая связь между мышлением человека, его существованием и существованием мира (Вселенной)?*

Некоторые исследователи, указывая на некорректность этого модуса, как им кажется, спасают Декарта от тяжкого обвинения — отрицания самодостаточности плода в утробе матери или, допустим, самодостаточности статуса человека в коме (бессознательном) состоянии.

Должен признаться, эта проблема долгое время не давала мне покоя. Однако, в конце концов, я таки нашел два способа ее решения: один сугубо логический, который уже был рассмотрен мною ранее (24), другой — космологический, который я и собираюсь предложить Вашему вниманию ниже.

11. Космологическое решение проблемы: «Принцип генетического подобия»

Как мы помним, согласно инфляционной теории, Вселенная проходит через две основные стадии:

- 1) стадию инфляции;
- 2) стадию собственно эволюции.

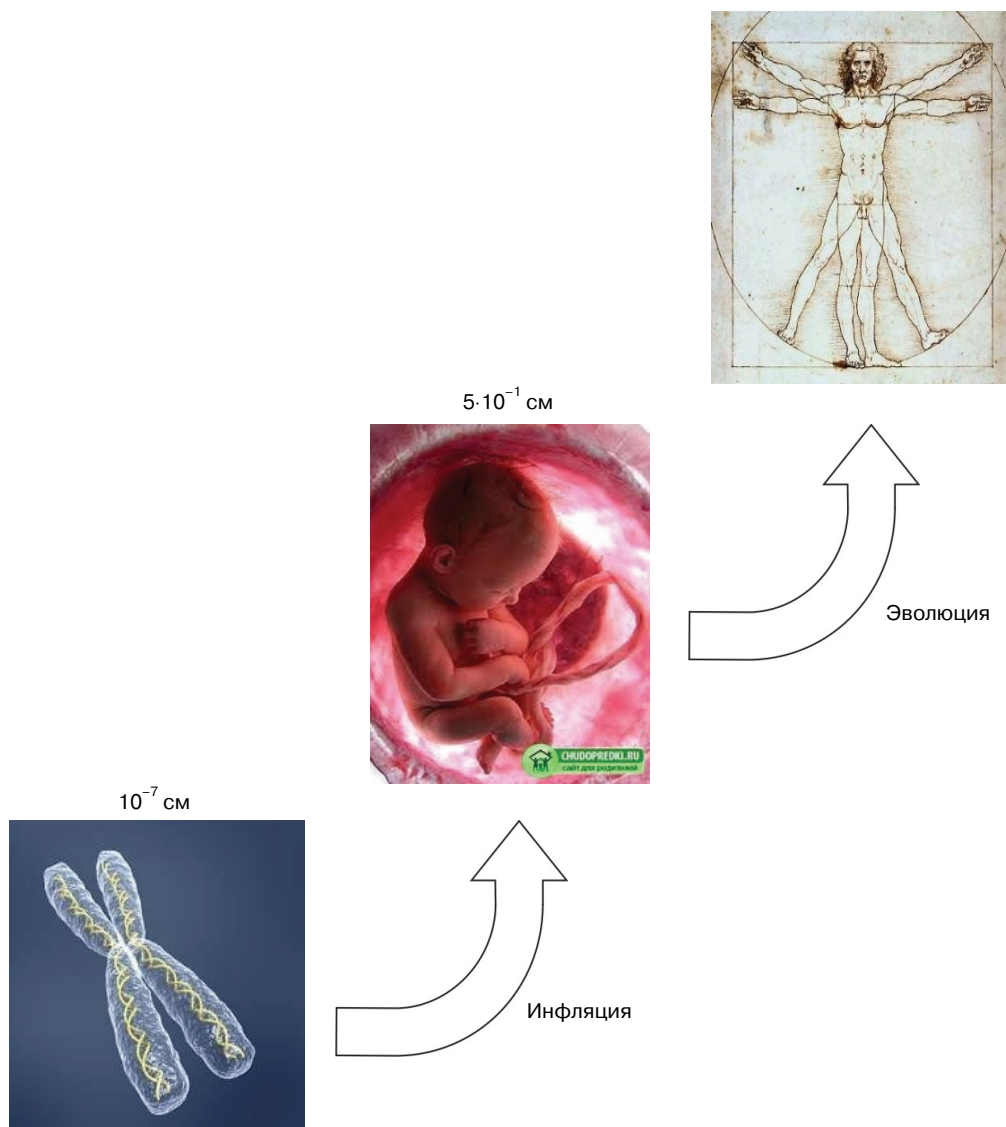
Это видно из рис. 2. Напомним, что на первой стадии объем Вселенной экспоненциально быстро увеличивается, а на второй, когда Вселенная в буквальном смысле появляется на свет — она наполняется частицами света — фотонами, поле, наполняющее ее, принимает положительное значение плотности вещества и излучения. Вселенная наполняется легкими частицами и излучением, а ее размер в дальнейшем увеличивается пренебрежимо мало в сравнении с увеличением ее размеров на стадии раздувания.

Теперь обратимся к антропологии. С нескрываемым удивлением (!) мы обнаруживаем здесь точно такую же картину. Человек (25) в своем развитии также проходит две основные стадии, связанные с увеличением его размеров (объема) и формированием его базовых качеств:

- 1) первая стадия. Буквально стадия раздувания, когда человек увеличивается от размера хромосомы 10^{-7} см до размера, с которым он появляется на свет — $5 \cdot 10^{-1}$ см.

2) вторая стадия. Буквально стадия «собственно эволюции», когда человек увеличивается в своем размере от размера $5 \cdot 10^{-1}$ см всего в 3—5 раз (26).

Мы вынуждены констатировать, что на стадии инфляции — в пренатальный период — человек раздувается в *десять миллионов раз* (!). В то же время, за всю оставшуюся жизнь — всего в 3—5 раз:

«Принцип генетического подобия» человека и Вселенной может быть сформулирован следующим образом: «Происхождение Вселенной и человека являются генетически подобными: пренатальная стадия, на которой формируются основные качества „организма“, а его пространственные размеры раздуваются (увеличиваются экспоненциально), предшествует постнатальной стадии, на которой сформированные качества проявляются и реализуются, а пространственные размеры изменяются пренебрежимо мало» (27).

12. Как могут быть связаны Декарт, антропология и квантовая космология?

Квантовая космология в лице инфляционной теории, фактически прямо заявляет, что происхождение наблюдаемой Вселенной и происхождение человека (высших организмов) являются:

- 1) генетически подобными;
- 2) пренатальная стадия является не менее важной, если не более, чем постнатальная.

И здесь мы вправе задать вопрос: какой урок может преподнести современная квантовая космология — антропологии? С моей точки зрения, он следующий:

1) основные качества Вселенной формируются на инфляционной (пренатальной) стадии. В этом смысле инфляционная (пренатальная) стадия более богата, чем постнатальная;

2) основные качества человека (наблюдателя) также формируются на пренатальной стадии. В этом смысле пренатальная стадия развития человека является более богатой, чем постнатальная (28).

Итак, мы рассмотрели движение человеческого познания от «квантовой космологии» к «антропологии» и установили, что, во-первых, имеют место две стадии развития как у Вселенной, так и у человека, а во-вторых, выяснили, что имеет место «Принцип генетического подобия» человека и Вселенной. Тем самым мы раскрыли содержание первой половины заявленной темы — «от квантовой космологии к антропологии», но осталась совершенно нераскрытой вторая половина — «и обратно».

13. Что означает фраза «и обратно»?

Это означает, что:

1) антропная аргументация, предложенная Р. Дикке, вводящая «факт существования наблюдателя», рассматривала этот факт как *существенный*, поскольку наиболее реалистичными оказывались только те космологические модели, которые допускали возникновение углерода и жизни (физиков);

2) «Принцип генетического подобия», по существу, выражает требование «двух стадий». С методологической точки зрения это значит, что те и только те модели являются реалистичными, которые включают в описание физических изменений Вселенной две стадии: «стадию раздувания» и «стадию расширения».

14. Выводы

Теперь попробуем сделать общий вывод из всего проведенного исследования, то есть попытаемся понять: как могут соотноситься «Космический принцип Платона», «Принцип Коперника», «Антропный космологический принцип» с «Принципом генетического подобия» человека и Вселенной? Все изложенное выше позволяет заключить, что:

1) человек (наблюдатель) не лишен какого-либо привилегированного положения, как полагал Николай Коперник;

2) человек (наблюдатель) не занимает с необходимостью привилегированное положение во Вселенной, как полагает Картер.

Напротив:

3) существует корреляция (например, в форме «принципа генетического подобия») между человеком (наблюдателем) и Вселенной.

Но последний вывод гораздо более близок к тому, о чем говорит космический принцип Платона, чем к тому, о чем говорил и Коперник, и Дикке, и Картер.

А космический принцип говорит буквально следующее: «*Космос есть живое, одушевленное и гармоническое существо, а человек является частью (органом) космоса-организма, которому следует поражать (физически, душевно и умственно)*» (Tim. 30b; 88 c-d и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Обстоятельное рассмотрение такого множества взглядов можно найти, например, в работе *Максименко Л.А.* Homo cosmicus: опыт антропологической космологии. — Омск: Издательство ОмГПУ, 2011.
- (2) В этом смысле данная работа является буквальным продолжением другой моей работы — *Павленко А.Н.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: Мартис, 1997.
- (3) Я не стану специально останавливаться на содержательной стороне этого принципа, поскольку он подробно рассмотрен мною в другой работе. Его изложению, анализу и историко-философской «погруженности» посвящен целый параграф моей монографии: *Павленко А.Н.* Европейская космология. Основания эпистемологического поворота. — М.: ИНТРАДА, 1997. § 1.5.
- (4) Ученик Платона, Аристотель, выделяет даже отдельную форму жизни — βίος θεωρητικός — (интеллектуальное наблюдение), подобающую философу.
- (5) Показательным примером может служить уже тот факт, что в 529 г. н.э. по приказу христианского императора Юстиниана в Академию, существовавшую с 387 г. д.н.э. (то есть на протяжении почти 916 лет), ворвались солдаты, выгнали академиков, а саму ее закрыли как не «богоугодное заведение». Отметим, что Западная церковь за гонения на ученых (Коперника, Галилея и др.) давно принесла извинения, а Восточная церковь пока хранит по факту разгона Академии, которое, без сомнения, было для европейской культуры VI в. гуманитарной катастрофой, полное молчание.
- (6) *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. — М., 1964. — С. 24.
- (7) См. *Carter B.* “Large Number Coincidences and the Anthropic Principle in Cosmology”. *IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data*. Dordrecht: Reidel. — P. 291—298.
- (8) В более полной форме «принцип Коперника» излагается мною в другой работе: *Павленко А.Н.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: Мартис, 1997. — С. 205.
- (9) *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. — М., 1964. — С. 21.
- (10) Следует отметить, что и сам Ньютон, и идущие за ним, понимали какие трудности их ожидают вслед за принятием этого тезиса. См. подробнее: *Павленко А.Н.* Принцип «наблюдаемости»: почему нереализуема теория бесконечной Вселенной // *Вестник РУДН*. — 2009. — № 3. — С. 5—15. См. также: *Hoskin Michel.* Gravity and Light in the Newtonian Universe of Stars // *JНА*. — 2008. — Xxxix.

- (11) В этом бы можно было увидеть отголосок античности.
- (12) Современная оценка кривизны пространства приближается к значению $\Omega = 1$.
- (13) Например, теории Бонди, Гоулда, Нордстрема, Хойла, Бранса-Дикке и др. Подробнее см.: Павленко Европейская космология: основания эпистемологического поворота. — М.: Интрада, 1997. — Гл. 3.
- (14) Dicke R.H. Dirac's Cosmology and Mach's Principle // Nature. — 1961. — 192 [Nov. 4]. — P. 440. Здесь я хотел бы опустить полемику о «первенстве» в формулировке антропной аргументации. Однако не упомянуть об этом было бы несправедливым. Независимо от Дикке и за несколько лет до него (в 1957 г.) советский астроном и физик Г.М. Идлис опубликовал тезисы конференции, в которых высказывалась мысль о «зависимости свойств наблюдаемой Вселенной» от существования земного наблюдателя. См.: Идлис Г.М. Структурная бесконечность Вселенной и Метагалактика как типичная обитаемая космическая система (тезисы доклада) // Труды VI совещания по вопросам космогонии. Внегалактическая астрономия, космология (Москва, 5—7 июня 1957 г.). — М., 1959. — С. 270—271. Аналогичные взгляды изложены в другой работе: Идлис Г.М. Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерные свойства обитаемой космической системы // Известия Астрофизического института АН КазССР. — 1958. — Т. 7. — С. 39—54.
- (15) Буквально он сказал следующее: «Our localization in the Universe is inevitably privileged into some extent». См.: Carter B. “Large Number Coincidences and the Anthropic Principle in Cosmology”. IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data. Dordrecht: Reidel. — P. 291—298.
- (16) Картер Б. Совпадение Больших Чисел и антропологический принцип в космологии // Космология, теория, наблюдения. — М., 1978. — С. 372.
- (17) Там же. — С. 373.
- (18) См. по этому вопросу: Линде А.Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. — М.: Наука, 1990.
- (19) Наш собственный анализ, равно как и анализ этой сентенции, проделанный до нас Якко, Хинтиккой, показал, что все не так просто. Ибо в ней опущена посылка, которая косвенно затрагивает такие отношения. См.: Павленко А.Н. Рациофундаментализм // Вопросы философии. — 2008. — № 1. В несколько более полном виде (с учетом выводов полученных Хинтиккой): Pavlenko Andrey. Cogito, ergo sum: from enthymeme to bioethics // Пределы intersубъективности. Критика коммуникативной способности обоснования знания. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 237—254. И независимо в англоязычном журнале: Pavlenko Andrey. Cogito ergo sum: from Enthymeme to bioethics // *Ontology Studies*. — 2012. — № 12. Работы Я. Хинтикки на эту тему: Hintikka J. Cogito, ergo sum: Inference or performance? // *Philosophical Review*. — 1962. — 72; Hintikka J. The Cartesian Cogito, epistemic Logic and Neuroscience: some surprising Interrelations // *The Logic of Epistemology and The Epistemology of Logic. Selected Essays*; Kluwer Academic Publishers, Dordrecht-Boston-London. — 1988. — Vol. 200. Managing Editor: Jaakko Hintikka. — P. 113—136.
- (20) С таким взглядом соглашаются многие исследователи оснований космологии. Например, его придерживается украинский исследователь Я.В. Тарароев. См. Тарароев Я.В. Онтологические основания современной физики и космологии. — М.: URSS, 2011. — С. 161—163.
- (21) См. Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: Мартис, 1997. — С. 178—218. Эта же работа переиздана в сборнике моих статей: Павленко А.Н. Философские проблемы космологии: Вселенная из «ничего» или Вселенная из «небытия»? — М.: URSS, 2012. — С. 6—44.
- (22) Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: Мартис, 1997. — С. 215—216.

- (23) Например, «не мыслящим» может считаться человек находящийся в утробе матери или, допустим, в коме, то есть в бессознательном состоянии.
- (24) *Павленко А.Н.* Рациофундаментализм // Вопросы философии. — 2008. — № 1.
- (25) Равно как и все высшие животные, проходящие эмбриональную стадию в своем развитии.
- (26) Впервые об этой корреляции было заявлено в работе Павленко А.Н. *Дар / Человек*. — 1994. — № 1. — С. 51—52). Затем этот результат был опубликован в англоязычных изданиях: Pavlenko A.N. *Universalism and cosmic Harmony. Principle of genetic Similarity (PGS) // Skepsis*. — 2004. — XV/I. — P. 289—401; Pavlenko A.N. *Ratiofundamentalism and its overcoming*, — LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. — P. 51—64.
- (27) Здесь следует обратить внимание на интерпретацию связи человека и Вселенной, которая была высказана А.В. Нестеруком, однако предложенная с совершенно других — феноменологических — позиций. Смотрите его статью в двух частях: *Nesteruk Alexei V. Cosmology at the Crossroads of the Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 1: Introduction // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* — 4 (2011 4). — P. 560—576; *Nesteruk Alexei V. Cosmology at the Crossroads of Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 2. Explication // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 5 (2011 4). — P. 644—666.
- (28) Здесь открывается широкое поле размышлений для биомедицины.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Идлис Г.М.* Структурная бесконечность Вселенной и Метагалактика как типичная обитаемая космическая система (тезисы доклада) // Труды VI совещания по вопросам космогонии. Внегалактическая астрономия, космология (Москва, 5—7 июня 1957 г.). — М., 1959. — С. 270—271. Аналогичные взгляды изложены в другой работе: *Идлис Г.М.* Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерные свойства обитаемой космической системы // Известия Астрофизического института АН КазССР. — 1958. — Т. 7. — С. 39—54.
- [2] *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. — М., 1964.
- [3] *Картер Б.* Совпадение Больших Чисел и антропологический принцип в космологии // Космология, теория, наблюдения. — М., 1978.
- [4] *Линде А.Д.* Физика элементарных частиц и инфляционная космология. — М.: Наука, 1990.
- [5] *Максименко Л.А.* Homo cosmicus: опыт антропологической космологии. — Омск: Издательство ОмГПУ, 2011.
- [6] *Павленко А.Н.* Европейская космология: основания эпистемологического поворота. — М.: Интрада, 1997.
- [7] *Павленко А.Н.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки. — М.: Мартис, 1997.
- [8] *Павленко А.Н.* Рациофундаментализм // Вопросы философии. — 2008. — № 1.
- [9] *Павленко А.Н.* Принцип «наблюдаемости»: почему нереализуема теория бесконечной Вселенной // Вестник РУДН. — 2009. — № 3. — С. 5—15.
- [10] *Павленко А.Н.* Философские проблемы космологии: Вселенная из «ничего» или Вселенная из «небытия»? — М.: URSS, 2012. — С. 6—44.
- [11] *Татароев Я.В.* Онтологические основания современной физики и космологии. — М.: URSS, 2011.
- [12] *Carter B.* “Large Number Coincidences and the Anthropic Principle in Cosmology”. IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data. Dordrecht: Reidel. — P. 291—298.
- [13] *Dicke R.H.* Dirac’s Cosmology and Mach’s Principle // Nature. — 1961. — 192 [Nov. 4].

- [14] *Hintikka J.* Cogito, ergo sum: Inference or performance? // *Philosophical Review*. — 1962. — V.72.
- [15] *Hintikka J.* The Cartesian Cogito, epistemic Logic and Neuroscience: some surprising Interrelations // *The Logic of Epistemology and The Epistemology of Logic. Selected Essays*; Kluwer Academic Publishers, Dordrecht-Boston-London, 1988, Volume 200, Managing Editor: Jaakko Hintikka. P. 113—136.
- [16] *Hoskin Michel.* Gravity and Light in the Newtonian Universe of Stars // *JHA*. — 2008. — Xxxix.
- [17] *Nesteruk Alexei V.* Cosmology at the Crossroads of the Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 1: Introduction // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 4 (2011 4). — P. 560—576.
- [18] *Nesteruk Alexei V.* Cosmology at the Crossroads of Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 2. Explication // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 5 (2011 4). — P. 644—666.
- [19] *Pavlenko Andrey.* Cogito, ergo sum: from enthymeme to bioethics // Павленко А.Н. Пределы интересубъективности. Критика коммуникативной способности обоснования знания. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 237—254.

FROM QUANTUM COSMOLOGY TO ANTHROPOLOGY AND BACK

A.N. Pavlenko

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
Researching Group of “Ontology”

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article demonstrates that the logical-philosophical analysis of Copernicus’ Principle and Anthropic Cosmological Principle (B. Carter) refers us to the Plato’s Cosmic Principle. The basis for their constructive critic is the appearance of the inflationary universe theory in modern quantum cosmology. This Theory allows the development of the Universe within two stages: 1) inflation and 2) evolution. It is shown that the same two-stage requirement detected in the development of an observer (the Human Being). This similarity can be fixed in the “Principle of genetic similarity” (PGS) of the observer and the Universe. PGS can be used as: 1) the criteria for demarcation of realistic and nonrealistic scenarios which are describing the Universe, 2) the basis for reconsideration of certain problems of biomedical ethics.

Key words: ontology, quantum cosmology, science, Plato’s Cosmic principle, Copernicus principle, Anthropic cosmological principle (ACP), Principle of genetic similarity (PGS), logic, observer.

REFERENCE

- [1] Idlis G.M. Strukturnaja beskonechnost' Vselennoj i Metagalaktika kak tipichnaja obitaemaja kosmicheskaja sistema (tezisy doklada) // *Trudy VI soveshhanija po voprosam kosmogonii. Vne-*

- galaktičeskaja astronomija, kosmologija (Moskva, 5—7 ijunja 1957 g.). — M., 1959. — S. 270—271. Analogičnyje vzgljady izloženy v drugoj rabote: Idlis G.M., Osnovnyje čerty nabljudaevoj astronomičeskoj Vselennoj kak harakternyje svojstva obitaemoj kosmičeskoj sistemy // *Izvestija Astrofizičeskogo institute AN KazSSR*. — 1958. — T. 7. — S. 39—54.
- [2] Kopernik N. O vrashhenijah nebesnyh sfer. — M., 1964.
- [3] Karter B. Sovpadenie Bol'shih Chisel i antropologičeskij princip v kosmologii // *Kosmologija, teorija, nabljudenija*. — M., 1978.
- [4] Linde A.D. Fizika jelementarnyh častic i inflacionnaja kosmologija. — M.: Nauka, 1990.
- [5] Maksimenko L.A. Homo cosmicus: opyt antropologičeskoj kosmologii. — Omsk: Izdatel'stvo OmGPU, 2011.
- [6] Pavlenko A.N. Evropejskaja kosmologija: osnovanija jepistemologičeskogo povorota. — M.: Intrada, 1997.
- [7] Pavlenko A.N. Antropnyj princip: istoki i sledstvija v evropejskoj nauchnoj racional'nosti // *Filosofsko-religioznye istoki nauki*. — M.: Martis, 1997.
- [8] Pavlenko A.N. Raciofundamentalizm // *Voprosy filosofii*. — 2008. — № 1.
- [9] Pavlenko A.N. Princip «nabljudaeмости»: počemu nerealizuema teorija beskonečnoj selennoj // *Vestnik RUDN*. — 2009. — № 3. — S. 5—15.
- [10] Pavlenko A.N. Filosofskie problemy kosmologii: Vselennaja iz «ničego» ili Vselennaja iz «nebytija»? — M.: URSS, 2012. — S. 6—44.
- [11] Tararoev Ja.V. Ontologičeskie osnovanija sovremennoj fiziki i kosmologii. — M.: URSS, 2011.
- [12] Carter B. “Large Number Coincidences and the Anthropic Principle in Cosmology”. *IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data*. Dordrecht: Reidel. pp. 291—298.
- [13] Dicke R.H. Dirac's Cosmology and Mach's Principle // *Nature*. — 1961. — 192 [Nov. 4].
- [14] Hintikka J. Cogito, ergo sum: Inference or performance? // *Philosophical Review*. — 1962. — V. 72.
- [15] Hintikka J. The Cartesian Cogito, epistemic Logic and Neuroscience: some surprising Interrelations // *The Logic of Epistemology and The Epistemology of Logic. Selected Essays*; Kluwer Academic Publishers, Dordrecht-Boston-London, 1988. — Vol. 200. Managing Editor: Jaakko Hintikka. — P. 113—136.
- [16] Hoskin Michel. Gravity and Light in the Newtonian Universe of Stars // *JHA*. — 2008. — Xxxix.
- [17] Nesteruk Alexei V. Cosmology at the Crossroads of the Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 1: Introduction// *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 4 (2011 4). — P. 560—576.
- [18] Nesteruk Alexei V. Cosmology at the Crossroads of Natural and Human Sciences: is Demarcation Possible? Part 2. Explication// *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 5 (2011 4). — P. 644—666.
- [19] Pavlenko Andrey, Cogito, ergo sum: from enthymeme to bioethics // *Павленко А.Н. Пределы интересубъективности. Критика коммуникативной способности обоснования знания*. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 237—254.

СОЗВЕЗДИЯ. РИТУАЛ. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОСМОС

А.В. Кузьмин

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
Старопанский пер., 1/5, Москва, Россия, 109012

Статья посвящена попытке реконструировать элементы космологических воззрений в обществах, не перешедших рубеж фазы господства философии. Согласно представленной точке зрения некоторые истоки космологических представлений нужно искать в истории ритуала «принесения в жертву небесного коня».

Ключевые слова: космологические модели, карта созвездий, экзистенциальный Космос, онтология науки.

Несмотря на наличие в том или ином историческом сообществе общепризнанной, общезначимой модели Космоса, индивидуальное осознание Мироздания представляет собой уникальное личностное переживание, непосредственно связанное с попыткой осознания собственного существования, причем «индивидуальное осознание Мироздания» может основываться на общезначимой в настоящий момент модели, но может опираться и на так называемые «прошлые» или исторические модели — образы Вселенной, поскольку любая из них пронизывает и весь цивилизационный процесс и процесс индивидуального личностного развития [7].

В названной работе была предложена периодизационная модель, в единой концепции предлагающая синтез точного и гуманитарного начал естествознания в поле европейского цивилизационного, и, кроме того, личностного процесса познания. В качестве ключевой характеристики рассматривалась одна из шести возможных (основных) астрономических моделей мира (пространства), общезначимых в тот или иной хронологический период. Это I. Предантропоцентризм (или метацентризм — то есть то, что за пределами всякого центризма, в том числе и антропоцентризма); II. Антропоцентризм; III. Топоцентризм; IV. Геоцентризм; V. Гелио- и возникающий практически одновременно, вскоре за ним Полицентризм и VI. Отказ от центризма (или неометацентризм — то есть новое за пределами всякого центризма на современном уровне восприятия, но отчасти подобный предантропоцентризму) [7].

В данной статье мы вынуждены более подробно обратиться ко второму разделу периодизации (антропоцентризм). Согласно концепции А.А. Гурштейна здесь (синхронно началу земледельческой культуры) возникает трехуровневое деление неба на созвездия верхнего среднего и нижнего мира, наслоившееся на хаотичный (без определения какой-либо структуры) набор тотемов-предков-семизвездий и первое поколение зодиакальных созвездий — символов меры ритма Солнца (т.е. фактически Космоса) и годового ритма природы, наслоившееся на прошлое, уже состоявшееся (и в этом смысле тогда уже — историческое) знание ритма Луны [17, 18].

Карта созвездий

Несмотря на кажущуюся хаотичность ее композиции, построение подчинено особым законам и регулируется безупречной внутренней логикой. Ее основа сложилась в дописьменный период истории. Уже изначально «небесные образы», представлявшие наиболее важные культурные коды, были *канонизированы*, — составляли часть древних культов. «Небесные персонажи», которые сейчас более принято рассматривать обособлено друг от друга, изначально были частями нескольких, а возможно и единого сюжетов.

Первое *полное* известное описание неба было создано древнегреческим поэтом Аратом Солийским [1]. Известны также значительно более ранние фрагментарные упоминания звездного неба, в том числе у Гомера и Гесиода.

В свою очередь, вопрос происхождения «греческого» неба, также представляет немалый интерес. Из современных исследователей, на наш взгляд, наиболее удачную попытку реконструировать раннюю версию «греческого неба» предприняли М. Бломберг и П. Бломберг из Уппсальского университета (Швеция). На основе многолетних археологических исследований горных святилищ Петсофас и Траосталос (Восточный Крит) ученые реконструировали возможный вариант крито-микенской карты неба и обосновали гипотезу о ее роли прообраза известной нам греческой карты. Исследователи также продемонстрировали возможности ее практического использования и сформулировали гипотезы о ее собственном происхождении [15] (1).

В тексте Арата описаны не только сами фигуры созвездий, но и их соотношение с системой небесных координат, то есть автор выстраивает математически точное изображение (созданное более чем за сто лет до появления каталога Птолемея), где контуры созвездий выполняли роль дополнительной координатной основы [5].

Ритуал

Одна из композиций северного неба, включающая фигуры Пегаса (Крылатого Коня), Андромеды, Малого Коня (Головы Коня), отражает акт жертвоприношения — главенствующего ритуального действия, подробно известного из реконструкций архаических культов. Здесь, за образами созвездий Арата, за греческим мифом скрываются персонажи значительно более раннего и значительно более универсального сюжета.

Жертвоприношения регулярно свершались в дни особых положений Солнца (как правило вблизи дней восходов Солнца на ключевых азимутах — крайнем северном, крайнем южном и на Востоке). Кроме того, пространственно-временная организация жертвенных погребений основывалась на геометрических моделях, прописываемых лучами-направлениями на точки-ориентиры соответствующих азимутов на горизонте (2).

Описание созвездий Андромеды, Пегаса, Малого Коня подчеркивают весьма близкое взаимное расположение фигур этих созвездий: они частично перекрываются между собой:

«Ночь озирать, чтоб увидеть ее, не придется подолгу —
Столь примечательный свет голова ее излучает,

Плечи, окраины стоп и усеянный звездами пояс.
Но и на небе она хранит распростертыми руки,
Ибо и там не спадают с нее оковы, в которых
Изо дня в день, ладони воздев, Андромеда восходит.
Возле нее в вышине обращается Конь исполинский,
Чревом примкнув к голове: одно и то же светило
Пуп освещает Коня и вершину главы Андромеды» [1. С. 31].

Описываемая Аратом композиция порождает много вопросов: «разрубленный конь» с «крыльями», «голова Коня» (как это созвездие называли в древности, сейчас это Малый Конь (3)), но изображена именно голова Коня. Далее к востоку — женщина, прикованная согласно известному греческому мифу к прибрежной скале, но скала в иконографической традиции вовсе отсутствует, а женский образ (Андромеда) странно «лежит» на разрубленном коне. Причем все фигуры изображены в весьма необычном ракурсе, — как бы «перевернутыми» (4).

Определим главные особенности расположения фигур, обращающие на себя особое внимание.

1. Близость двух конских голов — головы Пегаса и Малого Коня, созвездий, называемых в древности *Конем* и *Головой Коня*.

2. Созвездие Пегаса представляет собой только переднюю часть коня, «за которой» располагается фигура созвездия Андромеды (в соответствии с эллинистическим мифом, девушки, предназначенной для принесения в жертву), обращенной головой к «завершению» фигуры Пегаса (5).

3. Такое противоестественное расположение фигур (они как будто «перевернуты» и «уложены одна на другую») в точности соответствует морфологии ритуальных погребений, в которых останки мужчины «сопровождаются» останками коней, женщин и реже — детей.

Все известные античные описания безальтернативно указывают на неразрывность изображений этих небесных фигур. Почему Андромеда — дочь царя Цефея, предназначенная в жертву морскому чудовищу и спасенная Персеем, вдруг оказывается столь тесно связана с Конем (Пегасом) и Головой Коня (Малым Конем).

В работах С.В. Житомирского и А.А. Гурштейна [4, 5, 18] было убедительно показано, что греки — представители морской цивилизации, придали уже в те времена древнему, кроме того, пришедшему извне образу карты созвездий (и в частности этому фрагменту) явный морской колорит. Вследствие этого одним из основных персонажей мифа становится морское чудовище — Кит. Но на небе полностью сохраняются и более древние участники жертвоприношения — Конь — ввиду преэминентности и сакрализованности небесной иконографической традиции. Символ одного из них (Пегас) наполнился новым, совершенно иным смыслом (значение символа *Малого Коня* в наши дни куда менее очевидно), но их образы, а главное — вся изначальная композиция сохранились в первоизданном виде благодаря особому статусу небесной иконографии. Греческая интерпретация наделяет этот сюжет новой эстетикой. Прибрежные скалы отделяют сушу от моря — бренное от вечного. Море (Океан) — начало Космоса.

Анализ рассматриваемого сюжета, описанного древнегреческими авторами и в точности воспроизведенного в западноевропейских звездных атласах XVI—XVII вв. (α Андромеды — Альферрац (Сиррах) — символизирующая *голову Андромеды*, одновременно — δ Пегаса и обозначает и *пуп коня*) показывает наличие в нем символического смысла, который связан с архаическим индоевропейским ритуалом жертвоприношения коня.

Лошадь, конечно же, играла совершенно особую, чрезвычайно важную роль в жизни древнего общества. Вопрос о месте и времени ее одомашнивания по-прежнему остается открытым, хотя считается установленным, что произошло это на рубеже четвертого и третьего тысячелетий до новой эры. В новейшей научной литературе есть и иные точки зрения, уводящие начало общения человека с конем в более ранние эпохи и, кроме того, принципиально разделяющие его ритуальное и хозяйственное значения [16].

Во всяком случае не вызывает сомнений то, что по меньшей мере с момента утверждения Митраизма в духовной жизни общества символ Коня заключает в себе обширный космологический смысл.

Письменные свидетельства

Космологический символизм коня находит свое отражение в текстах Вед и Упанишад, где подчеркивается особая символическая связь коня с космологическими представлениями носителей ведических знаний. Все предметы, участвующие в ритуале, представляют собой символы каких-то других предметов. Все операции с первыми суть операции с символами. Совершаются они по строго установленным правилам и имеют значение для тех реальных объектов, которые они символизируют. В связи с этим обращает на себя внимание особое отношение к жертвоприношению коня, которое моделирует весь Космос.

Космос, все пространство, весь мир возникает, творится в ходе обряда из приносимого в жертву коня. Каждая часть жертвенного животного символизирует какое либо природное (космологическое, с точки зрения жрецов) явление. «Голова жертвенного животного суть заря, глаз — Солнце, дыхание — ветер, ухо — Луна, ноги — части света, ребра — промежуточные части света, мигание — день и ночь, суставы — половины месяцев, сочленения — месяцы, конечности — времена года, туловище — год, волосы — лучи Солнца, форма — Весь мир (Накшатрас), кости — звезды, плоть — туман, волосы — растения, хвост — деревья... когда он жует, здесь появляется молния, когда он двигается, здесь идет дождь, его речь суть речь» (6).

Образ, объединивший коней и женский образ, в свое время был заимствован греческим миром с Востока — с территорий Малой Азии, Иранского нагорья. Сюжет такого жертвоприношения изначально не был присущ древнегреческой культуре, но был скопирован, как часть визуализированной традиции изображения звездного неба. Именно так более архаический ритуал принесения в жертву Коня был «записан» в определенную область звездного неба, причем область непосредственно «сливающуюся» с областью созвездия Рыб, — т.е. с ключевым общеиндоевропейским символом смерти и возрождения [17, 18].

Переданный образами эллинистической мифологии, он в свою очередь стал частью собственно греческой традиции (кроме того, что нашел свое место в древнегреческой системе созвездий), что произошло не ранее второй половины второго тысячелетия до н.э. Во всяком случае в крито-микенской культуре, откуда берет свое начало структура древнегреческой карты неба, дошедшей до нас через произведение Арата, подобный ритуал вероятнее всего отсутствовал. Но при этом для различных индоевропейских народов те или иные разновидности обряда с участием лошади и женщины характерны на всех стадиях социокультурного развития.

В древнеиндийской традиции во время ритуала «ашвамедха», после принесения в жертву коня «главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым конем, что происходит на фоне словесных комментариев со стороны жрецов. Сама царица ложится с убитым конем, и ее накрывают покрывалом. В этом ритуале участвуют четыре жены царя, три жены делят впоследствии коня на три части» [9. С. 139].

Аналогичный обряд известен в Древнем Иране: по свидетельствам Геродота и других античных авторов, одну из наложниц вождя душат, принося в жертву вместе с лошадьми. Тоже практиковалось и у скифов.

О подобной традиции говорят многочисленные археологические открытия, в том числе обнаруженное в Туэктинском кургане на Алтае захоронение женщины вместе с верховыми лошадьми — предположительно — жены вождя. Подобное существовало в эпоху бронзы и раннего железа в древнегерманской традиции, у славянских, балтийских и других народов, населявших тогда Европу.

Таким образом, анализ понятий и особенностей визуализированной художественной формы этой небесной композиции, ее аутентичность с формами захоронений хорошо известных в археологии и известных описаний ритуала, приводит к выводу, что рассматриваемый сюжет композиции карты созвездий имеет универсальное индоевропейское происхождение и отображает акт жертвоприношения. Отдельные созвездия небесной карты: Малый Конь, Пегас, Андромеда, — в архаическую эпоху составляли единую композицию, включавшую принесенных в жертву коней (парность конских голов подчеркивает, что в жертву мог быть принесен не один, а некоторое количество коней, что также подтверждают археологические артефакты.

Чрезвычайно важно, что акт жертвоприношения, фиксируемый таким образом в том числе в образах карты неба, имеет в первую очередь космологический смысл, ибо во время ритуала каждый его участник переживает момент творения Космоса. И эти небесные символы, наряду с символами первого квартета зодиакальных созвездий, в свою очередь определяющие Солнце как меру и причину существующего миропорядка, отображают собой не что иное, как образную фиксацию интуитивного представления первопричины возникновения нашего мира (Вселенной, Космоса), и, кроме того, представляют зеркальное отражение вопроса о причине и смысле собственного существования.

Реконструкция идейного наполнения ритуала находятся в непримиримом конфликте с представлением современного общества о человеке, его правах,

об общечеловеческих ценностях, строении Космоса, методах передачи информации и так далее. Но это обстоятельство, на наш взгляд, и может служить подтверждением того, что нам удалось достаточно объективно смоделировать хотя бы некоторые из особенностей космологии антропоцентризма в полном согласии с одним из тезисов А.Н. Павленко, приводимых в издании [10], в связи с утверждением возможности применимости понятия «фазовых переходов» как для истории Космоса, так и для истории общества: «На ранних стадиях эволюции Вселенной (общества) физические (социальные) процессы определялись *другими энергиями*, недостижимыми в современных условиях. Причем не просто недостижимыми, но — что более существенно — *невоспроизводимыми* в современных условиях» [10. С. 245].

И далее: «Энергии и силы, определявшие эпоху господства мифа, религии и философии, — сегодня невозпроизводимы. Для выявления сущности тех эпох мы можем создавать только правдоподобные модели, но не потому, что мы лишены *способности* рационально реконструировать, а потому, что мы лишены самой *возможности* адекватного проникновения в те эпохи, так как не имеем тех типов связей, сил и энергий, которые только и составляли тогда существо господствующих отношений. Они закрыты от нас именно своей *целостностью*. Мы же в силу *наших* ценностей реконструируем их как только *сумму частей*» [10. С. 245].

Анимация мифа

Рассмотренная нами группа созвездий представляет собой отражение (фиксацию) характерного архетипического образа, сохраняющегося в коллективном-бессознательном. Образа, нашедшего впоследствии свое место, конечно же, не только в структуре античной, ренессансной и новейшей звездной карты, но и многих художественных произведениях Античности, Ренессанса и последующего времени от весьма популярных сюжетов живописных произведений, до прекрасных образцов искусства кинематографии XX в., причем произведения эти часто находятся на той самой *границе наших ценностей*, часто стремятся нарушить, преодолеть эту грань, становятся скандальными, только потому, что стремятся хотя бы на мгновения сгенерировать энергии эпохи господства мифа (7).

Катастрофы

Возможно ли определить точный момент зарождения идеи жертвоприношения как акта творения Космоса, проследить истоки, познать причины такого мировоззрения?

Можно предположить, что произошло это на рубеже окончательного утверждения голоцена, последовавшего вслед за массовой гибелью людей в результате климатических катастроф, характерных в том числе и периоду становления голоцена (раннего голоцена). Стабилизация климата приводит общество к возможности создания производящего хозяйства, возможности и целесообразности планировать «завтрашний день», а также желанию максимально «отсрочить» «по-видимому неизбежный» новый повтор «конца света». Любые,

но в особенности ранние системы мировоззрения всегда готовили людей не только к моменту серьезных катастроф, но и к способам выживания в них. Причем последние в первую очередь относились к нематериальной, а напротив — скорее метафизической, ритуальной стороне жизни.

Мы предполагаем, что именно тогда (на фоне утверждения голоцена) зарождалось мировоззрение *господства мифа*, между надеждой на «завтрашний день» и коллективной памятью о прошлых климатических катастрофах (то есть «концах света»).

Известна точка зрения, согласно которой чума, повлекшая массовое вымирание людей в Европе, спровоцировала «рождение» научного мировоззрения.

Таким образом одна гуманитарная катастрофа, произошедшая в период, приблизительно соответствующий Ренессансу, ввела европейскую цивилизацию в фазу господства науки (гелиоцентризм), другая, — колебания климата ранее начала шестого тысячелетия — в фазу господства мифа (антропоцентризм). Следуя нашей логике, возможно предположить, что фаза господства философии (геоцентризм) зарождается в результате попыток преодолеть и осознать причину и смысл гибели Крито-микенской цивилизации (по сути — сверхдержавы) также в результате природной катастрофы (очередного «конца света») — извержения вулкана на острове Санторин. Столь внезапная и «легкая» (буквально в течение одной ночи) гибель одного из признанных «Мировых цивилизационных центров средиземноморского прототипа западноевропейской культуры» и порождает с одной стороны идею *единой земли* (геоцентризм), с другой — начало господства философского мировоззрения.

Итоги

Космологическая модель эпохи антропоцентризма существовала наряду с образом мира, зафиксированного в I квартете зодиакальных созвездий. Названная четверка зодиакальных созвездий фиксировала четыре ключевых азимута восхода Солнца, которые определяли самый длинный, самый короткий дни в году и два дня равноденствий. Именно этот ритм упорядочивал жизнь Земли. Ритм хозяйственной жизни людей также был отражением этого космического ритма.

В свою очередь, причиной возникновения такого миропорядка (говоря современным языком) было творение (сотворение создание) Космоса из жертвы «небесного коня», чья ритуальная смерть становится причиной возникновения мира. Кроме того, оба этих образа — назовем их условно в современных понятиях: «астрономическая картина мира» и «космологическая модель», зафиксированы в образах созвездий. Первый в I квартете зодиакальных созвездий (Близнецы, Дева, Стрелец, Рыбы), второй в композиции созвездий, современные наименования которых Малый Конь, Пегас, Андромеда.

Названная космологическая модель реализовывалась путем экзистенциальных переживания ритуала, ибо «природный мир не был объектом, пригодным для эксперимента, анализа и эксплуатации. Он не был объектом вообще. Он был живым миром, полным мистерий и сил, и жизнь человека тогда определялась богатством и значением, которое он обретал, ощущая участие в движении этих сил» (8).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О происхождении греческого неба: близкие, а также альтернативные подходы включают многие труды. См. например [5, 8, 19].
- (2) По данному вопросу существует обширная историография. См. например [6, 11, 12]. Кроме того, весьма интересны новейшие общемировые тенденции: см. например сборники Abstract book SEAC: Stars and Stones: Voyages in Archaeoastronomy and Cultural Astronomy. 19—24 September. Evora, Portugal, 2011; Astronomy and Power: How Worlds are Structured. August 30 — September 4, Gilching, Germany, 2010.
- (3) См. например [13. С. 236].
- (4) См. например издание [2], карты 18, 19, 20. Кроме того, весьма интересен русифицированный вариант соответствующих звездных карт в издании [14].
- (5) См. также Гигин (II в. н.э.): «Ее голова составляет одно целое с животом коня Пегаса, ведь одну и ту же звезду называют одновременно и пупом Пегаса, и головой Андромеды» (Hugini, Astronomia, III. 10.1 [3. С. 90].
- (6) Ядж, VI, 2, 5. Цит. по [9].
- (7) Можно привести в качестве примера живописных произведений — полотна Рубенса и Маррацоне. Из кинематографических шедевров фильм И. Парамонова и Е. Карелова «Служили два товарища» (1968), как и многие наиболее удачные опыты мирового кинематографа основан на интуитивном многократном повторе мифологических образов, скрывающихся за внешним развитием сюжета. Так в названном фильме многократно повторяется образ Близнецов: два героя с одной стороны: Карякин (Р. Быков), Некрасов (О. Янковский), два, с другой: Брусенцов (В. Высоцкий), Лукашевич (Н. Бурляев). «Где мой Саша Брусенцов?» Один из героев продолжает жить, другой — погибает. И тут же новый миф: начало любви (и снова Близнецы: Саша и Саша) и пророчество: «Ни Вас ни меня через месяц здесь не будет!». Вся история революции и гражданской войны рассказана как в Илиаде Гомера, — в пределах одного-единственного, но самого драматичного сюжета произошедшего в течение не более чем двух десятков дней. И апофеоз: то самое жертвоприношение, когда Брусенцов, зная, понимая и принимая свою скорую гибель буквально уносит с собой из этого мира, свою возлюбленную и добровольно согласившуюся стать его женой, Сашу и коня Абрека, которого он «не отдаст никому». И самая драматичная сцена, — на пристани (суша и море — конец времени и начало вечности), как он ведет их за собой. Банальная повесть об эпизоде гражданской войны превращается в миф о гибели и возрождении Космоса. Жизнь возродилась и продолжается вновь говорит нам бегущая кинолента, которую снял Некрасов, Космос опять существует, ибо продолжают жить Близнецы: один (Карякин) в этом мире, второй (Некрасов) в ином — вечном, ибо свершилось жертвоприношение. И создание самого фильма как известно не обошлось без жертвоприношений, хоть и несколько иного рода — лучшие кадры с участием В.С. Высоцкого были уничтожены с мотивировкой «Белый офицер не может так любить женщину». Истина не тиражируема она может явиться только здесь и сейчас, — человеку на грани, — в размышлениях о его собственном существовании и мимолетности бытия. Бывают провидения в будущее, которых почти никто не понимает и провидения в прошлое, интуитивно ощущаемые практически всеми, ибо они несут в себе энергию господства мифа.
- (8) Мнение Ф. Шерарда цит. по [10. С. 244].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арат*. Явления // Небо, наука, поэзия / Пер. А.А. Роснуса. — М.: Издательство МГУ, 1992. — С. 31.
- [2] *Гевелий Я.* Атлас звездного неба. — Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1968.
- [3] *Гигин*. Астрономия / Пер. А.И. Рубана. — СПб.: Алетей, 1997.

- [4] *Гуриштейн А.А.* Зодиак и история европейской культуры // ВДИ. — 1995. — № 1. — С. 153—161.
- [5] *Житомирский С.В.* Античная астрономия и орфизм. — М.: Янус-К, 2001.
- [6] *Кириллов А.К., Кириллова Н.Г., Никитинова Ю.А.* Некоторые проблемы археоастрономии Большекараганской долины (по результатам полевого семинара «Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала», 19—25 июня 2006 г.) // Историко-астрономические исследования. — Вып. XXXIV. — С. 173—193.
- [7] *Кузьмин А.В.* Один из универсальных подходов к оценке цивилизационных феноменов // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2011. — № 3. — С. 131—141.
- [8] *Куртик Г.Е.* История Зодиака согласно клинописным источникам // ВДИ. — 1995. — № 1. — С. 178—188.
- [9] *Молодцова Е.Н.* Естественнонаучные представления эпохи Вед и Упанишад // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. — М.: Наука, 1982.
- [10] *Павленко А.Н.* Европейская космология: основания эпистемологического поворота. — М.: ИФ РАН, «Интрада», 1997.
- [11] *Потёмкина Т.М.* Пространственно-временная организация погребального поля могильников эпохи бронзы по материалам археологических раскопок // Астрономия древних обществ. — М.: Наука, 2002. — С. 134—144.
- [12] *Потёмкина Т.М., Юевич В.А.* Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников: методический аспект. — М.: Институт археологии РАН, 1998.
- [13] *Птолемей К.* Альмагест / Пер. И.Н. Веселовского. — М.: Наука, 1998.
- [14] *Рейссиг К.* Созвездия... — СПб.: В типографии Х. Гинца, 1829.
- [15] *Blomberg P.* An attempt to reconstruct the Minoan star map // Астрономия древних обществ. — М.: Наука, 2002. — С. 93—101.
- [16] *Gimbutas M.* The Goddesses and Gods of Old Europe, 6500—3500 B.C.: Myths and Cult Images. Berkeley: Los Angeles S.A.: University of California Press, 1982.
- [17] *Gurshtein A.A.* Prehistory of Zodiac Dating: Three Stata of Upper Paleolithic Constellations // Vistas in Astronomy. — Vol. 39. — Elsevier Science Ltd, 1995. — P. 347—362.
- [18] *Gurshtein A.A.* The Evolution of the Zodiac in the Context of Ancient Oriental History // Vistas in Astronomy. — Vol. 41. Elsevier Science Ltd, 1998. — P. 507—525.
- [19] *Roy A.* The Origin of the Constellations // Vistas in Astronomy. — Vol 27. — Elsevier Science Ltd, 1984. — P. 171—197.

CONSTELLATIONS. RITUAL. EXISTENTIALLY SPACE

A.V. Kuzmin

Institute for the History of Science and Technology
them. SI Russian Academy of Sciences, Vavilov
Staropansky per., 1/5, Moscow, Russia, 109012

The article is devoted to an attempt to reconstruct the elements of cosmological beliefs in societies that do not have passed the phase boundary rule philosophy. According to the presented in terms of some of the sources of cosmological ideas to be found in the history of the ritual, “the sacrifice of Heavenly Horse”.

Key words: cosmological models, the map of the constellations, Existential Space, the ontology of science.

REFERENCE

- [1] *Arat*. Javlenija // Nebo, nauka, poezija / Per. A.A. Rossiusa. — M.: Izdatel'stvo MGU, 1992.
- [2] *Gevelij Ja.* Atlas zvjozdnogo neba. — Tashkent: FAN Uzbekskoj SSR, 1968.
- [3] *Gigin*. Astronomija / Per. A.I. Rubana. — SPb.: Aletejja, 1997.
- [4] *Gurshtejn A.A.* Zodiak i istorija evropejskoj kul'tury // VDI. — 1995. — № 1. — S. 153—161.
- [5] *Zhitomirskij S.V.* Antichnaja astronomija i orfizm. — M.: Janus-K, 2001.
- [6] *Kirillov A.K., Kirillova N.G., Nikitnova Ju.A.* Nekotorye problemy arheoastronomii Bol'shekaraganskaj doliny (po rezul'tatam polevogo seminaru "Astronomicheskoe i mirovozzrencheskoe sodержanie arheologicheskikh pamjatnikov Juzhnogo Urala, 19—25 ijunya 2006 g.) // Istoriko-astronomicheskie issledovanija. — Вып. XXXIV. — С. 173—193.
- [7] *Kuz'min A.V.* Odin iz universal'nyh podhodov k ocenke civilizacionnyh fenomenov // Vestnik RUDN. Filosofija. — 2011. — № 3. — S. 131—141.
- [8] *Kurtik G.E.* Istorija Zodiaka soglasno klinopisnym istochnikam // VDI. — 1995. — № 1. — S. 178—188.
- [9] *Molodcova E.N.* Estestvennonauchnye predstavlenija jepohi Ved i Upanishad // Oчерки istorii estestvennonauchnyh znaniy v drevnosti. — M.: Nauka, 1982.
- [10] *Pavlenko A.N.* Evropejskaja kosmologija: osnovanija jepistemologicheskogo povorota. — M.: IF RAN, "Intrada", 1997.
- [11] *Potjomkina T.M.* Prostranstvenno-vremennaja organizacija pogrebal'nogo polja mogil'nikov jepohi bronzy po materialam arheologicheskikh raskopok // Astronomija drevnih obshhestv. — M.: Nauka, 2002. — S. 134—144.
- [12] *Potjomkina T.M., Juvevich V.A.* Iz opyta arheoastronomicheskogo issledovanija arheologicheskikh pamjatnikov: metodicheskij aspekt. — M.: Institut arheologii RAN, 1998.
- [13] *Ptolemej K.* Al'magest / Per. I.N. Veselovskogo. — M.: Nauka, 1998.
- [14] Rejssig K. Sozvezdija... — SPb.: V tipografii H. Ginca, 1829.
- [15] *Blomberg P.* An attempt to reconstruct the Minoan star map // Астрономия древних обществ. — M.: Наука, 2002. — С. 93—101.
- [16] *Gimbutas M.* The Goddesses and Gods of Old Europe, 6500—3500 B.C.: Myths and Cult Images. Berkeley: Los Angeles S. a.: University of California Press, 1982.
- [17] *Gurshtejn A.A.* Prehistory of Zodiac Dating: Three Stata of Upper Paleolithic Constellations // Vistas in Astronomy. — Vol. 39. Elsevier Science Ltd, 1995. — P. 347—362.
- [18] *Gurshtejn A.A.* The Evolution of the Zodiac in the Context of Ancient Oriental History // Vistas in Astronomy. — Vol. 41. Elsevier Science Ltd, 1998. — P. 507—525.
- [19] *Roy A.* The Origin of the Constellations // Vistas in Astronomy. — Vol 27. Elsevier Science Ltd, 1984. — P.171—197.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МАТЕМАТИКИ

АКСИОМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ОНТОЛОГИЯ ЛЕСНЕВСКОГО

С.А. Павлов

Институт философии РАН
ул. Волхонка, 14, Москва, Россия, 119991

В статье рассматриваются исходные положения и основные аксиомы теории обозначения. Отмечается взаимосвязь отдельных положений теории обозначения с элементарной онтологией Лесневского.

Ключевые слова: логика, Лесневский, «элементарная онтология», аксиомы теории обозначения.

ВВЕДЕНИЕ

Целью этой статьи является построение аксиоматической теории обозначения (именования). Построенная теория обозначения является прикладным исчислением относительного чистого исчисления символьных выражений.

Поэтому начнем с формулировки теория истины с операторами истинности и ложности, в рамках которой формулируется исчисление символьных выражений [4; 5].

1. ТЕОРИЯ ИСТИНЫ С ОПЕРАТОРАМИ ИСТИННОСТИ И ЛОЖНОСТИ $TFT(\forall, \Sigma, \wedge)$

Алфавит $TFT(\forall, \Sigma, \wedge)$:

s, s_1, s_2, \dots переменные для символьных выражений языка;

c, c_1, c_2, \dots константы для символьных выражений языка;

T, F логические константы, обозначающие операторы истинности и ложности;

\neg, \supset логические константы, обозначающие отрицание и импликацию;

\forall квантор всеобщности;

\wedge конкатенация (операция сочленения);

$), ($ технические символы.

Язык теории $TFT(\forall, \Sigma, \wedge)$

Правила образования

- 1.1. Если S есть переменная или константа для символьных выражений, то S есть символьное выражение (сокр.: S -выражение).

- 1.2. Если S_1, S_2 есть S-выражения, то $S_1 \wedge S_2$ есть S-выражение.
- 1.3. Если S есть S-выражение, то $S, T(S), F(S)$ есть формулы, в которые входят S-выражения (сокр.: S-формулы).
- 1.4. Если v есть переменная для символьных выражений и S есть S-формула, то $(\forall v S)$ есть S-формула.

Из всего класса S-формул выделим подкласс формул, которые образованы из префиксированных операторами истинности или ложности формул (называемыми в дальнейшем TF-формулами (TF-ф.)).

- 2.1. Если S есть S-формула, то $T(S), F(S)$ есть TF-ф.
- 2.2. Если P_1, P_2 есть TF-ф., то $(P_1), (FP_1), (\neg P_1)$ и $(P_1 \supset P_2)$ есть TF-ф.
- 2.3. Если v есть переменная для символьных выражений и P есть TF-ф., то $(\forall v P)$ есть TF-ф.
- 2.4. Всякая TF-ф. есть S-формула.
3. Ничто иное не является S-формулой и TF-ф.

Метапеременные: S, S_1, S_2, \dots , для S-формул;
 P, P_1, P_2, \dots , для TF-ф.

Определим ряд производных связей классическим образом.

- D1.1.1. $(P_1 \wedge P_2) \equiv_{df} \neg (P_1 \supset \neg P_2)$,
- D1.1.2. $(P_1 \vee P_2) \equiv_{df} (\neg P_1 \supset P_2)$,
- D1.1.3. $(P_1 \underline{\vee} P_2) \equiv_{df} ((P_1 \vee P_2) \wedge \neg (P_1 \wedge P_2))$,
- D1.1.4. $(P_1 \supset\subset P_2) \equiv_{df} ((P_1 \supset P_2) \wedge (P_2 \supset P_1))$.

Схемы аксиом

- A1.1. $(P_1 \supset (P_2 \supset P_1))$
- A1.2. $(P_1 \supset (P_2 \supset P_3)) \supset ((P_1 \supset P_2) \supset (P_1 \supset P_3))$
- A1.3. $((\neg P_1 \supset \neg P_2) \supset (P_2 \supset P_1))$
- A1.4. $\forall s P(s) \supset P(S_1)$, если S-выражение S_1 свободно для s в P(s).
- A1.5. $\forall s (P_1 \supset P_2) \supset (P_1 \supset \forall s P_2)$, если P1 не содержит свободных вхождений s.

К этим схемам аксиом добавим аксиомы, которые выражают условия истинности и ложности для TF-формул.

- A1.6.1. $TP \supset\subset P$ (T-эквивалентность для TF-ф.)
- A1.6.2. $FP \supset\subset \neg P$

Условия истинности и ложности для кванторов формулируем в виде следующих аксиом.

- A1.7.1. $T\forall s S \supset\subset \forall s TS$
- A1.7.2. $F\forall s S \supset\subset \exists s FS$
- A1.7.3. $T\exists s S \supset\subset \exists s TS$
- A1.7.4. $F\exists s S \supset\subset \forall s FS$

Аксиомы существования.

A1.8.1. $\exists s (\neg Ts \wedge \neg Fs)$

A1.8.2. $\exists s (Ts \wedge Fs)$

Правило вывода

$$\frac{P_1, (P_1 \supset P_2)}{P_2} \text{ MP}$$

Правило вывода

$$\frac{S}{\forall s S} \text{ Gen}$$

Определим оператор строгой истинности (истинности и не ложности) \ulcorner и введем еще два правила вывода.

D1.2. $\ulcorner S \equiv_{\text{df}} (TS \wedge \neg FS)$,

$$\frac{S}{\ulcorner S} \text{ Правило введения } \ulcorner$$

$$\frac{\ulcorner S}{S} \text{ Правило удаления } \ulcorner$$

Определим импликацию \supset^D которую назовем D-импликацией, так как именно она фигурирует в еще одной теореме дедукции.

D1.3.1. $(S_1 \supset^D S_2) =_{\text{df}} (\ulcorner S_1 \supset \ulcorner S_2)$

Определим константу «ложь» f и D-отрицание:

D1.3.2. $f =_{\text{df}} F(s \supset^D s)$

D1.3.3. $\neg^D S =_{\text{df}} (S \supset^D f)$

Содержательная интерпретация D-отрицания: не истинно или ложно, что S , или не строго истинно S , усматривается из следующих теорем:

T1.1.1. $\neg^D S \supset \subset (\neg TS \vee FS)$

T1.1.2. $\neg^D S \supset \subset \neg \ulcorner S$

T1.2.1. $(S_1 \supset^D (S_2 \supset^D S_1))$

T1.2.2. $(S_1 \supset^D (S_2 \supset^D S_3)) \supset^D ((S_1 \supset^D S_2) \supset^D (S_1 \supset^D S_3)).$

T1.2.3. $((\neg^D S_1 \supset^D \neg^D S_2) \supset^D (S_2 \supset^D S_1))$

Производное правило вывода

$$\frac{S_1, (S_1 \supset^D S_2)}{S_2} \text{ MP}(\supset^D)$$

Теоремы T1.2.1—T1.2.3 вместе с $\text{MP}(\supset^D)$ являются формулировкой классической логики со связками \neg^D и \supset^D , которую обозначим $\text{CL}_4(\text{For}, \neg^D, \supset^D)$.

Отметим, что она имеет четырехзначную, а не двухзначную, интерпретацию, то есть не главную (по Черчу [9]).

T1.2.4. $\forall s S(s) \supset^D S(S_1)$, если выражение S_1 свободно для s в $S(s)$.

T1.2.5. $\forall s (S_1 \supset^D S_2) \supset^D (S_1 \supset^D \forall s S_2)$, если S_1 не содержит свободных вхождений s .

Исходя из следующих теорем

T1.3.1. $\neg^D P \supset C \neg P$

T1.3.2. $(P_1 \supset^D P_2) \supset C (P_1 \supset P_2)$

можем для удобства убрать верхние индексы.

В рамках теории истины с операторами истинности и ложности TFT(\forall, Σ, \wedge) сформулируем исчисление символьных выражений **SEC**, в котором будут явно фигурировать только символьные выражения, логические связки \neg, \supset и квантор всеобщности.

Алфавит SEC

s, s_1, s_2, \dots переменные для символьных выражений языка;

c, c_1, c_2, \dots константы для символьных выражений языка;

\neg, \supset логические константы, обозначающие отрицание и импликацию;

\forall квантор всеобщности;

\wedge конкатенация (операция сочленения);

$), ($ технические символы.

Правила образования

- 1.1. Если S есть переменная или константа для символьных выражений, то S есть символьное выражение (сокр.: S-выражение).
- 1.2. Если S_1, S_2 есть S-выражения, то $S_1 \wedge S_2$ есть S-выражение.
- 1.3. Если S есть S-выражение, то S есть S-формула.
- 1.4. Если S_1, S_2 есть S-формулы, то $(\neg S_1)$ и $(S_1 \supset S_2)$ есть S-формулы.
- 1.5. Если v есть переменная для символьных выражений и S есть S-формула, то $(\forall v S)$ есть S-формула.
2. Ничто иное не является S-формулой.

Метапеременные: S, S_1, S_2, \dots , для S-формул.

Роль аксиом возьмут на себя следующие теоремы, помеченные звездочками, аналогичные вышеприведенным теоремам T1.2.1—T1.2.5.

T1.2.1.* $(S_1 \supset (S_2 \supset S_1))$

T1.2.2.* $(S_1 \supset (S_2 \supset S_3)) \supset ((S_1 \supset S_2) \supset (S_1 \supset S_3))$.

T1.2.3.* $((\neg S_1 \supset \neg S_2) \supset (S_2 \supset S_1))$

T1.2.4.* $\forall s S(s) \supset S(S_1)$, если выражение S_1 свободно для s в $S(s)$.

T1.2.5.* $\forall s (S_1 \supset S_2) \supset (S_1 \supset \forall s S_2)$, если S_1 не содержит свободных вхождений s .

Производное правило вывода

$$\frac{S_1, (S_1 \supset S_2)}{S_2} \text{ MP}$$

Правило вывода

$$\frac{S}{\forall s S} \text{ Gen}$$

Необходимо отметить, что исчисление **SEC** может рассматриваться только в рамках теории **TFT**(\forall, Σ, \wedge) и вне ее становится некорректным.

Об исчислении **SEC** можно говорить как о чистом исчислении символьных выражений в том смысле, что выражения еще не подразделены по каким-либо категориям, сортам, типам, порядкам или уровням.

Сами же выражения предназначены для того, чтобы служить именами и знаками предметов и объектов, а также для описания фактов и положений дел. Поэтому необходимо ввести категорию объектов и построить теорию обозначения, в которой символьные выражения именуют обозначаемые ими объекты.

2. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ФОРМУЛИРОВКА АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Для рассмотрения и построения аксиоматической теории обозначения (сокр. **АТО**) принимаем следующие содержательные предпосылки.

Отношение обозначения (именования) — это сложное отношение, необходимой составляющей которого является конвенционально устанавливаемое соответствие между знаками (именами) и объектами — денотатами этих знаков. Это отношение принадлежит к семантике. А. Тарский в [7] об этом пишет следующее: «*Семантика* есть дисциплина, которая, вообще говоря, имеет дело с определенными отношениями между выражениями языка и объектами (или «положениями дел»), к которым «относятся» эти выражения. В качестве типичных примеров семантических понятий мы можем указать понятия обозначения».

Сами знаки некоторого языка являются объектами и могут быть обозначаемы в метаязыке. Тем самым они могут быть денотатами для других знаков метаязыка.

Универсум объектов с задаваемым на нем отношением соответствия, которое является базисным, возьмем в качестве исходного. Множество знаков определяется конвенционально устанавливаемым отношением объект-объектного соответствия и будет подмножеством универсума объектов. Следовательно, понятие знака (имени) является не исходным в данном подходе, а определяемым.

Знаки обычно строятся из некоторого набора исходных объектов, называемых исходными символами, комбинации из которых образуют символьные выражения. Подмножества этих выражений будут служить как в качестве знаков (имен), так и в качестве предложений или высказываний. Высказывания, так же как и знаки и имена, имеют значение и смысл и предназначены для описания положения дел, событий, ситуаций и фактов.

Будем вводить два сорта переменных: (индивидуальные) переменные для объектов и переменные для символьных выражений языка. При этом, в отличие от концепции множественной денотации Мартина [11], нет необходимости отделять множество объектов, являющихся денотатами, от множества объектов, являющихся именами, а также от множества объектов, являющихся именами имен, то есть эти множества пересекаются или включаются в другие.

Также совместно будем рассматривать пустые, единичные и общие имена согласно той традиции, к которой принадлежат Аристотель, Гоббс, Д.С. Милль, в которой общие имена так же, как и единичные, являются обозначающими и принадлежат одной и той же семантической категории. Этим предлагаемый подход отличается от логической семантики Г. Фреге, который ограничивается именами собственными. В [8] он пишет «под знаком и именем я понимаю любое обозначение, представляющее собою собственное имя, чьим значением, стало быть, является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова)», а также «Собственное имя (слово, знак, конфигурация знаков, выражение) выражает свой смысл, означает или обозначает свое значение. Со знаком связан выражаемый им смысл и обозначаемое им значение».

При построении теории обозначения учитываются принципы теории именования Карнапа (см. [1, 2]).

Знаки (имена) рассматриваются как имеющие значение и смысл, объем и содержание или экстенционал и интенционал.

На первом этапе построения теории обозначения рассматривается экстенциональная составляющая многоаспектного отношения обозначения (см. [3, 6]), а на следующем этапе включается в рассмотрение и интенциональная составляющая этого отношения (см. [6]).

То, что символьное выражение (объект) s соответствует объекту x , выступая тем самым знаком для x , или, говоря кратко, символьное выражение s обозначает объект x , будем символизировать формулой ($s \sigma x$).

2.1. Язык исчисления аксиоматической теории обозначения

Алфавит

x, y, z, \dots переменные для объектов;

s, s_1, s_2, \dots переменные для символьных выражений языка;

$\neg, \supset, \forall, =$ логические символы;

σ предикатный символ для отношения обозначения;

$\langle \rangle, ()$ технические символы.

Правила образования термов и п. п. ф.

1.1. Если t — переменная, для объектов, то t есть терм.

1.2. Если t^a — переменная для символьных выражений языка, то t^a есть терм и t^s -терм.

1.3. Если t_1 и t_2 — термы или t^s -термы, то $(t_1 \sigma t_2)$, $(t_1 = t_2)$ есть п.п.ф.

1.4. Если P, Q — п.п.ф. и v есть переменная, то $(\neg P)$, $(P \supset Q)$, $(\forall v P)$ есть п.п.ф.

Метапеременные: $t, t_1, t_2 \dots$ для термов, $t^s, t^s_1, t^s_2 \dots$ для t^s -термов, $P, Q, R \dots$ для п.п.ф.

Принимаются аксиомы и правила вывода исчисления предикатов первого порядка с равенством. Остальные связки и символы: $\wedge, \vee, \equiv, \exists$ задаются стандартным образом.

Определим формулу $Zn(t)$, выражающую условие непустоты терма t и являющуюся определением непустого знака (имени).

$$D2.1.1. \quad Zn(t) \equiv_{df} \exists x (t \sigma x)$$

Непустым знаком называется терм t , который обозначает некоторый объект x . Здесь, конечно, идет речь об экстенциональной непустоте знака, не касаясь интенциональной его составляющей.

Определение единичного знака (единичного имени)

$$D2.1.2. \quad Ind(t) \equiv_{df} \exists! x (t \sigma x)$$

Единичным знаком будем называть терм t , который обозначает только один объект x .

Аксиомы существования знаков

$$A2.1.1. \quad \exists s \forall x (s \sigma x),$$

смысл которой состоит в том, что существует универсальный знак. Примером такого знака в естественном языке могут быть слова «объект», «предмет», местоимение «нечто».

$$A2.1.2. \quad \forall x \exists s ((s \sigma x) \wedge Ind(s)),$$

смысл которой состоит в том, что каждый объект может быть обозначен единичным именем.

$$A2.1.3. \quad \exists s \forall x \neg (s \sigma x),$$

которая говорит о существовании пустых символьных выражений или первичных объектов.

$$A2.2.1. \quad \forall s \exists x (s = x),$$

смысл которой состоит в том, что всякое символьное выражение есть объект.

$$A2.2.2. \quad \neg \forall x \exists s (s = x),$$

которая говорит о том, что не всякий объект есть символьное выражение.

$$A2.2.3. \quad \forall x \exists s (Zn(x) \supset (s = x))$$

которая говорит о том, что всякий объект, который нечто обозначает, есть символьное выражение.

При формализации семантических отношений необходимо не допускать появления семантических парадоксов.

В связи с этим имеет значение наличие следующей модели, использующей арифметику без умножения Пресбургера S^+ .

В качестве предметной области D , которую пробегают переменные для объектов, возьмем множество натуральных чисел.

В качестве предметной области D^s , которую пробегают переменные для символьных выражений языка, возьмем подмножество натуральных чисел, задаваемое следующим образом.

Если $(n \in D)$, то $((n + n) \in D^s)$ и $((n + n + n) \in D^s)$.

Пусть k, n — натуральные числа, тогда формула $(k \sigma n)$ есть сокращение для следующей формулы:

$(k \sigma n) \equiv_{df} ((k = (n + n)) \vee ((k + n) = (n + 3)))$.

2.2. Классификации объектов и знаков

Имеем следующую метатеорему, которая выражает отношение между областями значений переменных для объектов и переменных для символьных выражений языка. Пусть $P(t)$ и $P(t^s)$ есть п.п.ф.

MT2.2.1. $\forall x P(x) \supset \forall s P(s)$

Первичным объектом или пустым символьным выражением называется терм t , который ничего не обозначает.

D2.2.1. $Ur(t) \equiv_{df} \forall x \neg(t \sigma x)$

T2.2.1. $\exists s Ur(s)$,

которая говорит о существовании первичных объектов.

Универсум объектов разделяется на две непересекающиеся области — непустых знаков и первичных объектов.

Дальнейшая классификация объектов возможна следующая.

Первичными именами называются объекты, которые обозначают только первичные объекты.

D2.2.2. $Pn(t) \equiv_{df} \forall x ((t \sigma x) \supset Ur(x)) \wedge Zn(t)$

Метаименами называются объекты, которые обозначают имена.

D2.2.3. $Mn(t) \equiv_{df} \exists s ((t \sigma s) \wedge Zn(s))$

Эта трехуровневая классификация исчерпывает универсумы символьных выражений и объектов.

T2.2.2. $\forall x (Ur(x) \vee Pn(x) \vee Mn(x))$

Можно провести более тонкую классификацию символьных выражений по рангам, определяя ранги объектов следующим образом:

D2.2.4. $Rn^1(s) \equiv_{df} \forall y \neg(s \sigma y)$

.....

$Rn^{m+1}(s) \equiv_{df} \forall x ((s \sigma x) \supset Rn^m(x)) \wedge Zn(s)$

.....

Такая иерархия не будет исчерпывающей, так как автонимные объекты, определяемые ниже, в нее не включаются.

Отличительной особенностью аксиоматической теории обозначения является наличие в ней универсальных и автонимных имен. Присутствие таких имен, тем не менее, не приводит к парадоксам в силу наличия модели, основанную на арифметике без умножения.

Универсальным знаком будем называть терм t , который обозначает все объекты рассматриваемого универсума.

$$D2.2.5. \text{Un}(t) \equiv_{df} \forall x (t \sigma x)$$

$$T2.2.3. \exists z \text{Un}(z).$$

Автонимным знаком будем называть терм t , который обозначает сам себя.

$$D2.2.6. \text{An}(t) \equiv_{df} (t \sigma t)$$

$$T2.2.4. \exists x \text{An}(x)$$

$$T2.2.5. \forall x (\text{An}(x) \supset \text{Mn}(x))$$

$$T2.2.6. \forall x (\text{Un}(x) \supset \text{An}(x))$$

$$T2.2.7. \neg \exists z \forall x ((z \sigma x) \equiv \neg \text{An}(x)),$$

которая говорит, что не существует имени, равнообъемного предикату неавтонимности.

Знаки характеризуются как их объемом (и еще более абстрактно — мощностью), так и рангом в иерархии метаязыковых уровней. Это позволяет рассматривать аналогии между соответствующими предикатами теории обозначения и кардинальными и порядковыми числами.

2.3. Объемные отношения знаков

Определения отношений включения, тождества и не пересечения по объему следующие.

$$D2.3.1. (t_1 \leq t_2) \equiv_{df} \forall x ((t_1 \sigma x) \supset (t_2 \sigma x)).$$

$$D2.3.2. (t_1 \equiv t_2) \equiv_{df} \forall x ((t_1 \sigma x) \equiv (t_2 \sigma x)).$$

$$D2.3.3. (t_1 | t_2) \equiv_{df} \neg \exists x ((t_1 \sigma x) \wedge (t_2 \sigma x)).$$

Можно усмотреть аналогию между отношениями обозначения ($z \sigma x$) и включением по объему ($t_1 \leq t_2$) и теоретико-множественными отношениями принадлежности ($x \in z$) и включения ($y \subseteq u$). Имеются сходства и различия между положениями теории множеств и теории обозначения.

Отношения равенства и равнообъемности, совпадающие в теории множеств, различаются в теории обозначения.

3. ОНТОЛОГИЯ ЛЕСНЕВСКОГО И РАСШИРЕНИЕ ЯЗЫКА АТО

Связку «есть» Лесневский рассматривает в онтологическом смысле и кладет ее в основание построения онтологии [10, 12]. В онтологии Лесневского отношение между именами x и y описывается термином ε , который Лесневский считает

соответствующим связке «есть» польского языка. Он считает, что предложение « x есть y » (символически $x \varepsilon y$) имеет смысл для любых имен x, y : пустых, единичных, общих.

Принимается, что предложение $x \varepsilon y$ истинно, если и только если имя x единично, и его объем включается в объем имени y .

Для того, чтобы выразить в терминах аксиоматической теории обозначения вышеуказанные условия истинности предложения $x \varepsilon y$, достаточно ввести следующее определение.

$$D3.1. \quad x \varepsilon y \equiv_{df} \text{Ind}(x) \wedge (x \leq y).$$

Исходя из этого определения доказывается утверждение

$$T3.1. \quad x \varepsilon y \equiv \exists x \exists y (x \varepsilon y \wedge \forall x_3 \forall x_4 ((x_3 \varepsilon x \wedge x_4 \varepsilon x \supset x_3 \varepsilon x_4) \wedge \forall x (x \varepsilon x \supset x \varepsilon y)),$$

являющееся единственной аксиомой элементарной онтологии Лесневского.

Необходимость и достаточность определения D3.1. связки ε , построенного в соответствии с условиями истинности предложения $x \varepsilon y$, для доказательства теоремы T3.1. показывает сложный, неэлементарный, синтаксический и номиналистический характер этой связки.

Определение D3.1. и теорема T3.1. показывают, что элементарная онтология Лесневского погружается в АТО. Можно поставить вопрос о возможности погружения аксиоматической теории обозначения в онтологию Лесневского. Ответ на этот вопрос является отрицательным.

Элементарную онтологию Лесневского сопоставляют с атомной алгеброй классов.

Формулы $t \varepsilon t$ и $\text{Ind}(t)$ являются условиями атомности и эквивалентны друг другу.

$$T3.2. \quad t \varepsilon t \equiv \text{Ind}(t)$$

Исчисление имен Лесневского имеет ту особенность, что в ней возможны креативные определения. Для обеспечения некреативности определений Ивануш добавил к аксиоме Лесневского еще две аксиомы. В формулировке этих аксиом используются операции алгебры имен. Поэтому расширим язык теории обозначения символами операций алгебры имен и зададим аксиомы алгебры имен.

В знаковых системах имеются процедуры образования новых знаков. Будем вводить новые знаки с помощью операций объединения, пересечения и разности (их символы $\cup, \cap, /$). Правила образования термов и п.п.ф., а также аксиомы будем формулировать по порядку рассмотрения новых операций.

Операции объединения, пересечения и разности образуют новые объекты и знаки по правилам, которые задают алгебру имен. Добавим к правилам образования следующее:

$$1.1' \text{ Если } t_1, t_2 \text{ есть термы, то } (t_1 \cup t_2), (t_1 \cap t_2), (t_1 / t_2) \text{ есть термы.}$$

Аксиомы алгебры имен

$$A3.1. \quad \forall x_2 ((t_1 \cup t_2) \sigma x_2) \equiv ((t_1 \sigma x_2) \vee (t_2 \sigma x_2))$$

$$A3.2. \quad \forall x_2 ((t_1 \cap t_2) \sigma x_2) \equiv ((t_1 \sigma x_2) \wedge (t_2 \sigma x_2))$$

$$A3.3. \quad \forall x_2 ((t_1 / t_2) \sigma x_2) \equiv ((t_1 \sigma x_2) \wedge \neg(t_2 \sigma x_2))$$

Дополнение знака t определим как разность универсального знака и знака t . При этом воспользуемся символом $/$, чтобы не умножать число логических символов.

$$D3.2. \quad (/t \sigma x_2) \equiv_{df} \exists x (Un(x) \wedge (x / t) \sigma x_2)$$

Данная алгебра знаков аналогична алгебре множеств.

В алгебре имен **АТО** имеем следующие теоремы, из которых следуют формулы, соответствующие аксиомам Ивануся.

$$T3.3.1. \quad \forall x x \varepsilon /y \equiv ((x \varepsilon x) \wedge \neg(x \varepsilon y))$$

$$T3.3.2. \quad \forall x x \varepsilon (y_1 \cap y_2) \equiv ((x \varepsilon y_1) \wedge (x \varepsilon y_2))$$

Таким образом, заданы аксиоматически, определены и рассмотрены основные понятия, с которыми имеет дело теория обозначения, а именно: отношение обозначения, понятие знака, метазнака, классификация знаков по рангам. Имеется ряд соотношений, касающихся этих понятий, отмечены сложности их определения. Также в **АТО** вводятся операции со знаками и правила образования новых знаков.

Рассмотрено соотношение **АТО** с онтологией Лесневского и показано, что последняя погружаема в предложенную аксиоматическую теорию обозначения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анисов А.М.* Современная логика. — М., 2002.
- [2] *Карнап Р.* Значение и необходимость. — М., 1959.
- [3] *Павлов С.А.* Неклассический подход к теории обозначения // Логические методы в компьютерных науках. Труды научно-исследовательского семинара по логике ИФАН СССР. — М., 1991. — С. 97—106.
- [4] *Павлов С.А.* Исходные положения теории истины с оператором истинности // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2009. — № 3. — С. 100—113.
- [5] *Павлов С.А.* Элементарная теория истины с операторами истинности и ложности и расширение области их определения на универсум символьных выражений // Логико-философские исследования. — Вып. 5. — М., 2012. — С. 195—218.
- [6] *Павлов С.А.* Экстенциональные и интенциональные аспекты аксиоматической теории обозначения // Логические исследования. — Вып. 4. — М., 1997. — С. 261—270.
- [7] *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. — М., 1998.
- [8] *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика. — М., 2000. — С. 230—246.
- [9] *Черч А.* Введение в математическую логику. — М., 1960.
- [10] *Lesniewski S.* On the foundation of Ontology // Stanislaw Lesniewski: Collected Works. — Dordrecht-Warszawa, 1991. — P. 606—628.
- [11] *Martin R.M.* Truth and Denotation. A Study in Semantical Theory. — Chicago and London, 1958.
- [12] *Slupecki J.* St. Lesniewski's Calculus of Names // Studia Logica. Vol. III. — Warszawa, 1955. — P. 7—76.

AXIOMATIC THEORY OF DENOTATION AND LESNIEWSKI'S ONTOLOGY

S.A. Pavlov

Institute of philosophy of RAS
Volkhonka str., 14, Moscow, Russia, 119991

This paper concedes basic presuppositions of the theory of denotation and proposes the axiomatic theory of denotation. Lesniewski's elementary ontology is embedding into the axiomatic theory of denotation.

Key words: The logic, Lesniewski, "elementary ontology", the axioms of the theory notation.

REFERENCE

- [1] *Anisov A.M.* *Sovremennaja logika*. — M., 2002.
- [2] *Karnap R.* *Znachenie i neobходимость*. — M., 1959.
- [3] *Pavlov S.A.* *Neklassicheskiy podhod k teorii oboznachenija // Logicheskie metody v komp'juternyh naukah. Trudy nauchno-issledovatel'skogo seminaru po logike IFAN SSSR* — M., 1991. — S. 97—106.
- [4] *Pavlov S.A.* *Ishodnye polozhenija teorii istiny s operatorom istinnosti // Vestnik RUDN. Serija «Filosofija»*. — 2009. — № 3. — S. 100—113.
- [5] *Pavlov S.A.* *Jelementarnaja teorija istiny s operatorami istinnosti i lozhnosti i rasshirenie oblasti ih opredelenija na universum simvol'nyh vyrazhenij // Logiko-filosofskie issledovanija*. — Vyp. 5. — M., 2012. — S. 195—218.
- [6] *Pavlov S.A.* *Jekstensional'nye i intensional'nye aspekty aksiomaticheskoj teorii oboznachenija // Logicheskie issledovanija*. — Vyp. 4. — M., 1997. — S. 261—270.
- [7] *Tarskiy A.* *Semanticheskaja koncepcija istiny i osnovanija semantiki // Analiticheskaja filosofija: stanovlenie i razvitie*. — M., 1998.
- [8] *Frege G.* *O smysle i znachenii // Logika i logicheskaja semantika*. — M., 2000. — S. 230—246.
- [9] *Cherch A.* *Vvedenie v matematicheskiju logiku*. — M., 1960.
- [10] *Lesniewski S.* *On the foundation of Ontology // Stanislaw Lesniewski: Collected Works*. — Dordrecht-Warszawa, 1991. — P. 606—628.
- [11] *Martin R.M.* *Truth and Denotation. A Study in Semantical Theory*. — Chicago and London, 1958.
- [12] *Slupecki J.* *St. Lesniewski's Calculus of Names // Studia Logica*. — Vol. III. — Warszawa, 1955. — P. 7—76.

THE REVIEW OF RELATIONS OF PRINCIPLES OF STRONG UNIFORMIZATION AND CHURCH THESIS IN INTUITIONISTIC SET THEORY

Valery Kh. Khakhanian

Chair of Mathematics
Moscow State University of railway communications
ul. Obratsova, 9, stroenie 9, GSP-4, Moscow, Russia, 127994

We prove that the strong uniformization does not depend on Church thesis with choice in the set theory with intuitionistic logic and with axiom of extensionality.

Key words: intuitionistic set theory, Church thesis, uniformization, Markov principle.

In [1] was proved the independence of the principle of the strong uniformization on Church thesis with choice in the intuitionistic set theory with two kinds of variables, without extensionality plus the strong Markov principle and double complement of sets (DCS). The strong principle of uniformization is: $U = \forall x \exists n \varphi(x, n) \rightarrow \exists n \forall x \varphi(x, n)$.

This principle appeared for the first time in the work of A. Troelstra [2] for the second order arithmetic with variable on sets of natural numbers variables. Formula φ from U belongs to the language of the set theory with two kinds of variables (on naturals and on sets). Two predicates letters are $x \in y$ and $n = m$. An analogical principle $U!$ contains the request of the uniqueness of natural n in the premise under quantifier of \exists . It is evident that $U \vdash U!$

Forms of Church thesis which are examined in the present work (with choice — strong thesis CT and with uniqueness — $CT!$) and strong Markov principle are well known and can be found in [3]. We note that the weak uniformization can be deduced from the weak Church thesis $CT!$ (the proof is given in [4] and can be used in Zermelo-Fraenkel intuitionistic set theory). We give an additional formulation of the classical true principle DCS, which has in our double kinds language the following notation: $\forall a \exists x [\forall n (\neg n \in a \rightarrow n \in x) \wedge \forall u (\neg u \in a \rightarrow u \in x)]$. In [5] it was proved that all mentioned principles are consistent with full the intuitionistic set theory. In [3] we used a model in which all axiom schemes and axioms of the set theory and all above mentioned principles are realized excepting the uniformization that it was not possible to realize and its realization was not disproved.

The problem of investigations of relations of principles U , $U!$, CT , $CT!$ on the level of the set theory is connected above all with the proof of nonderivability of principles of uniformization from principles of Church and determination of the role of extensionality in the second case. In the end of my work I will give the summary of results for the set theories of ZF-type with intuitionistic logic including the result which is obtained in the present work. We note also that for the intuitionistic type theory corresponding results were obtained by G. Scwartz in [4] and in the same work the role of extensionality was explained.

In the present work we announce the nonderivability of the strong uniformization in the intuitionistic set theory with two kinds of variables and extensionality (full set theory!) and additional Markov strong principle, DCS and strong Church thesis and in this way the result from [1] is reinforced and all open problems from [1] will be resolved. Firstly this present result was announced in [6]. We proved in [7] that in the model from [3] the uniformization is refused. Therefore models from [3] and [5] are different. In counterexample φ contains only one parameter.

Open problem is: to give a counterexample of the uniformization in which the same formula has no parameters.

We note also that while reading this work knowledge of [1; 3; 5] is useful and necessary though the full formulation of the set theory with intuitionistic logic and all additional principles will be given.

Remark 1. We choose the following notation: variables on natural numbers are n, m, p, l, k, h, s , variables on sets are a, b, x, y, z, u, v, w .

Let us give now an exact formulation of set theories ZFIR2 and ZFIC2. We start from ZFIR2. Logical axioms of this theory are axioms of intuitionistic logic of predicates with two mentioned kinds. The own axioms and scheme axioms include standard axioms HA and the following set theoretical axioms.

Let us give now the shortly formulation of set theories ZFIR2 and ZFIC2. We start from ZFIR2. Logical axioms of this theory are axioms of intuitionistic logic of predicates with two mentioned kinds. The own axioms and scheme axioms include standard axioms HA and the following set theoretical axioms.

1. Extensionality
2. Pair
3. Union
4. Power
5. Separation
6. ε -induction
7. Infinity
8. Replacement

Scheme of collection differs from scheme 8 only by the fact that in the premise the quantifier of existence does not contain a symbol of uniqueness.

Let us note also that the used abbreviations for the notation are standard and that the replacement is deduced from the collection. System ZFIR2 includes axioms 1—8, and system ZFIC2 includes axioms 1—7 and collection. In 1985 H. Friedman and A. Schedrov proved that the system with collection deductively is more strong than the system with replacement because ZFIR2 possesses the property of full existence but ZFIC2 has not the same property. In systems ZFIC2 and ZFIR2 Heyting's arithmetic HA is contained on the first level in the explicit form and it requires a kind of variables on naturals. In these systems the scheme of induction has a standard form and formula φ can admit parameters on all kinds of variables.

Theorem. ZFIC2 + M + DCS + CT $\not\vdash$ U}

Lemma. For every prf $f(n, h, k, p, s)$ there exist a set x from V (universe of our model) such that the given function is not its function of extensionality.

Corollary. There is no prf such that it could be a function of extensionality for all sets from V . In particular the function $f(n, h, k, p, s)$ which for any h, k, p, s is not identical along the first argument is not the function of extensionality for all sets from V .

Notice 1. In the above Lemma instead of V we can take V_α (for example for $\alpha = \omega$).

Notice 2. We can try to use the given property of universum V for receiving a counterexample of the strong principle of uniformization to prove the independence of that principle on Church thesis with choice in the intuitionistic set theory. Formula φ will not contain any parameters in the non formal notation of this counterexample. But it is necessary to give a formal notation in the language of the set theory.

We present only meta notation the following example of strong uniformization (see also [1] or [7]):

$\forall x \exists n (\neg \langle n, x \rangle \in a_r) \rightarrow \exists n \forall x (\neg \langle n, x \rangle \in a_r)$. Here a_r is a free variable on sets with number r . We evaluate this variable on the set $y \in V$: $y = \{ \langle 0, w \rangle : \exists x \in V_\alpha (x \neq \emptyset \wedge w = \langle n, h \rangle, \langle m, v \rangle : v \sim x; \text{ensembles } m \text{ and } n \text{ are not empty; the ensemble } h \text{ is not empty and } \forall v h (\neg (v \text{ex} h)) \text{ (for example for numbers of the empty function } \} \} \cup \{ \langle 0, z \rangle : z \sim w \}$. Here $\alpha \geq \omega$ (see *Notice 1*).

Now we give the summary of results for non type set theory with two kinds of variables. All principles have parameters of any kinds.

ZFIC2+M+DCS+CT $\not\vdash$ U

ZFIC2+M+DCS+U! $\not\vdash$ U

ZFIC2+M+DCS+CT!+U $\not\vdash$ CT

ZFIR2+CT! \vdash U!

ZFIR2+U \vdash U!

ZFIR2 + CT \vdash CT!

ZFIC2+M+DCS+U $\not\vdash$ CT!

ZFIC2+M+DCS+U $\not\vdash$ CT

The open problem is: ZFIC2 without extensionality+M+DCS+CT $\not\vdash$ U!

REFERENCES

- [1] *Khakhanian V.Kh.* The independence principle of uniformization from Church thesis in intuitionistic set theory // *Mathematical Note* 43, issue 5 (may). — 1988. — P. 685—691 (Russian).
- [2] *Troelstra A.S.* Notes on the intuitionistic second order arithmetic // *Lecture Notes in Mathematics*. — 1973. — N. 337. — P. 171—205.
- [3] *Khakhanian V.Kh.* Set theory and Church thesis // *The investigations by non classical logics and formal systems*. — M.: Nauka, 1983. — P. 198—208 (Russian).
- [4] *Shwartz G.* Some applications of method of recursive realizability to intuitionistic set types // *Questions of cybernetics. Non classical logics and its applications*. — M., 1982. — P. 37—54 (Russian).

- [5] *Khakhanian V.Kh.* The consistency of intuitionistic set theory with principles of Church thesis and uniformization // Vestnik of Moscow State University. Serie “Mathematics and Mechanics”. — 1980. — N 5. — P. 3—7 (Russian).
- [6] *Khakhanian V.Kh.* The independence of strong uniformization from Church thesis in full set theory // Scientific mathematical readings in commemoration of M.Y. Suslin. Saratov, 16—21, October, 1989. Abstracts SGPI, 1989. — P. 91 (Russian).
- [7] *Khakhanyan V.Kh.* Independence of the uniformity principle from Church's thesis in intuitionistic set theory // Izvestia RAN. Ser. Mat. — 2013. — 77:6. — P. 209—224.

ОБЗОР СООТНОШЕНИЙ ПРИНЦИПОВ УНИФОРМИЗАЦИИ И ТЕЗИСОВ ЧЁРЧА В ИНТУИЦИОНИСТСКОЙ ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ

В.Х. Хаханян

Московский государственный университет путей сообщения
ул. Образцова, 15, Москва, Россия 101475

В работе рассмотрены доказанные ранее в статьях автора и приведен (без доказательства) последний из результатов о соотношениях разных видов принципа униформизации и тезисов Чёрча в теории множеств с интуиционистской логикой.

Ключевые слова: тезис Черча, «сильная униформизация», интуиционистская логика, аксиома объемности.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

ТАЙНЫ ДУХА И ПРОБЛЕМЫ НАУКИ*

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тайна и научная проблема существенно различаются характером взаимодействия в них когнитивного и ценностного функционалов сознания. Тайна есть форма духовности, где познание и переживание действительности представляют собой некое синкретическое единство. И потому тайна — это принципиально неинтерпретируемая форма духа. В научной проблеме познавательное доминирует над ценностным, проблему можно превратить в конечное число доступных, алгоритмически решаемых задач. Проблемы вводят субъект в поле непознанных структурных отношений действительности. А тайны напоминают человеку о бесконечности бытия.

Ключевые слова: когнитивное, ценностное, сознание, тайна, образ, проблема, мышление, абстракция.

На рубеже XX—XXI вв. существенно меркнет в общественном сознании образ «прозрачного мира», в соответствии с которым мир, в котором мы живем, полностью просвечивается «естественным светом разума» [1], в нем нет и не может быть вечных тайн, в природе все подвластно «свету Разума»; рано или поздно все тайны превратятся в научные проблемы и однозначно, до конца, абсолютно исчерпывающе будут раскрыты усилиями человеческого мышления.

Грандиозные усилия потрачены человечеством на познание природы, ее практическое преобразование; накоплены колоссальные массивы знаний, разработано и используется множество производственных технологий, создан целый мир техногенной цивилизации, но таинственность мира при этом нисколько не уменьшилась, а, скорее, наоборот — еще больше возросла.

Мир и «прозрачен» и «непрозрачен». Мир познаваем, и в тоже время он полон тайн. Вселенная и сейчас еще во многом, и что самое важное — в основном, остается тайной. Хотя, конечно же, отдельные ее сферы достаточно полно освоены и объяснены системой человеческого познания.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 12-03-00409а

С прогрессом науки и техники не только ухудшаются нравы и человеческая мораль, как заметил в свое время еще Ж.-Ж Руссо, но одновременно увеличивается и число тайн мира. В этом состоит один из интереснейших парадоксов духовного развития человечества: исторически изменяются те культурные формы (формы сознания), в которые облекаются констатации загадочности бытия, но неизменной остается тенденция роста таинственности мира для человека. С ростом масштаба культурно-исторического действия зависимость человека от мира не уменьшается, как этого следовало бы, казалось, ожидать, а, наоборот, еще больше увеличивается.

На смену сверхоптимистическому представлению о том, что у природы можно «вырвать любые тайны», приходит ощущение исходной мистериальной зависимости человека от Бытия. Исчезли чудеса, но остались тайны. Вновь, как и много веков назад, тайна становится значимой и действенной составляющей духовной жизни, а значит, и своеобразным объектом философско-антропологического анализа. Такое настроение особенно усиливается по мере нарастания глобальных проблем современности, прежде всего непредсказуемости экологического кризиса. По-видимому, все-таки мистериальность бытия — это не омертвевшая, не отжившая свой век форма духовности, а такая универсальная культурная форма, которая и в наш век, на этапе техногенной цивилизации задает горизонт человеческого самоопределения.

Тайна — особое состояние человеческого духа. Она способна включать в себя и интегрировать любые его формообразования. Поэтому тайны всегда были мощными центрами концентрации и актуализации многогранного содержания человеческой духовности. Токи высокой духовной напряженности, сопровождающие тайну, — результат не только ее содержания и структурных особенностей, но и того особого места, которое она занимает в исторически определенной иерархии системы духовных форм и в динамике функционирования этой системы в материальной культуре. Каждый исторический тип сознания, культуры имел свои собственные «механизмы» порождения тайн, вырабатывал свое собственное отношение к тайне, собственное ее понимание. История духа содержит в себе целые пласты различных типов отношения человека к тайне, что дает основания говорить даже о существовании особой «археологии тайны» [2].

Каковы же принципы рационально-философского анализа феномена тайны как особого состояния человеческого духа?

В качестве объекта философского познания тайна предстает прежде всего как некое своеобразное состояние человеческого духа, в котором при аналитическом рассмотрении отчетливо выделяется два полюса, основополагающих компонента: когнитивный и ценностно-аффективный. Первый представлен *образами* тайны, а второй — *переживаниями* тайны. Образы тайны — это представления о существовании некоторых сторон бытия, которые (пока или принципиально) не подвластны познавательным устремлениям человека, рациональному постижению и логическому освоению их человеком, но сами тем или иным образом могут оказывать определенное влияние на протекание его жизнедеятельности, проявляясь при этом и в эмоционально-аффективных формах. Переживания тайны — это

и есть те эмоционально-аффективные формы, которыми сопровождаются образы тайны, которые сплавлены с этими образами, сосуществуют с ними. (Наиболее яркой и эмоционально насыщенной такой формой являются мистические экстазы.)

Бинарная структура тайны определяет возможность трех фундаментальных отношений субъекта к тайне [3]. *Первое отношение* — ценностно-образное, эмоционально-аффективное; здесь тайна в первую очередь чувственно *переживаться* субъектом, а не сводится к расширению *знаний* о своем предмете. Именно на этой основе складывается мистицизм как особый род духовной жизни. *Второе отношение* — когнитивное, в русле которого тайна выступает как форма проявления некоторых объективных сторон бытия, которые могут быть (рано или поздно) раскрыты познавательной активностью субъекта. Здесь признается возможность трансформации любой тайны в конкретно-научную проблему. И, наконец, *третье отношение* субъекта к тайне — философское, предполагающее рационально-теоретическое постижение тайны как особого состояния духа, как некоторого закономерного момента в системно-исторической динамике культуры. В таком философском отношении к тайне она выступает как некоторая особая форма единства образно-когнитивного и ценностно-аффективного аспектов сознания.

Конечно же, тайна не должна и не может быть монополией мистицизма. Любая тайна может и должна быть предметом также и рационалистического анализа, конкретно-научного познания или философско-теоретического. И это при том, что прямого пути от тайны к проблеме, строго говоря, нет. Идущее от новоевропейского рационализма, широко распространенное представление о том, что любая тайна есть всегда лишь закамouflированная научная проблема, является несомненным упрощением. Потенциально любая тайна действительно рано или поздно может перерасти в научную проблему, но это вовсе не означает, что каждая из тайн духа (и все они вместе) на самом деле рано или поздно станут такими проблемами. Между тайной и научной проблемой есть моменты несовместимости. Прежде всего, тайна и проблема различаются характером соотношения и функционирования в них когнитивного и ценностного функционалов сознания.

Сознание — ядро, основа, «мотор» духовной культуры [4]. Поэтому глубинные тенденции, закономерности динамики духовной культуры определяются в конечном счете закономерностями деятельности сознания, его исторически изменяющейся структурой. История духовной культуры характеризуется сменой конкретно-исторических типов сознания, целостность которых задается некоторой формой *фундаментального отношения сознания*. Фундаментальное отношение сознания — это субстанциально-организационная основа системы сознания, постоянно воспроизводящаяся во всех конкретных целостных продуктах его функционирования. Понятие «фундаментальное отношение сознания» возникает как необходимое следствие приложения требований системно-структурного анализа к такому объекту, как сознание.

Какие характеристики сознания воплощены в его субстанциально-организационной основе? Ответ на этот вопрос зависит от выбора той или иной конкретной концепции сознания [5]. С позиций материалистической гносеологии сознание является результатом отражения действительности активно действующим, исторически развивающимся, коллективным, сложно структурированным субъектом.

Сознание всегда есть некий *образ* действительности. Но образ — это сложно структурированный феномен. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, «образ — не идеальная вещь, существующая наряду с предметом, а образ предмета... Образ — это всегда образ чего-то, находящегося вне его. *Само понятие образа предполагает отношение к тому, что он отображает...* Образ как таковой конструируется познавательным отношением чувственного впечатления к реальности, находящейся вне его и не исчерпывающей его содержанием» [6]; «образ вещи так же объективно, закономерно зависит от условий ее восприятия, как сама вещь — от условий ее существования» [7]. Иначе говоря, любой образ как продукт сознания включает в себе двойственное отношение: к отображаемому предмету и к субъекту и условиям отражения.

Отношение к отображаемому предмету представлено знанием. Знание есть всегда осознание мира, находящегося вне самого сознания, поэтому именно знание есть продукт, условие и непрерывно воспроизводящийся момент сознания. Когда мы говорим, что человек обладает сознанием, то прежде всего подразумеваем, что человек обладает определенной системой знаний, т.е. таких объективированных в словах, знаках, навыках, схемах и других формах обобщенных элементов сознания, благодаря которым различаются, специфицируются вещи, предметы материального мира, сам человек и его отношение к внешнему миру. Эта система складывается в историческом опыте человечества и каждым отдельным индивидом заново осваивается в процессе его социализации, обучения, образования и т.д.

Знание, безусловно, является сердцевинной, ядром сознания, но содержание сознания не может быть сведено только к знанию. Оно содержит в себе и отношение к субъекту, условиям отражения. И потому, кроме знания, сознание имеет еще одну сторону — эмоционально-волевою, аффективную, сферу переживания действительности, являющуюся способом выражения отношения субъекта к тому, что он отражает и преобразовывает, способом выражения его потребностей, интересов, целей.

Всякий психический процесс в его конкретной целостности не может быть сведен только к его познавательному аспекту. «Вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта. Поэтому психические процессы — это процессы не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально-волевые. Они выражают не только знание о явлениях, но и отношение к ним: в них отражаются не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности» [8]. Сознание — это не только знание о мире, но и переживание мира в его отношении к субъекту, к условиям его жизнедеятельности. Человек не только познает мир, но и оценивает его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Функции же оценки всегда признавались за эмоциями, которые выступают субъективной формой представления потребностей. Истоки такой когнитивно-ценностной двойственности сложились в эволюционном процессе и коренятся в той функции, которую выполняет психика: регулирования поведения (с целью удовлетворения потребностей) организма в среде на основе ее отражения. Для регуляции поведе-

ния в среде психика должна воспроизводить как конкретные особенности пространственно-временной ситуации, в которой находится организм, так и потребности организма. Особенности среды отражаются не сами по себе, а в их отношении к потребностям организма [9].

Это позволяет сделать вывод, что наряду с познавательной сферой (познавательным, когнитивным отношением, системой знаний) сознание включает в себя еще и сферу ценностей (ценностное отношение) с ее аффективно-эмоциональной составляющей. А функционирование сознания может быть теоретически реконструировано как постоянное воспроизведение и разрешение противоречия между когнитивным (объективно обусловленным) и ценностным (субъективно значимым, переживаемым) аспектами сознания. В этом противоречивом соотношении когнитивного и ценностного и выражено, на наш взгляд, фундаментальное отношение сознания [10]. Воспроизведение сознания как некоторой целостности (и в синхронии, и в диахронии) предполагает воссоздание когнитивно-ценностной двойственности, полярности (формирование образа и личностное отношение к этому образу) и любого завершенного акта сознания, и всей системы сознания в целом.

Можно предположить, что фундаментальное отношение сознания является отражением инвариантного для каждого исторического типа практики параметра: {характер деятельности + тип общения}. При этом деятельность развивает преимущественно когнитивный, а общение — ценностный полюса фундаментального отношения сознания. В зависимости от продвинутой исторически складывающихся форм деятельности и общения этот параметр приобретает разное содержание. Соответственно, по-разному разворачивается и фундаментальное отношение сознания к объекту: на первый план может выдвигаться либо когнитивное, либо ценностное, либо их единство (недифференцированное или дифференцированное).

По мере исторического развития форм деятельности и общения над фундаментальным отношением сознания надстраиваются производные структуры сознания, определяющие конкретно-исторические особенности форм связи чувственного и рационального, эмпирического и теоретического, потребностно-мотивационного и субъективно-ценностного, субстратного и структурного компонентов сознания, и т.д. Таким образом, каждый конкретно-исторический тип сознания характеризуется определенной структурой, иерархией взаимодействий, надстраивающихся над фундаментальным отношением сознания.

Анализ показывает, что тайны создаются совместными усилиями рационально-познавательного и эмоционально-ценностного аспектов сознания. Тайна есть форма духовности, где знание мира и его оценка, познание и переживание действительности не дифференцируются друг от друга, не противостоят друг другу, а представляют собой некое синкретическое единство. Этот синкретизм и придает тайне поэтичность. Тайна всегда поэтична. Поэтому она не только мотив и объект познания, но еще и предмет художественно-образного преклонения и восхищения. Тайнственность бытия поглощает человека всего, целиком, со всеми (и разумно-мыслительными и эмоционально-образными) сторонами его духовности.

Иначе говоря, там, где есть тайна, там разделение на когнитивное, познавательное и оценочное, ценностное отношение человека к миру становится относительным. И потому тайна — это принципиально неинтерпретируемая форма духа. В проблеме дело обстоит иначе — здесь познавательное уже доминирует над ценностным, рационально-логическое над чувственно-эмоциональным. И поэтому проблему можно решить, т.е. превратить ее посредством рационально-мыслительной деятельности в конечное число доступных, решаемых по алгоритмам задач, в объясняемое и доказанное знание. Иначе говоря, проблема разрешается и таким образом «снимается».

У тайны же другая судьба. Тайна неразрешима такими средствами, какими разрешается проблема. Тайна не переводится в рациональные структуры полностью, целиком. Разум может лишь слегка приоткрыть завесу тайны, но не исчерпать ее полностью. Тайна может отделить от себя свою внешнюю, поверхностную, событийно-конкретную сторону, превратив ее в проблемы, цикл задач, и затем передать их для рационально-понятийного освоения. Но при всем при этом глубинные основы тайны вовсе не теряют своей мистериальности. Даже наоборот — снятие разумом «воздушного» покрывала с тайны обычно делает ее еще более таинственной: «обнажает» бытие как целостность, раскрывает бездны его бесконечности, непредсказуемости и стихийности, и в результате — еще более отдаляет бытие от познавательного отношения к нему субъекта. В отличие от проблемы, тайну человек не может познавательным и рациональным способом исчерпать; он может только «носить» ее с собой.

Но и функции тайны в системе духовности отличны от функций в ней проблем. Проблемы напоминают человеку о том, что за каждой решенной задачей всегда лежит новое поле непознанных структурных отношений действительности. Функции тайны в другом — она напоминает человеку о бесконечности бытия, о том, что эта бесконечность проходит через самого человека, через его духовность, что только через усвоение исторически сложившихся и обращенных в бесконечность культурных форм человек может стать... Человеком. И потому для человека гораздо опаснее неразрешения тайны другое — потеря Тайны. Утеря тайны грозит человеку опасностью особого рода — утратой необходимого чувства напряженности в отношениях с миром, а вместе с ним и основ своей духовности, основ самого себя. И потому если проблема разрешается (или не разрешается) конкретными науками, то тайна во всей ее полноте выражается и воспроизводится философией и мифологией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Декарт Р. Начала философии. Избранные произведения. — М., 1960. — С. 439.
- [2] См.: Найдыхин В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. — М., 2002.
- [3] См.: Найдыхин В.М. Трансгуманизм и «поле возможностей» когнитивных технологий // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2013. — № 1.
- [4] Мы исходим из того, что именно сознание, а не бессознательные элементы духа (архетипы, интуиция, установки, автоматизмы действия, некие инвариантные структуры и др.) непосредственно определяет тип духовности. Хотя существуют и другие подходы к решению этого вопроса.

- [5] См.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001. — С. 163—167.
- [6] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 32 (курсив мой. — В.Н.).
- [7] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 63.
- [8] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. — М., 1975. — С. 263—264.
- [9] Разделение когнитивного и ценностного функционалов сознания, двойственность непосредственной связи сознания с внешним миром (а) через ощущения высших анализаторов; б) через систему не всегда осознаваемых, но влияющих на сознание потребностей), очевидно, вызваны межполушарной асимметрией мозга, которая придает различию когнитивного и аффективно-эмоционального аспектов сознания не только функциональный, но и структурный характер. Как показывают нейропсихологические исследования, «чувственное познание связано в основном с деятельностью правого полушария, а абстрактное познание — с работой левого, но в нормально работающем мозге эти две формы познания невозможно рассматривать изолированно» (Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. — М., 1986. С. 10).
- [10] В разных психологических школах сложились различные подходы к выражению такого фундаментального отношения. С.Л. Рубинштейн выделял знание и переживание как стороны фундаментального отношения сознания: «Подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и «аффективного»..., из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» (*Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. С. 264). В рамках того деятельностного подхода к сознанию, который разрабатывался А.Н. Леонтьевым и его школой, полюсами фундаментального отношения сознания выступают значение и смысл. По словам А.Н. Леонтьева, особенности строения сознания раскрываются «как особенности отношения смыслов и значений» (*Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 280). Ж. Пиаже писал об аффективной и когнитивной жизни сознания (*Пиаже Ж.* Избр. психол. труды. — М., 1969. — С. 64).

MYSTERIES OF SPIRIT AND SCIENCE PROBLEMS

V.M. Naydysh

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In this paper is shown that such characteristics of knowledge as the mystery and the scientific problem are different by their essence from the viewpoint of the cognitive and values consciousness' function. The mystery is a form of spirituality, where the knowledge and experience of reality are a kind of the syncretic unity. Therefore, the mystery is uninterpreted form of the spirit in essence. I show that cognitive features dominate over the value features inside the scientific problem. So, the problem can be transformed into a finite number of available, algorithmic tasks. The problems 'task is to introduce the subject of knowledge into the field of the unknown structural relationship of reality. A mystery brings to mind the person about the infinity of being.

Key words: cognitive, value, consciousness, the mystery, image, problem, thought, abstraction.

ФАНТАЗИИ, МНЕНИЯ, ЦЕННОСТИ И ЗНАНИЯ*

А.М. Анисов

Отдел эпистемологии и логики
Институт философии РАН
Волхонка, 14, Москва, Россия, 199991

В статье с позиции философии и семиотики анализируются такие знаковые типы идей, как фантазии, мнения, ценности и знания. Обоснование особенностей идей этих типов включает в себя их определение, способы фиксации в высказываниях, основные и высшие формы проявления, подерживающие глобальные и локальные организации. Типология высказываний производна от выделенных типов знаков. Предлагается разделить высказывания на дескриптивные (описывающие) и эстимативные (оценивающие). Дескриптивные делятся на эпистемические и фантастические виды высказываний, а эстимативные — на аксиологические и доксографические. Исследуется роль суждений названных видов в естествознании, общественных и гуманитарных дисциплинах, философии и религии. Для этого разрабатываются соответствующие критерии определения видов суждений.

Ключевые слова: фантазии, мнения, ценности, знания, высказывания, семиотика.

Если попытаться посредством минимума слов охарактеризовать духовную жизнь человека, то она выразится в его *фантазиях, мнениях, ценностях и знаниях*.

С семиотической точки зрения, фантазии, мнения, ценности и знания являются разновидностями *типов знаков*. Каждый знак имеет синтаксическое и семантическое измерение. В нашей ситуации различить перечисленные типы знаков только по синтаксическим свойствам не получится. Так, рассказ о реальных событиях, вербально выражающий знания рассказчика, и фантастический рассказ о выдуманных событиях, независимо от цели выдумки, может не иметь никаких синтаксических зацепок, позволяющих отделить эти рассказы друг от друга.

Это не означает, что никаких синтаксических различий в обсуждаемых типах не существует. На самом деле, как будет показано, они есть в случае мнений и, хотя бы потенциально, имеются в случае ценностей. Однако синтаксически отделить знания от фантазий невозможно точно так же, как невозможно синтаксически отделить истинные высказывания от ложных. Поэтому остается обратиться к семантическому измерению.

Семантически знаки могут различаться в трех основных аспектах [2]. Во-первых, по *способу указания* на денотат. Если изобразить отношение обозначения между знаком (З) и денотатом (Д) стрелкой (\Rightarrow) в виде $З \Rightarrow Д$, то речь идет о типе стрелки \Rightarrow . Со времен Ч. Пирса обычно выделяют индексирующую, иконографическую и символическую стрелки. Но в рассматриваемой ситуации мы имеем дело только с символическими стрелками, т.е. все интересующие нас знаки являются знаками-символами и потому неразличимы по способу указания на денотат. Во-вторых, это различия по *онтологическому типу* денотата. Как будет показано, исследуемый ряд знаков образован именно различными онтологическими

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00319а.

типами их денотатов. В-третьих, еще имеются различия по *смыслу*. Безусловно, смысловые различия между перечисленными типами знаков налицо, но они вторичны, так как обусловлены попарными различиями онтологических типов денотатов. Другими словами, четырем рассматриваемым типам знаков взаимно-однозначно соответствуют четыре онтологических типа их денотатов.

В основу принимаемой здесь онтологии положены *пространственный* и *временной* критерии [1]. Думается, фундаментальность этих критериев не нуждается в особом обосновании, так что сразу перейдем к их применению.

Рассуждая абстрактно, имеется всего четыре возможных различных отношений объектов к атрибутам пространства и времени. Первый — объект обладает как пространственными, так и темпоральными характеристиками. Второй — объект не обладает протяженностью и не изменяется во времени. Третий — объект не обладает протяженностью, но развивается во времени. Четвертый — объект обладает протяженностью, но не изменяется во времени. Четыре типа отношений объектов к пространству и времени определяют четыре типа существования и, соответственно, четыре класса объектов, существующих в разных смыслах.

Вряд ли кто-либо всерьез будет спорить с тем, что четвертый класс объектов пуст. Иными словами, не существует объектов, которые занимают место в пространстве, но не развиваются во времени.

Правда, в истории философии была попытка утверждать существование объектов такого рода. Имеется в виду концепция античного атомизма, в которой неделимые и неизменные во времени частицы материи — атомы — обладали конечными пространственными размерами и вполне определенной геометрической формой. В настоящее время гипотеза о существовании абсолютно стабильных во времени частиц наукой отвергнута, на основании чего этому типу существования приходится отказать в реальности.

Остальные классы не являются пустыми. Поэтому вместо четырех, следует говорить о *трех типах существования и трех классах объектов*.

В целях большей краткости и определенности первый тип существования обозначим как *st-реальность*, второй — как *¬s¬t-реальность* и третий — как *¬st-реальность*. Символы *s* и *t* указывают на наличие соответственно пространственной и темпоральной компоненты у объекта, а символ *¬* — на отсутствие пространственных (*¬s*) или темпоральных (*¬t*) характеристик объекта.

St-реальность есть не что иное, как *физическая* реальность. Не изменяющуюся в пространстве и времени *¬s¬t-реальность* уместно назвать *идеальной* реальностью. Наконец, лишённую пространственных характеристик, но длящуюся во времени *¬st-реальность* назовем *темпоральной* реальностью.

Итак, три типа существования следующие: физический, идеальный и темпоральный. Отныне это не просто слова с достаточно неясным и неоднозначным смыслом, а понятия, определенные в терминах наличия или отсутствия пространственных и временных свойств.

Непустота выделенных трех типов существования обосновывается предъявлением конкретных представителей объектов каждого типа. Меньше всего про-

блем с *st*-реальностью. Объекты этого типа существования образуют протяженную субстанцию Р. Декарта или *мир физических* объектов. Естественно предположить, что объекты двух других типов существования *самостоятельно* (т.е. именно как объекты, индивиды) присутствуют только в *ментальном мире*, который образован феноменами субъективного ряда (ощущениями, представлениями, мыслями, образами и т.п.). Образующие ментальный мир темпоральные и идеальные объекты *не занимают места в пространстве*. Откуда это известно? Из *опыта*. Именно опыт встреч с объектами того или иного типа существования позволяет выделять сами типы и анализировать их затем более детально.

Конечно, имеется в виду широко понимаемый опыт, включающий в себя не только опыт обращения с физическими вещами, но и опыт оперирования с предметами мысли. В соответствии с данными такого опыта никто, никогда и нигде не смог усмотреть в темпоральных и идеальных объектах что-либо похожее на размер, величину и т.п. Физические объекты сравнивают по величине, по занимаемому месту в пространстве и прочее; но ничего подобного проделать ни с темпоральными, ни с идеальными объектами нельзя. Нелепо говорить, что образ мыши меньше, чем образ слона, что понятие Вселенной занимает больше места, чем понятие атома, или что понятие треугольника находится дальше от понятия квадрата, чем понятие квадрата от понятия многоугольника. В мире ментальных объектов размеров, величин и расстояний не существует.

Объекты любого типа существования обладают свойствами и находятся между собой в определенных отношениях. Свойства и отношения называют *предикатами*. Предикаты объектов (в том числе и физических!) ни при каких обстоятельствах не могут выступать в качестве физических вещей. Тип существования любого предиката может быть либо темпоральным, либо идеальным. Третьего не дано. Никто и никогда не спотыкался о лежащий на дороге предикат, не выпаривал предикат из раствора, не разбивал предикат вдребезги... Безусловно, весь наш опыт с однозначностью об этом свидетельствует.

Элементарные познавательные акты — это акты перехода предиката физической вещи в объект ментального мира и обратно. Переход предиката физической вещи в объект ментального мира есть акт *абстрагирования*. Обратный переход от ментального объекта к предикату физической вещи есть акт *предицирования*. Когда в сознании ребенка появляется такой объект, как кошка вообще, — это результат абстрагирования. Когда при виде соседского кота ребенок заявляет, что видит кошку — это предицирование абстракции кошки к конкретному физическому объекту. Из элементарных актов абстрагирования и предицирования складывается весь познавательный процесс. Такие акты-переходы возможны постольку, поскольку и предикат материальной вещи, и объект ментального мира *одной природы* — оба они или темпоральны, или идеальны.

Поскольку предикаты не требуют места для своего существования, поскольку они пространственно *не локализованы*, постольку возможно *совпадение* предиката физической вещи и ментального объекта.

Та же самая универсалия, которая находится в ментальном мире в качестве объекта, может (хотя это не обязательно) быть присуща физическому объекту в ка-

честве предиката. Темпоральная сторона физического процесса может (хотя опять-таки не обязательно) оказаться сходной с ментальным процессом. Нелокализованность $\rightarrow st$ - и $\rightarrow s \rightarrow t$ -типов существования позволяет им находится *сразу в двух мирах*. Но следует подчеркнуть, что это «нахождение» различно в каждом из миров. В st -мире $\rightarrow st$ - и $\rightarrow s \rightarrow t$ -существование лишь сторона, предикатный аспект физического мира. Там $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты и $\rightarrow st$ -процессы не существуют в самостоятельном виде наряду с физическими вещами и процессами.

Напротив, в ментальном мире нет ни одного st -объекта, зато $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты и $\rightarrow st$ -процессы существуют в собственном своем качестве и могут мыслиться отдельно как друг от друга, так и отдельно от мира физических вещей и процессов, хотя подлинный смысл существования ментальных объектов заключается в возможности предикирования их физическим вещам.

Применим заданную онтологию к описанию знаков фантазий, мнений, ценностей и знаний. Семантико-прагматическая характеристика этих знаков будет представлена в табличной форме с необходимыми комментариями.

Фантазии

Чем являются фантазии с позиции принятой онтологии? *Фантастический объект* — это темпоральный или идеальный объект, рассматриваемый как физически существующий. Иными словами, фантастический объект возникает, когда $\rightarrow st$ - или $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекту приписывается st -существование, тогда как в действительности в мире физических вещей такого объекта нет. При этом цели данного приписывания не столь важны. Создатель фантастического объекта может не скрывать его мнимого физического статуса, а может и скрывать, пытаясь ввести в заблуждение. Возможно также, что он сам добросовестно заблуждается на его счет. В любом случае знаковая природа фантазий от этого не меняется.

Обычно в качестве примеров фантастических объектов приводят темпоральные иллюстрации (химеры, единороги, кентавры, лешие, инопланетяне и т.д.). Но куда интереснее ситуация, когда фантастические объекты возникают в науке. Оставленные наукой теплород, флогистон, электрические и магнитные флюиды — яркие тому примеры.

Менее ясно положение дел с эфиром или, скажем, с черными дырами. Последние, несомненно, представляют из себя идеальные объекты. Однако идеальные объекты ментального мира могут быть явлены только в *формальной теории*. Вне такой теории ментальные объекты могут быть только темпоральными. К. Поппер, когда указывал на подчиненную роль понятий (универсалий) в составе теории и призывал ошибочную проблему универсалий заменить проблемой теорий [11. С. 460—461], был совершенно прав. Поэтому если теорию, допускающую черные дыры, сменит другая теория, в которой их нет или они изменят свои формальные свойства, прежние представления о черных дырах перекочат в разряд фантастических, даже если в науке останется прежний термин «черные дыры».

С логико-философской точки зрения *фантастический мир* — это один из возможных миров (1). Но и *действительный мир* — это тоже один из воз-

можных миров. Здесь находится пункт сопряжения фантастического и действительного, виртуального и реального. Раз действительное, как и фантастическое, возможно, то почему бы не совершить обратное умозаключение, и не объявить возможное действительным? Явным образом подобный кульбит осуществляется в так называемой многомировой интерпретации квантовой физики. Вполне серьезно нас уверяют, что любые возможные, но не наступившие в действительном мире физические события реализуются в неких параллельных мирах, якобы столь же реальных, как и наш [5]. Разумеется, никаких прямых эмпирических свидетельств этому безмерному умножению псевдореальных физических миров нет и не предвидится, что делает все подобные умозрительные построения фантастическими.

Канонические примеры фантазий связаны с художественной литературой. Например, слово «Гамлет» является знаком (в данном случае, именем) человека. Но человека не реального, а вымышленного, созданного человеческой фантазией. Тем не менее, об этом фантастическом объекте можно высказывать истинные или ложные суждения. Так, суждение «Гамлет — принц датский» будет истинным, а суждение «Гамлет — принц шведский» — ложным. Рассказ о Гамлете является литературным произведением и, по общему мнению, относится к числу *шедевров*.

В итоге приходим к следующей таблице.

Описание	ФАНТАЗИИ
<i>Определение</i>	Знаки объективно не существующих воображаемых физических объектов
<i>Фиксация в суждениях</i>	Фантастические (виртуальные) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Фольклор, литература, реклама, пропаганда, заблуждающаяся наука
<i>Глобальные организации</i>	Общественные объединения, частные и государственные корпорации
<i>Локальные организации</i>	Союзы писателей, рекламные агентства, министерства пропаганды, сообщества псевдо ученых и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Шедевр

Отметим, что разделение суждений на аналитические и синтетические не связано с их разделением на реальные и фантастические.

Фантастические суждения относятся к выдуманной субъектом, и потому субъективной, внутренней реальности. Однако из самого суждения далеко не всегда можно извлечь вывод о его принадлежности к классу фантастических знаков. Синтетическое суждение «Иван Иванович увлекся историей и философией науки» само по себе не дает никакой информации о том, существует ли Иван Иванович на самом деле или это вымышленный персонаж. Но даже если существует, опять-таки нельзя определить, действительно ли он увлекся, или лишь в чем-то воображении увлекся.

Также имеется группа суждений, истинность или ложность которых, в отличие от синтетических, можно установить из синтаксических или семантических

соображений даже не зная, о реальных или фантастических объектах идет речь. Такие суждения называют аналитическими. Например, суждение «Отца Веры Павловны звали Павел» аналитически истинно, а суждение «Отца Веры Павловны звали Петр» аналитически ложно (2). О какой Вере Павловне говорится в суждениях: о реально существующей женщине или о персонаже романа Н.Г. Чернышевского? Если первое, то эти суждения о реальных людях. Если второе, то это фантастические суждения. Но из самих суждений это не ясно, несмотря на их аналитический статус.

Мнения

В отличие от фантастических суждений, которые могут ничем не отличаться от суждений о реальной действительности, правильно сформулированные догсографические суждения обязательно содержат ссылку на мнение того или иного субъекта и потому явно демонстрируют свою семиотическую принадлежность к сфере оценок, основанных на ощущениях, чувствах и эмоциях. «По моему ощущению, в Ваших доводах не все верно», «Я чувствую твою правоту, «Как сообщает агентство X, выборы в стране Y были не демократическими». И т.д. Действительно ли в доводах не все верно, ты прав, а выборы не демократические? — Об этом не сообщается. Вполне может случиться, что дела обстоят прямо противоположным образом: в доводах все верно, ты не прав, а выборы вполне демократические.

Значит, догсографические суждения, в отличие от фантастических, имеют дело не с выдумыванием внешней реальности, а с ее *искажением*. Это не фантазии, а *мнимости*, которые сплошь и рядом путают с объективными реальностями. В роли жрецов мнимостей выступают журналисты, сотрудничающие со СМИ. Они зачастую наивно полагают, что в своих репортажах и статьях повествуют о реальных фактах. В действительности максимум, на что они способны — это выразить чужие и свои мнения. А мнения по самой своей природе субъективны и не надежны независимо от того, чужие они или свои, что было известно уже древним мыслителям. Зато они обеспечивают равноправие, ставят всех на одну доску.

«Ты утверждаешь это, а я считаю иначе. Такова моя точка зрения. У тебя одно мнение, у меня другое», — так или почти так рассуждают находящиеся в плену мнимостей. Отсюда, например, получившая широкое распространение в СМИ практика приглашения на обсуждение научных проблем не только ученых, но и людей, не имеющих к науке никакого отношения. Тем не менее, презумпция равноправия мнений заставляет считать, что суждения специалистов и остальных участников обсуждения являются однопорядковыми по своей значимости.

Описанная ситуация носит не частный характер, а является проявлением глобальной и потому еще более опасной тенденции возрастания воинствующего невежества и сведения науки до уровня различных мнений. А мнения равны, каждая имеющаяся точка зрения (или, как выразился писатель Лесков, «кочка зрения») имеет право на существование наряду с любой другой. То, что наука оперирует отнюдь не мнениями, а чем-то другим, журналистике принципиально неизвестно. Она не способна выйти за границы мнимостей, обречена во веки веков вращаться

в кругу мнений без понимания того, что эти мнения надо бы хоть как-то объективно обосновать или опровергнуть. Там другая проблема: мнений ведь столько, сколько людей. Но не будет же журналист монотонно опрашивать многочисленных реципиентов об их взглядах на те или иные события и явления. Он будет искать необычные, интересные в его представлении мнения.

Но тут возникает еще одна проблема: то, что было интересным и необычным вчера, сегодня уже не интересно и обыденно. Дело в том, что ощущения и чувства имеют свойство быстро притупляться и потому для возбуждения постоянно требуют новой стимуляции. Отсюда непрерывный поиск всякого рода сенсаций, даже если эти сенсации дутые. *Сенсации* — мощное средство возбуждения чувств, привлекающее внимание к передаваемой информации и потому мерило успеха в журналистике. Нечего и говорить, что к науке вся эта доксографическая суэта не только не имеет отношения, но и представляет опасность (в виду всеислия СМИ) для формирования адекватного представления о реальности в обществе.

Сведем описанные характеристики мнений в таблицу.

Описание	МНЕНИЯ (Мнение — Докса)
<i>Определение</i>	Знаки оценок, основанных на ощущениях, чувствах и эмоциях
<i>Фиксация в суждениях</i>	Доксографические (мнимые) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Точки зрения, общественное мнение, слухи, сплетни
<i>Глобальные организации</i>	Средства массовой информации (СМИ)
<i>Локальные организации</i>	Редакции газет, журналов, радио, ТВ и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Сенсация

Любой человек неизбежно находится в сфере доксы. Социальная и личная жизнь без постоянной субъективной оценки происходящего была бы невозможной. Данный факт сам по себе нейтрален. Ведь в мнениях как таковых нет ничего предосудительного. Поэтому негативная роль мнений проявляется не в любых ситуациях, а только в связи с троякого рода злоупотреблениями. Во-первых, это необоснованное тиражирование одних мнений в ущерб другим, на самом деле не менее значимым. Во-вторых, это зачастую разрушающее стремление к сенсационности, игнорирующее нравственные аспекты сенсаций. В-третьих, это сведение научных знаний к мнениям, в результате чего стирается грань между наукой и лженаукой.

Таким образом, следует избегать не мнений, а злоупотреблений, с ними связанных. Сами же мнения как правдоподобные свидетельства о реальности необходимо использовать и изучать, как показал еще в древности Парменид [10], опиравший не только путь истины, но и путь доксы.

Если денотатами фантазий, как было показано, могли быть как $\rightarrow st$ -объекты, так и $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты, то денотатами мнений могут быть только темпоральные $s \rightarrow t$ -объекты. Появление идеальных $\rightarrow s \rightarrow t$ -объектов в сфере доксы исключено. Ведь изменяющиеся во времени ощущения, чувства и эмоции, наполняющие эту сферу, являются неотъемлемой частью темпоральной стороны ментального мира.

Ценности

К чему относятся ценности как предельные основания человеческого выбора, как знаки глубинных упований и надежд? Если вдуматься, то поневоле приходится сделать вывод, что ценности главным образом выражают неудовлетворенность наличным внешним миром и манифестируют себя как желание и надежда его изменить в должном направлении. Хотя бы в будущем (идея коммунизма), хотя бы после смерти (христианство).

Ценности не столько говорят нам, *каков* мир, сколько о том, каким он *должен* быть. В любом случае речь идет именно о внешнем мире, будь это земное светлое будущее или горнее царствие небесное. Преобразование внутреннего мира тогда выступает лишь условием достижения желанного преобразования внешнего мира, но не как самоцель.

Что толку в самосовершенствовании, если оно не ведет к торжеству должного вне меня? Даже удалившийся от мира отшельник мечтает воссоединиться с Богом, как вне его существующей реальностью, как бы он эту реальность себе не рисовал. Что уж говорить об ориентированных на земные блага людях, ценности которых можно есть, пить и носить.

Конечно, если в духе солипсизма отвергнуть само разделение миров на внутренний и внешний, то и говорить станет не о чем. Но если в той или иной форме признавать наличие этих различных миров, то сказанное останется в силе.

Приведем таблицу, в которой представлены основные, на наш взгляд, характеристики аксиологической сферы.

Описание	ЦЕННОСТИ
<i>Определение</i>	Знаки предельных оснований свободного выбора, глубинных желаний и надежд
<i>Фиксация в суждениях</i>	Аксиологические (значимые) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Мифологии, религии, идеологии
<i>Глобальные организации</i>	Церкви, партии, секты
<i>Локальные организации</i>	Храмы, монастыри, семинарии, партийные органы и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Святость

Ценности манифестируют себя в аксиологических суждениях. Аксиологические суждения зачастую формулируются как глубокие объективные истины о мире и человеке, и тогда они являются неявными аксиологическими суждениями. В действительности они говорят о принятых субъектом (личностью или социальной группой) ценностных денотатах, т.е. основополагающих желаниях и надеждах в отношении внешнего мира. Таковы, например, суждения «Бог есть любовь и только любовь», «Душа бессмертна», «Человек — венец мироздания», «Истина, добро и красота едины», «Капитализм обречен», «Победа коммунизма неизбежна» и т.д. В лингвистическом смысле совсем не очевидно, что это аксиологические суждения. На первый взгляд, это категорические высказывания, не несущие ценностной нагрузки.

Однако существует процедура выявления их скрытого ценностного смысла. Она состоит в переформулировке категорического суждения в суждение долженствования. Например, якобы категорическое суждение «Настоящий воин *является* храбрым» («Настоящий воин храбр») трансформируется в аксиологическое высказывание «Воин *должен* быть храбрым» или «Воин *обязан* быть храбрым». Соответственно, посредством этой процедуры получаем ряд явных аксиологических суждений «Бог должен быть любовью и только любовью», «Душа должна быть бессмертна», «Человек должен быть венцом мироздания», «Истина, добро и красота должны быть едины» «Капитализм должен быть обречен», «Победа коммунизма должна быть неизбежна» и т.д.

Всякое ли категорическое суждение допускает такую переформулировку?

Чисто синтаксически да. Но с семантической позиции — нет. Скажем, легко получив из «Луна — спутник Земли» высказывание «Луна должна быть спутником Земли», мы замечаем, что Луна, по большому счету, ничего нам не должна. Утверждая, что « $2 + 2 = 4$ » мы, скорее всего, не будем склонны настаивать, что «должно быть $2 + 2 = 4$ ». А если верно, что «вам не заплатили зарплату», то отнюдь не хочется признавать верным, что «вам не должны были заплатить зарплату». И уж совсем неверным выглядит переход от «ты украл» к «ты должен был украсть».

Могут возразить, к примеру, что Бог, как и Луна, тоже никому ничего не должен. Однако это заявление не соответствует фактам. В беде мы обращаемся к друзьям и близким в уверенности, что они не могут не помочь, т.е. должны помочь. Тем более к Богу люди обращаются с молитвой, в надежде, что Он поможет им. Но если Он для них ничего не должен делать, то в чем смысл обращения? Оно будет таким же бессмысленным, как обращение к Луне или к числам 2 и 4.

Конечно, если Луна — это богиня, а числа — духи, то можно обращаться и к ним. В действительности имелся и культ Луны, и вера в божественность чисел (у пифагорейцев, которые молились числам). Но мы имеем в виду Луну как спутник Земли и числа как особые идеальные объекты без сверхъестественной подоплеки. Аналогичным образом можно разобрать другие примеры скрытых аксиологических суждений.

По типу существования денотаты ценностей, как и денотаты мнений, относятся исключительно к *—st-реальности*. Не означает ли это, что посредством принятой онтологии знаки данных видов различить не удалось?

В каком-то смысле действительно налицо родство ценностей и мнений. Недаром слова «оценка» и «ценность» так похожи. Можно даже сказать, что ценности — это некая предельная разновидность оценок. Тем не менее, суть именно в различии между простым и предельным случаем оценки.

Основополагающей характеристикой мнения является отнесение к конкретной личности, что выражается синтаксически в обороте «по мнению *x*...». Настоящие ценности определенно носят *безличностный* характер. Если воин *должен* быть храбрым, то это не потому, что так должно быть в силу мнения какого-то *x*. Кроме того, будучи темпоральными, ценности, в отличие от изменчивых мнений,

могут не меняться не только в масштабе времени человеческой жизни, но порой остаются неизменными на протяжении веков. И все же они зависят от исторического времени и потому не идеальны.

Знания

Следующим типом знаков являются знания. Их основные характеристики кратко описаны в следующей таблице.

Описание	ЗНАНИЯ
<i>Определение</i>	Знаки объективной реальности
<i>Фиксация в суждениях</i>	Эпистемические (реальные) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Обыденные знания, нарративные знания, технические знания, науки (эмпирические и теоретические, включая логику и математику)
<i>Глобальные организации</i>	Академии наук, университеты, инженерно-конструкторские объединения
<i>Локальные организации</i>	НИИ, ВУЗы, конструкторские бюро, лаборатории, библиотеки и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Теория

Когда глядят в окно и констатируют: идет дождь, слова «идет дождь» являются знаком локализованного в пространстве и времени материального процесса и тем самым представляют знание о дожде как объективной *st*-реальности.

Какого рода это знание? Либо относящееся к *—st*-реальности темпоральное образное знание, либо образующее *—s—t*-реальность идеальное понятийное знание.

Когда нас попросят рассказать, что мы знаем о дожде, рассказ будет принципиально незавершенным: наше личностное знание о дожде не может быть исчерпано определенным конечным набором утверждений. В этом случае мы описываем изменяющийся во времени, но пространственно не локализованный образ дождя, возникающий в сознании. Такое знание относится к сфере темпоральной реальности. Если же дождь — это «жидкие атмосферные осадки, выпадающие из облаков», в которых «диаметр капель от 6—7 до 0,5 мм» (при меньшем размере капель это уже не дождь, а морось) [12. С. 407], то перед нами — *идеальное* понятие о дожде, которое надлежит сопоставлять с реальными физическими процессами выпадения атмосферных осадков. И такое сопоставление может проводиться наделенным искусственным интеллектом прибором, в котором представлено идеальное знание о дожде.

Между прочим, подавляющее большинство людей, — можно сказать, *почти все* люди, — будут констатировать физический факт дождя посредством сравнения наблюдаемого факта и личностного темпорального образа дождя, а не путем сравнения с идеальным понятием. Точно так же будут действовать *все* обладающие психикой животные. В искусственном интеллекте ситуация прямо противоположная: он способен оперировать идеальными понятиями, но не темпоральными образами.

Итак, знание о st-реальности представлено либо в форме —st-образов, либо в форме —s—t-понятий.

Но возможно ли знание о —st- и —s—t-реальности, т.е. возможно ли знание о знании?

Да, возможно, поскольку знание может быть объективировано, представлено физически существующими носителями, будь это созданные человеком изображения, звучащая речь или тексты.

Наиболее адекватной формой объективной фиксации знаний являются тексты. Будучи проинтерпретированными, тексты порождают в сознании интерпретатора либо хоровод сменяющих друг друга образов, либо цепь логически взаимосвязанных понятий. И в первом, и во втором случае порождаются новые тексты — тексты о текстах. Это и есть знание о знании.

Только как удостовериться, что действительно получено знание о знании? Если исходный текст проинтерпретирован в темпорально-образной форме, то связь между ним и новым текстом обеспечивает процедура *цитирования* исходного текста в новом. Если же речь идет об идеально-понятийной интерпретации, соответствующая связь устанавливается посредством процедуры *доказывания* на базе исходного текста новых фактов.

Принципиально важно отметить асимметрию между темпоральной и идеальной интерпретациями текстов. Темпорально-образной интерпретации может быть подвергнут любой текст. При этом адекватность интерпретации обосновывается цитированием исходного текста. Но отнюдь не любой текст может быть проинтерпретирован на идеально-понятийном уровне с последующими новыми доказательствами. Даже математические тексты могут трактоваться в образной форме, как это продемонстрировал в блестяще написанной книге [6] И. Лакатос, вместо доказательств предложивший обильное цитирование работ математиков и философов. Только такого рода интерпретации возможны в отношении текстов стихов, традиционной метафизики, гуманитарных дисциплин — короче, любых бесформульных или слабо структурированных текстов. Хотя как цитирование, так и доказывание относятся к интересубъективным процедурам (3), их роль в получении нового нетривиального знания несопоставима: цитирование оставляет нас на донаучной стадии познания, и лишь при наличии доказательств можно говорить о феномене науки как таковой.

Обыденные знания не требуют комментирования. Они необходимы и важны, так как без них человек перестанет ориентироваться в повседневной среде, утратит возможность адекватного к ней приспособления.

Технические знания — те знания, которые обеспечивают любую *сложную специализированную практическую деятельность*.

Греки под техникой понимали не только то, что называют техническими устройствами, но и *мастерство* — обладание специализированными умениями и навыками. И в нашем смысле к техническим знаниям как основе умений и навыков относятся не только специальные знания создателей машин, механизмов

и приборов, но и знание техники решения математических задач, техники строительства, техники создания предметов быта, техники диагностики и лечения болезней, техники игры на музыкальных инструментах, техники танца, живописи и т.д. Рецептурная математика Древнего Востока была технической дисциплиной, поскольку требовала от исполняющих рецепты незаурядной техники вычислений и построений, не говоря уже о решении более трудной технической задачи по изготовлению новых рецептов.

Но сказанное не означает, что все перечисленные области знания целиком и полностью причисляются к разряду технических. Например, в медицине лишь часть медицинских знаний имела технический характер. Мы имеем в виду, что искусство диагностики и лечения болезней достигло стадии мастерства задолго до того, как медицина обрела научную почву. Но и тогда медицина не сводилась исключительно к технике, поскольку не меньшее значение в ней играло нарративное знание.

Слово «нарратив» (*narrative*) буквально означает «рассказ», но во втором значении — «изложение фактов» [7. С. 498]. Следуя этому второму значению, *нарративом* будем называть изложение или описание фактов.

В познавательном процессе описанию фактов предшествует стадия их установления и проверки. Поэтому *нарративное знание* получается в результате установления, проверки и последующего изложения и типологической систематизации фактов.

В типичной форме нарративное знание воплощено в *исторических* текстах. Детальное описание симптомов болезней обязательно для медицины. Географические, биологические, филологические и некоторые другие изучающие природную и социальную реальность дисциплины на протяжении веков оставались по преимуществу нарративными. Многообразие фактов делает актуальной задачу их упорядочения. Отсюда свойственное нарративному знанию стремление к разделению фактов на роды и виды, построению таблиц, схем и классификаций. Эти построения могут иметь отношение к науке, но сами по себе науки не образуют.

Между прочим, все, что до сих пор было сказано здесь о знаках, несомненно должно быть квалифицировано как семиотическое нарративное знание, не являющееся наукой. Для философии не так уж мало, поскольку в этой сфере чаще приходится сталкиваться с не содержащими знаний фантастическими построениями и выражением собственных мнений. Главное ведь в том, чтобы получить надлежащие знания, а не в несбыточном стремлении все знание превратить в науку.

Даже если какие-то отрасли знания сегодня на достаточном основании причисляются к науке, это не означает, что нарративное знание в их составе утратило значение. Геология, география, ботаника, зоология, медицина, филология и многие другие науки по-прежнему включают в себя нарратив как важную часть добытых знаний.

Приведенное семиотическое деление имеет целью не только установить местоположение науки в мире символов, но и продемонстрировать богатство и раз-

нообразии этого мира. Ни в коем случае нельзя свысока относиться к тому, что не является наукой.

Человек не может жить без фантазий, без выражения своего мнения, без принятия или отторжения ценностей, без обыденных, нарративных и технических знаний. Попытка выстроить какую-то иерархию этих типов символов по абсолютной значимости была бы безнадежным предприятием.

Еще одна цель — предостеречь от смешения символов разных типов. Говорят, что дьявол скрывается в деталях. Этот афоризм верен, но не менее верен и другой: *дьявол скрывается в смешении*. Когда смешивают добро и зло, порок и добродетель, свободу и рабство, знание и невежество, истину и ложь, правдивость и лукавство, теорию и доктрину, ценности и мнения, науку и религию — результаты окажутся не просто плачевными, а будут серьезно дезориентировать людей. Символический язык дан нам для того, чтобы *различать*, а не смешивать.

Как вытекает из рассмотренных таблиц, знаки внешнего мира допускают четыре типа высказываний об этом мире. Их можно объединить в две группы: дескриптивные (описывающие) и эстетимативные (оценивающие). В результате получается следующая таблица.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ			
ДЕСКРИПТИВНЫЕ (описывающие)		ЭСТИМАТИВНЫЕ (оценивающие)	
Эпистемические (реальные)	Фантастические (виртуальные)	Аксиологические (значимые)	Доксографические (мнимые)

В науке, понятное дело, преобладают эпистемические суждения, хотя там невозможно избежать появления фантастических гипотез и теорий. Как уже говорилось, никакими семиотическими средствами отличить реальное суждение от фантастического невозможно, за исключением случая, когда суждение выражает логический закон или является противоречием.

Если эпистемическое суждение *A* не является ни тем, ни другим, существует возможный мир, в котором *A* истинно и мир, в котором *A* ложно. Именно поэтому по виду такого *A* в принципе нельзя определить, истинно оно или ложно. В религии ведущую роль играют аксиологические суждения. Они также оцениваются в категориях истины и лжи, но в религиозных доктринах истинность и ложность означают соответствие или несоответствие догмам доктрины. Сама же доктрина сомнению и критике не подлежит.

В нетривиальных философских построениях, выходящих за рамки фантазий и доксографии, также главенствуют аксиологические суждения. Это утверждение не соответствует ставшему привычным мнению, что философские системы включают в себе знания. Знания могут вырабатываться философией, но, как правило, они подчинены ценностям.

Чем же тогда философия отличается с семиотической точки зрения от религии? Тем, что религии выражают *коллективные* системы ценностей, а философии — *индивидуальные*. Поэтому представители одной религии могут сходиться во мнениях между собой вплоть до деталей, тогда как в дискуссии философов такое возможно разве в виде исключения.

Наиболее подвижны и изменчивы фантазии. Менять мнения уже труднее. Еще устойчивей ценности, ради сохранения которых нередко готовы пожертвовать даже жизнью. Казалось бы, ряд исчерпан и ничего более стабильного, чем ценности, особенно если они обретают силу твердой веры, нет. Однако это не так. Только знания поистине вечны. Однажды познанное, если оно познано *истинно*, не изменится и не отменится во веки веков. Вера — всегда наша вера. Нас не будет — не будет и веры. Поэтому вера — от нас. А вот истина — не наша. Мы исчезнем, а истина останется. Человечество погибнет — веры не будет, ибо некому будет верить. Но истина останется истиной, даже если некому ее познавать. Получается, что истина обладает собственным бытием, не нуждающимся в нас для своего существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Обзор методов создания возможных миров попытался дать Н. Гудмен в книге [4]. Попытка сама по себе интересная, но, к сожалению, эти методы описаны настолько нечетко, что получилась крайне аморфная система, непригодная для практического применения.
- (2) Конечно, возможна ситуация, когда настоящего отца Веры Павловны звали «Петр». Но тогда это не Вера Павловна, а Вера Петровна. Аналогичным образом, из суждения «Петр холостяк» аналитически вытекает суждение «Петр не женат». А если он на самом деле все-таки женат, то тогда он не холостяк.
- (3) Понятие интерсубъективности в связи с проблемой обоснования знания с разных сторон обсуждается в работах [3; 8; 9].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. — 2001. — № 7. — С. 100—112.
- [2] Анисов А.М. Современная логика. — М., 2002.
- [3] Анисов А.М. Логика интерсубъективного цитирования // Философский журнал. — 2008. — № 1. — С. 109—132.
- [4] Гудмен Н. Способы создания миров. — М., 2001.
- [5] Дойч Д. Структура реальности. — Москва-Ижевск, 2001.
- [6] Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. — М., 1967.
- [7] Мюллер В.К. Англо-русский словарь. — М., 1967.
- [8] Павленко А.Н. Пределы интерсубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания. — СПб., 2012.
- [9] Павлов С.А. Интерсубъективность в логической семантике и в пространстве семиозиса // Философия науки. — Вып. 14: Онтология науки. — М., 2009.
- [10] Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. — М., 1989.
- [11] Поппер К. Логика и рост научного знания. — М., 1983.
- [12] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980.

IMAGINATIONS, OPINIONS, VALUES AND KNOWLEDGE

A.M. Anisov

Department of Epistemology and Logic
Institute of Philosophy RAS
Volhonka, 14, Moscow, Russia, 199991

In article from a position of philosophy and semiotics such sign types of ideas, as imaginations, opinions, values and knowledge are analyzed. The background of features of ideas of these types includes their definition, ways of fixing in statements, the basic and maximum forms of display supporting the global and local organizations. Typology of statements derivative from the allocated types of signs. It is offered to divide statements on descriptive and estimate. The role of judgements of the named types in natural sciences, public and humanitarian disciplines, philosophies and religions is investigated. Appropriating criteria of definition of types of judgements are developed for this purpose.

Key words: imaginations, opinions, values, knowledge, the statement, semiotics.

REFERENCE

- [1] *Anisov A.M.* Tipy sushhestvovaniya // *Voprosy filosofii*. — 2001. — № 7. — S. 100—112.
- [2] *Anisov A.M.* *Sovremennaja logika*. — M., 2002.
- [3] *Anisov A.M.* Logika intersub#ektivnogo citirovaniya // *Filosofskij zhurnal*. — 2008. — № 1. — S. 109—132.
- [4] *Gudmen N.* *Sposoby sozdaniya mirov*. — M., 2001.
- [5] *Dojch D.* *Struktura real'nosti*. — Moskva-Izhevsk, 2001.
- [6] *Lakatos I.* *Dokazatel'stva i oproverzheniya. Kak dokazyvajutsja teoremy*. — M., 1967.
- [7] *Mjuller V.K.* *Anglo-Russkij slovar'*. — M., 1967.
- [8] *Pavlenko A.N.* *Predely intersub#ektivnosti (kritika kommunikativnoj sposobnosti obosnovaniya znaniya*. — SPb., 2012.
- [9] *Pavlov S.A.* Intersub#ektivnost' v logicheskoj semantike i v prostranstve semiozisa // *Filosofija nauki*. — Vyp. 14: *Ontologija nauki*. — M., 2009.
- [10] *Parmenid.* *O prirode* // *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. I*. — M., 1989.
- [11] *Popper K.* *Logika i rost nauchnogo znaniya*. — M., 1983.
- [12] *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'*. — M., 1980.

КОНВЕРГЕНЦИЯ ВМЕСТО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Л.А. Маркова

Сектор социальной эпистемологии
Институт философии РАН
ул. Волхонка, 14, Москва, Россия, 119991

В статье показан процесс перехода от междисциплинарности (отношения между научными теориями как логическими системами) к диалогу и интерсубъективности (отношения между создателями, авторами теорий) и далее к конвергенции, типу мышления, когда наука формирует качественно новую тухносферу, которая станет органической частью природы.

Ключевые слова: коммуникация, междисциплинарность, диалог, интерсубъективность, конвергенция, наука, мышление, знание, контекст, логика.

Понятие междисциплинарности активно обсуждается философами, и главным образом с точки зрения ее способности реализовывать отношения между отдельными науками как логическими системами. При этом каждая из наук, используя результаты, полученные другим участником взаимодействия, не выходит, как правило, за свои собственные границы. Обязательное условие — наличие отдельных, конкретных дисциплин, что приводит иногда к слишком узкой специализации. Это влечет за собой, в свою очередь, трудности в применении научных знаний на практике, что сохранилось до сих пор, например, в медицине, когда врач пытается лечить какой-то орган человека без стремления узнать состояние организма пациента в целом. Тем не менее, именно наличие четко обозначенных научных дисциплин всегда было главным условием формирования междисциплинарности. И действительно, чтобы говорить об отношениях *между* дисциплинами, прежде всего, необходимо, чтобы эти дисциплины *были* и были оформлены, каждая из них, как некоторая целостность. В тех случаях, когда в результате междисциплинарных отношений возникали новые дисциплины, физхимия, например, в их рамках разговор о междисциплинарности уже невозможен. Дисциплина одна, и проблематика общая для физики и химии. Решение возникающих проблем способствует развитию как физики, так и химии. Нельзя сказать, что химия использует физику для своих целей.

В определенном смысле междисциплинарность была предшественницей диалогических и интерсубъективных отношений. Главная разница в том, что взаимодействие между дисциплинами базируется на *логических системах* знания разных наук, безотносительно к тому, кто является автором этих знаний. Диалог, интерсубъективность, коммуникация, наоборот, имеют дело с *субъектами* деятельности по производству знания. С этой точки зрения междисциплинарные отношения остаются в рамках классической науки. Здесь исследование было ориентировано исключительно на предмет, познание которого выдавало знание, где никакие субъектные характеристики не принимались во внимание. Научное знание должно быть истинным, и его истинность определяется соответствием предмету изучения.

Но можно увидеть здесь и намеки выхода за пределы классики, в область плюрализма: ведь дисциплин должно быть как минимум две. И если обратить внимание на то, что различаются они не только своими логическими системами и содержанием, но и авторами (в самом широком смысле этого слова), создавшими в их рамках новое знание, то возникает проблема отношений между субъектами. Отсюда уже не междисциплинарность, а интерсубъективность, диалог становятся доминирующими в философском анализе науки. Мышление ориентируется на субъект деятельности по производству знания в первую очередь, а иногда и полностью на него в некоторых крайних вариантах истолкования науки как социального элемента общества.

Однако такая глобальная субъективизация научного знания приводит к тому, что сам термин «социальный» утрачивает всякое значение. Он обладает смыслом только в паре с предметностью. Это отметил в свое время Б. Латур в послесловии ко второму изданию своей с С. Вулгаром книге (1).

К такому выводу он пришел после того, как вместе со своим соавтором тщательно разрабатывал тему жизни лаборатории с позиций послекуновской социологии науки. Социальное настолько поглотило любую предметность, что противопоставлять его уже было нечему. Произошло даже нечто большее, чем исчезновение границы между ними. Сами эти понятия, по его мнению, перестали играть какую-либо существенную роль в анализе науки (2). Уже бессмысленно рассуждать о том, какое влияние социальные моменты оказывают на производство знания и его содержание.

Если увеличить «масштаб» ситуации, в которой происходит взаимодействие социального и логического, от лаборатории до пределов общества как целого, то и здесь происходят аналогичные трансформации. В классике особенно жесткими были границы не между отдельными естественнонаучными дисциплинами (физика и химия, физика и биология), а между естественными и гуманитарными науками. Поэтому расшатывание именно этих границ стало особенно чувствительным при желании сохранить дисциплинарный характер науки.

Общественные науки изучали внешнее воздействие социальных обстоятельств на скорость и направление развития научного знания, при этом его логическая структура оставалась неприкосновенной. Меняться мог только способ использования уже полученных результатов на практике.

В философии и социологии науки прошлого века основное внимание было уделено проникновению социальных характеристик в научное знание, что с позиций классической науки было недопустимо, если ученый хотел получить истину. Ведь знание должно было быть по возможности полностью освобождено от всего случайного, а также всего связанного с деятельностью по его получению и с характеристиками субъекта этой деятельности.

В неклассической науке у субъекта и предмета изучения появились в результате общие черты, что сделало затруднительным четкое разграничение между социальным и логическим в естественнонаучном знании. А ведь именно на этом разграничении строилось естествознание Нового времени.

Изучаемый ученым мир существует независимо от человека, и истинность знания об этом мире определяется исключительно его соответствием изучаемому предмету, независимо от того, кто и какими путями это знание получил. Такой способ познания как наиболее убедительный и распространенный стремились усвоить представители и общественных, гуманитарных наук. Большинство из них тоже рассматривали общество в целом и человека в отдельности как предмет, существующий независимо от изучающего его ученого, подчиняющийся действию объективных законов, будь то развитие общества или функционирование организма живого человека.

Марксизм, в том числе его такая наиболее упрощенная форма, как исторический материализм, а также позитивистские концепции устройства общества, в том числе ориентировавшиеся на них социологические учения, стремились максимально подчиняться логике научного познания. Человек и его жизнь как социального существа включались в предмет изучения в качестве такой же независимо существующей от ученого вещи, как и природа. В прошлом веке, наоборот, теперь уже предметы природы понимаются как если бы они были *произведением*, продуктом деятельности человека, деятельности, которая встраивается в получаемый результат.

Если довести эту мысль до некоторого логического предела, как в случае с лабораторией у Латура и Вулгара, то получается, что весь окружающий мир есть конструкция человека, все социально.

Теоретическое осмысление такой ситуации и попытки выхода из ее трудностей можно увидеть в социальной эпистемологии, где уже по замыслу нельзя провести различие и установить междисциплинарные отношения между социальным и логическим.

Философский анализ неклассической науки опирался в прошлом веке и на развитие самой философии, и на трансформации в естествознании, главным образом в физике, в ходе научной революции начала XX в. Создание квантовой механики подтолкнуло философскую мысль к необходимости принимать во внимание субъектный полюс в научном мышлении как значимый при формировании нового результата в науке. На эту тему в философии до сих пор ведется много дискуссий между сторонниками формирования нового типа мышления в XX в. и защитниками классики, которые убеждены, что естествознание в качестве науки может существовать только как классическая наука с ее базовыми ценностями, такими, в первую очередь, как истинность и объективность знания. В классике допускаются лишь некоторые, малозначимые изменения.

В качестве основных итогов анализа неклассической науки, не останавливаясь на промежуточных этапах ее критического исследования, можно считать утрату четкости, а затем и полное размывание границ между ранее считавшимися несовместимыми таких понятий, как истина и ложь, объективное — субъективное, логическое — социальное. Все эти понятия утрачивают свою значимость при философском анализе науки, онтология науки меняется существенным образом.

Чтобы узнать, что *есть* наука, чтобы понять ее *бытие*, исследователь обращает внимание на ту сферу научной деятельности, где нет уже (или еще) ни истины, ни лжи, ни субъекта, ни предмета. Нет противостояния человека и мира, а значит, нет различия между естественнонаучными дисциплинами (отпадает проблема междисциплинарности), нет и межсубъектных отношений, так как само понятие субъекта как противостоящее предмету отсутствует (нет ни диалога, ни интересубъективности). Исчезают и междисциплинарные отношения между философией и социологией науки. Социология не использует философию исключительно для преодоления своих трудностей, а берет на себя решение чисто философских проблем, таких как проблема истинности и объективности знания, соотношение социального и логического и ряда других, не менее существенных. И философия в рамках социологии делает серьезные шаги вперед в своем собственном развитии.

Появляется новое понятие, *конвергенция*. В «Википедии» оно истолковывается так: «Конвергенция (от лат. *convergo* — сближаю) — процесс сближения, схождения (в разном смысле), компромиссов, противоположна дивергенции. Термин употребителен в различных естественных и гуманитарных науках».

Даже опираясь на это очень общее определение, нетрудно заметить, что оно неприемлемо для понимания ни междисциплинарности, ни диалога или интересубъективности. В последних случаях базовым основанием соответствующих концепций служит *различие*, наличие которого только и может гарантировать существование *многих*, как минимум двух участников процесса. Когда это различие исчезает или, как минимум, перестает быть значимым, как это случилось в социологии и философии науки, на передний план выдвигается понятие конвергенции. Рассматривается ситуация, когда еще недавно четко обозначенные в классике противоположности не просто сближаются, но как бы поглощают друг друга, совмещаются.

Но если нет возможности говорить о *многих* субъектах и соответствующих им, конструируемых ими предметах, это не значит, что устранение столь неприемлемых для классики представлений возвращает нас в ее лоно. *Одного* субъекта и *одного* предметного мира как логических идеализаций тоже нет. Наш мир действительности воспринимается нами *на грани* его бытия и небытия. Как писал В.С. Библер: «Понять бытие (логически осмыслить, раскрыть логическое основание бытия) означает — в культуре логики — логически обосновать ту точку, то „впервые“, где бытие *есть* (?) *пред-положение мысли* (то есть — *не-мысль*), где мышление *есть* (?) *пред-положение бытия*, то есть — „не-бытие“. В этом и заключена парадоксальность современной онтологии» (3).

Начала логики должны быть обоснованы логически, считает Библер, иначе это не логика. Но логика не может обосновать себя своими собственными средствами, это приведет к логическому кругу. Поэтому «логика должна стать *диалогической*, стать спором двух и, далее, — многих, сфокусированных в одной точке, логик» (4). Фокусировка происходит как *спор логических начал*.

Сам поворот в философии к субъектному полюсу как наиболее значимому в процессе возникновения нового знания, к творческим процессам в голове ученого неизбежно заставляет задуматься о начале. Мышление индивида постоянно сосредотачивается «на своем начале, отталкиваясь к той точке или той грани, где хаос и космос, стихия и гармония непосредственно соприкасаются, просто — событийствуют друг с другом» (5). Начало теории, пишет Библер, должно быть исходным определением данной теории, «и вместе с тем оно должно быть *основанием* этой теории, лежащим *вне* ее, неопределимым в собственных терминах и понятиях этой теории. Только так возможно избежать логического круга. И — добиться... парадокса» (6).

Таким образом, философское осмысление научного мышления в XX в. приводит к отказу от моносубъектности, когда один субъект (Демон Лапласа) до бесконечности совершенствует свои знания. Субъектов много, они отличаются друг от друга, каждый из них детерминируется собственными началами. Однако эта мысль в своем развитии приводит нас к тому, что *определение* теории собственными началами делает неизбежным выход за пределы ее логики, в область хаоса. Библер считает, что этот хаос как *непонятое* теорией необходимо обратить в другую логику, диалогические отношения с которой в области их логических начал предоставят нам возможность обосновать собственную логику логическими средствами.

Однако здесь возникает серьезная трудность. Можно согласиться с возможностью полемизировать в области начал с другой уже существующей логикой, с другими, чем мои, началами. Это и делает Библер во многих своих работах, диалогизируя с античностью, средними веками, Новым временем.

Можно понять и существующую возможность рождения многих новых логик, с которыми наша логика сумеет вступить в диалог.

Но каков путь рождения каждой новой логики, только ли через общение с уже существующими типами мышления? А как же выход в нелогичку, которую еще только предстоит превратить в другую логику? Можно ли считать, что нелогичкой, хаосом для нашей логики являются все другие логики? Не будем сейчас вдаваться в тонкости философии Библиера, где, безусловно, если и не обозначены четко, но, тем не менее, есть пути выхода из трудностей сегодняшней ситуации, в том числе и в его философии. Для нас важно сейчас отметить, что существует проблема рождения мысли не из другой мысли средствами логического вывода, а из хаоса, где этой мысли нет. Причем эта рожденная мысль как-то обосновывается самим процессом своего рождения, включает его в свое содержание.

В прошлом столетии стимулом, толчком развития философии в сторону полисубъектности послужила научная революция начала века и создание квантовой механики.

В начале нашего века развитие естествознания опять можно соотнести с процессами, происходящими в философии и подводящими нас к онтологии науки, где главными становятся на этот раз не междисциплинарные и не межличностные связи, а отношение хаоса (контекста, условий, в которых отсутствует логика научного знания) и рождающимися из него отношениями и в классической, и в неклассической науке.

Проблема отношения мысли и материи возникает и здесь, но в принципиально ином плане. Главное направление рассуждений — это понять, не как научное знание воспроизводит в себе внешний мир, и в какой мере и каким образом оно от этого внешнего мира зависит, а как само существование мысли, способность человека мыслить возникает из такого вполне материального предмета, как мозг.

Именно мозг наделяет человека способностью сознания и мышления. Особый интерес к такому казалось бы очевидному факту объясняется, по-видимому, наступлением новой эры в истории человечества (не думаю, что такие громкие слова неуместны), когда *искусственная среда* обитания человека все больше населяется не столько техническими устройствами, усиливающими его *физические* возможности, сколько *думающими* машинами. А чтобы думающую машину сконструировать, необходимо знать устройство человеческого мозга, функционирование которого машина должна воспроизвести.

В связи с развитием компьютерной техники чрезвычайно актуальным стал вопрос об искусственном интеллекте, о его способности воспроизводить человеческое мышление. Появился даже специальный термин — когнитивные науки. Для того чтобы составить программу для компьютера, философские рассуждения о мышлении мало помогут. Тут нужны научные знания и, прежде всего, о строении мозга как абсолютно необходимого для производства мысли. Компьютер должен уметь воспроизводить, с большим или меньшим успехом, работу мозга как физического тела.

Этой проблеме большое внимание уделяется в книге Р. Пенроуза «Тени разума». Известный английский физик, не чуждый философского осмысления процессов, происходящих в его науке, Р. Пенроуз, высказал предположение, даже уверенность: подобно тому, как физика Нового времени открыла законы, общие для хаоса и космоса, существовавшие в античной науке как мало чем связанные, так и будущая физика будет знать законы, в равной мере справедливые для макро- и микромира. Она свяжет их вместе чрезвычайно тонкой и невычислимой (но все же, несомненно, математической) физической схемой.

Пенроуз не сомневается, «что существование нашего ментального мира есть продукт очень малой части мира физического — той части, где имеются в точности те условия, что необходимы для возникновения сознания, как, например, в мозге человека» (7). Все свои надежды на познание человеческого мышления в полном его объеме, а не только в его вычислительных характеристиках, доступных для воспроизведения компьютеру, Пенроуз возлагает на будущую науку, где будут ликвидированы различия между законами макро- и микромира. Это подтверждает уже получившую большое распространение мысль о конвергенции в мире науки. Законы микромира и макромира, к которому относится и человеческий мозг, одни и те же.

Вопрос об искусственном интеллекте, о его способности воспроизводить человеческое мышление стал чрезвычайно актуальным. Мышление человека и его физический мозг, как они взаимодействуют?

Почему-то, однако, принцип конвергенции как совмещение социальных и физических характеристик мозга в этом случае не срабатывает. И не только у Пенроу-

уза. Мышление рассматривается исключительно как порождаемое мозгом, его функционированием. Безусловно, наукой здесь получено много новых знаний, в том числе и в результате конвергенции целого ряда наук, изучающих мозг как физическое тело. Но конвергенции между социальными науками и естественными нет. Между тем если мышление невозможно, когда погибает мозг, то и мозг не остается мозгом, если он не функционирует и не порождает мысль.

Скорее всего не совсем так, как это предвосхищал Пенроуз в конце прошлого века, но его идея о возникновении научных представлений, служащих основанием и для макро- и для микромира в равной степени, начинает реализовываться. У нас нет возможности углубляться в эту новую для философии проблематику, прежде всего по той причине, что и для меня она является слишком новой и трудной, чтобы чувствовать себя хоть в какой-то мере компетентной в этой области знаний. Между тем существует уже большая литература, где анализируются с разных точек зрения характеристики современного научного мышления. Я же сошлюсь на две статьи в «Вопросах философии», в которых предложены способы нетрадиционного взгляда на особенности точек роста науки наших дней.

Таковыми точками роста обычно называют конвергентные нано-, био-, инфо-, когнитивные науки и технологии (НБИК-технологии). Эти науки «открывают возможность адекватного воспроизведения систем и процессов живой природы. Это делает их практическим инструментом формирования качественно новой техносферы, которая станет органичной частью природы» (8). Что важно, нанотехнологии «обеспечивают интеграцию существующих научных дисциплин и технологий, опираясь на единство атомно-молекулярной структуры всех объектов материального мира... Базой такого объединения является не только знание атомарной структуры материи, но и способность человека целенаправленно влиять на эту структуру, конструируя невиданные и немислимые ранее объекты материального мира» (9).

Нанообъекты — это атомы, гены, нейроны, биты. Оперирова с этими объектами, ученые открывают законы, которые справедливы и для макрообъектов.

Изучая микромир, мы одновременно получаем результаты, которые трансформируют и окружающий нас мир радикальным образом. В этом случае «мы сталкиваемся с гибридами природы и культуры, по выражению Б. Латура, квази-объектами или „субъект-объектами“, которые размывают барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом» (10).

Разумеется, этими отдельными тезисами и цитатами ничего не обоснуешь. Не могу оправдать себя и тем, что в одной короткой статье невозможно предложить серьезный анализ рассматриваемых проблем. Дело в том, что проблемы слишком серьезные и трудные и слишком радикально меняют наши представления об отношении человек—мир. Я надеюсь, однако, что мне удалось показать истоки этих новых представлений, неизбежность найти какой-то выход из возникших трудностей при анализе отношений между научными дисциплинами, прежде всего между гуманитарными и естественнонаучными. До последнего времени в действительности важным было не столько то, что природа в научном мышлении существует независимо от человека и его деятельности, сколько то, что человек ей чужд и не нужен. Он может только портить ее, лучше бы его во-

обще не было. Соответственно строилось и классическое научное знание: природа в нем должна быть представлена как абсолютно автономная, существующая сама по себе.

Нами всегда легко допускалась мысль, что в результате техногенной или природной катастрофы человечество может быть уничтожено. Вселенная, однако, от этого не пострадает, она как существовала, так и будет существовать. Усилия ученых и философов были направлены на понимание того, как человек с его мышлением мог появиться во вселенной, откуда он взялся и зачем он нужен. Представляется, что теперь взгляд на человека должен поменяться. Не столь уж очевидной кажется мысль, что существует только односторонняя зависимость человека от природы, но никак не наоборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts.* — Princeton, New Jersey, 1986.
- (2) *Моркина Ю.С. Социальная теория познания Д. Блуга: истоки и философский смысл.* — М., 2012. — С. 225—244.
- (3) *Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век.* — М., 1991. — С. 396.
- (4) Там же. — С. 230.
- (5) Там же. — С. 361.
- (6) *Библер В.С. Кант-Галилей-Кант (Разум Нового времени в парадоксах самообоснования).* — М., 1991. — С. 8—9.
- (7) *Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании.* — Москва, Ижевск, 2005. — С. 634.
- (8) *Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития // Вопросы философии.* — 2013. — № 3. — С. 8.
- (9) Там же. — С. 7.
- (10) *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии.* — 2013. — № 3. — С. 14.

CONVERGENCE INSTEAD OF INTERDISCIPLINARITY AND INTERSUBJECTIVITY

L.A. Markova

Leading research fellow
Department of social epistemology
Institute of Philosophy
Russian Academy of Science
Volkhonka, 14/5, Moscow, Russia, 119991

It is demonstrated in the paper the process of transition from the interdisciplinarity (relationships between scientific theories as logical systems) to the dialogue and intersubjectivity (relationships between creators, authors of theories) and, further, to the convergence, such type of thinking, when science builds qualitatively new technosphere, which will become an organic part of nature.

Key words: communication, interdisciplinarity, dialogue, intersubjectivity, convergence, science, thinking, knowledge, context, logic.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОЙ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ*

И.Д. Невважай, Д.П. Суровягин

Саратовская государственная юридическая академия
Вольская ул., 1, Саратов, Россия, 410056

В статье критически оценивается классическая модель знания, лежащая в основе построения математических и естественнонаучных теорий, как образец конструирования гуманитарных научных теорий. Показывается зависимость системной организации знания от родовидовой онтологии Аристотеля, которая неадекватна человекоразмерной реальности. Рассматривается такая форма организации гуманитарного знания, как синтагма в качестве модели описания искусственной человекоразмерной реальности.

Ключевые слова: классическая модель знания, гуманитарная научная теория, система и синтагма, модальная онтология, презумпции и фикции.

1. Естественные науки как стандарт научности и построения гуманитарной теории

До сих пор естествознание играет роль лидера науки. Первичным образцом в науке служила геометрия Евклида.

До середины XX в. многими признавалось лидерство физики, затем в лидеры стала выдвигаться биология. Лидерство означает, что соответствующая научная дисциплина накопила ресурсы, которые становятся образцом, парадигмой для других наук. Эти ресурсы могут касаться совокупности представлений о реальности, способов познания, способов построения знания и его обоснования. Поскольку гуманитарные науки в целом формировались позже естественных, то этот процесс протекал на основе заимствования и использования ресурсов естественных наук. Идеалы и нормы научного исследования, выработанные в естественных науках, становились идеалами и нормами в гуманитарных науках.

Научность гуманитарного знания определяется тем, в какой мере оно удовлетворяет критериям научности знания, выработанным в математических и физических науках. К числу важнейших критериев относятся: предметность, объективность, истинность, обоснованность, системность, верифицируемость, фальсифицируемость. Однако весьма проблематична применимость этих критериев к гуманитарному знанию.

Под *предметностью* научного знания понимается его отнесенность к предмету, существующему независимо от факта знания. В гуманитарных дисциплинах предмет исследования есть результат интерпретации. К примеру, известный ученый юрист Г. Кельзен говорил, что норма права есть схема интерпретации поступка, действия. Какие-то действия мы считаем правильными или нет, но это зависит от интерпретации.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00353 «Структура и функции гуманитарной научной теории».

Таким образом, рассматриваемый критерий предметности весьма ограничен в своей применимости, если научная теория сама определяет, что существует независимо от факта знания.

Критерий *истинности* — наиболее значимый для любой науки — состоит в утверждении, что знание обладает признаком соответствия объективно существующему предмету.

Истинность предполагает предметность знания. Истинность знания требует наличия определенных способов установления соответствия знания и действительности.

Рассматривая критерий истинности, необходимо иметь в виду, что существуют разные концепции истины: когерентная, прагматическая, семантическая и другие. Классическая концепция истины неплохо «работает» в естественных науках, так как последние имеют дело с реальностью, которая всегда существует либо всегда может быть воспроизведена, например, с помощью эксперимента. Что касается юридических наук, то им адекватна когерентная, прагматическая и семантическая концепции истины.

Объективность как критерий научности, выработанный в естествознании, означает, что содержание знания не зависит от субъекта. Можно сказать, что объективное знание — это знание мира «без человека».

Подобная трактовка объективности кажется непригодной для социально-гуманитарного познания, поскольку предметом последнего является человеческая реальность, определяемая сознанием, волей, потребностями человека. Правовая реальность, очевидно, не может не зависеть от человека. И дело здесь не в зависимости от субъективных способностей, таких как мышление, чувственность, воля, а, что более существенно, в зависимости содержания социально-гуманитарного знания и познания от человеческих целей, ценностей, идеалов, без которых такое знание и познание просто не существовало бы.

Вопрос о совместимости ценностно ориентированной деятельности людей и объективного ее познания обсуждался многими философами и методологами, но удовлетворительного решения до сих пор мы не имеем [2].

В качестве гипотезы относительно решения обозначенной проблемы можно предложить следующее соображение.

Объективность и ценность вполне совместимы, если ориентация на ценности и выбор ценностей от самого человека не будет зависеть — в том смысле, что отказ от ориентации на определенные ценности, отказ от выбора или не предпочтение определенных ценностей ведет к отрицанию человеком собственной сущности. Тут скрыта простая истина: хочешь выжить — выбирай соответствующие ценности. Таким образом, выбор ценностей в пользу того, чтобы быть, и является для человека объективным выбором. От нас не зависит то, что мы есть, что мы рождены другими людьми, также как от нас не зависит событие нашей смерти.

Обоснованность. Согласно данному требованию всякое научное знание должно иметь свои основания. Эти основания могут быть как эмпирическими, так и логическими. Мы говорим об опытных фактах как об основаниях того или

иного научного утверждения или понятия. Утверждения могут быть основаны и на логических доказательствах.

Еще в античности считалось, что научным знанием является то, которое может быть доказано. Кроме указанных видов оснований, существуют идеалы и нормы научного исследования, научная картина мира и философское мировоззрение. Их особенность в том, что они выполняют регулятивную функцию, ориентируя научный поиск онтологическими, гносеологическими, методологическими и аксиологическими представлениями.

Из критерия обоснованности вытекает требование системности научного знания. В современной науке наиболее развитой и сложной формой системной организации знания является научная теория. В самом общем случае ее необходимыми компонентами являются: 1) принципы (постулаты, аксиомы), 2) законы и 3) понятия (категории). Указанные три блока образуют структуру научной теории, с которой мы встречаемся в области естественных наук. В большинстве гуманитарных научных теорий отсутствует второй блок — блок законов, так как гуманитарные науки не говорят о том, что с необходимостью происходит в действительности, а говорят о том, что должно, не должно, или может происходить в действительности. Таким образом, гуманитарные научные теории содержат редуцированный набор составных элементов, и логическая связь между ними не имеет однозначно дедуктивного характера.

Верифицируемость как требование означает возможность удостовериться в истинности знания. Если исходить из того, что в юридических науках реальность есть следствие интерпретации поступков, то критерий верифицируемости здесь автоматически выполняется. К сказанному надо добавить, что верифицируемость в гуманитарных науках реализуется также в процедурах установления соответствия научных высказываний существующим признанным социально значимым ценностям.

Критерий *фальсифицируемости* состоит в требовании опровержения научного знания. Фальсификация — это критика научного высказывания с помощью логики или фактов. Но в гуманитарных науках суждения о сущем могут критиковаться также с точки зрения представлений о должном. Это ценностная фальсификация.

Таким образом, в целом применимость критериев научности из области естественных наук к гуманитарным наукам не безусловна. Это ставит перед гуманитарными науками задачу выработки собственных критериев научности.

2. Попытка определения специфики гуманитарного знания и познания в немецкой философии конца XIX — начала XX вв.

Принято считать, что интерес к специфике гуманитарных наук появляется в философии неокантианства. Именно в Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Й. Кон, Э. Ласк, Р. Кронер) наблюдается характерный интерес к гуманитарному познанию. Исходным пунктом этого интереса было разделение наук на обобщающие (науки о природе) и индивидуализирующие (науки о культуре и обществе).

Если мы обратимся к произведению Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре», то обнаружим, что задача этой работы довольно скромна: обнаружить, какие общие интересы связывают представителей таких эмпирических наук как психология, юриспруденция, история, филология.

Речь вовсе не идет об эффективном методе демаркации естественных и гуманитарных дисциплин, предложить который в условиях большого разнообразия наук и глубокой специализации ученых либо слишком сложно, либо вообще невозможно. Риккерт пытается только наметить два крайних полюса научной деятельности [3. С. 46], между которыми расположены все эмпирические дисциплины.

И науки о природе, и науки о культуре — это области научного труда, насильственное разделение которых ничем не оправдано. Можно даже сказать, что поводом для выделения гуманитарных наук в отдельный комплекс служит не их какая-то особенность, а удивительно эффективная, основанная на прочной методологической традиции сплоченность естественнонаучного знания. Науки о культуре на фоне естествознания выглядят недоразвитыми маргинальными полунауками, что побуждает Риккерта как философа размышлять над таким положением дел.

Гуманитарные дисциплины развиваются за счет усилий отдельных гениальных исследователей, а не за счет сплоченной работы научных коллективов. За исключением отдельных редких трудов, в гуманитарных науках нет примеров систематического размышления над методологией гуманитарного научного исследования. Риккерт считает, что такую ситуацию можно и нужно изменить.

Различие между науками о природе и науками о культуре предлагается провести с материальной и с формальной точек зрения [3. С. 51 и далее], то есть различие по предмету и по методу. Различие по предмету формулируется с помощью самых общих категорий, что не противоречит тезису о невозможности строгого предметного разграничения естественных и гуманитарных наук. Науки о природе имеют своим предметом собственно природу (Natur), то есть то, что существует и развивается независимо от человека, а науки о культуре — культуру (Kultur), то есть то, что создано человеком или включает в себя человека как активную целеполагающую часть (хозяйство, общество, искусство и т.д.). В явлениях культуры воплощены ценности, признанные человеческими сообществами, поэтому объекты культуры можно назвать также благами. Как указывает Риккерт, «о ценностях нельзя сказать, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости» [3. С. 55].

Таким образом, любую гуманитарную науку можно назвать наукой о ценностях, поскольку такая наука изучает какую-то часть культуры, воплощенную в благах. Собственно термин «Kulturwissenschaft» (наука о культуре) Риккерт считал адекватной заменой традиционного двусмысленного термина «Geisteswissenschaft» (наука о духе). Двусмысленным последний термин считается потому, что не ясно, как следует понимать дух.

В гегелевском смысле культура является проявлением Абсолютного Духа (результат синтеза Идеи и Природы), и в этом смысле для гуманитарных наук можно сохранить привычное название «Geisteswissenschaften». Но дух можно также по-

нимать как индивидуальное самосознание человека, как душу, и в таком случае, конечно, гуманитарные науки не ограничиваются сферой духа, то есть не сводятся к психологии. Риккерт настаивает на том, что духовное не нужно отождествлять с психологическим, и называет науки о культуре также историческими науками в широком смысле слова.

Русский термин «гуманитарная наука», не имеющий аналога в немецком языке, также является двусмысленным, поскольку не ясно, о каком «человеке» должна идти речь. Однако путаницу такое словоупотребление вызывает редко, поскольку понятие «гуманитарная наука», как правило, используется просто как собирательное название для множества дисциплин, не являющихся естественнонаучными или математическими. В этом случае в число гуманитарных наук включается все: от журналистики и педагогики до философии и логики.

Что касается метода, отличающего, по мнению Риккерта, науки о культуре, то он тоже определяется через противопоставление главному методу естественных наук.

Естествознание стремится к формулировке общих законов. Но целью исторической науки никогда не является установление закона, поскольку историческая наука работает с действительностью, которая всегда индивидуальна, хотя и может повторяться. Историческая наука (наука о культуре) «индивидуализирует», то есть описывает уникальные особенности изучаемого ею явления. В разные эпохи разным явлениям культуры приписываются разные ценности, причем это приписывание не обусловлено причинно-следственными отношениями. Если предметы естественных и гуманитарных наук выражаются в оппозиции «природа — культура», то различие их методов иллюстрируется оппозицией «причинно-следственная связь — свободное приписывание ценностей». Решающим обстоятельством для логики гуманитарных наук является то, что эти науки не хотят обобщать. Разумеется, это разделение «генерализирующего» и «индивидуализирующего» методов не является дихотомическим. Оно только служит прояснению причины разнонаправленности естественнонаучного и гуманитарного познания.

Немецкий философ и историк культуры Вильгельм Дильтей считал, что методы «наук о духе» обусловлены спецификой предмета познания, и поэтому основным методом такого познания является метод понимания, поскольку благодаря ему происходит проникновение в духовный мир автора произведения.

В то время как в науках о природе основная функция — это объяснение, то есть подведение известного нам факта под закон. Дильтей выделял два вида понимания: понимание собственного внутреннего мира, достигаемое с помощью интроспекции (самонаблюдения), и понимание чужого мира — путем вживания, сопереживания, вчувствования (эмпатии). В обоих своих видах понимание — это «процесс, в котором на основе внешних, чувственных данных постигается внутреннее» — прежде всего внутренняя духовная жизнь человека, ее развитие, специфика и уникальность. Такое понимание — это не концептуализация, а тотальное создание духовного состояния и его реконструкция на основе вчувствования. Здесь не нужны ни законы, ни теории, ни даже общие понятия.

В меньшей степени рефлексии подвергалась форма организации гуманитарного знания, в которой выражено содержание мира культуры и ценностей.

Однако вопрос о форме знания имеет большое значение в ситуациях, когда строится новая гуманитарная теория, когда критически оценивается гуманитарная теория с точки зрения степени ее научности. До сих пор эти проблемы решаются с ориентацией на образец, в качестве которого выступает форма организации естественнонаучного и/или математического знания. Эту ситуацию мы считаем неприемлемой, поскольку, как будет показано ниже, система естественнонаучного или математического теоретического знания связана со спецификой предмета и метода этих наук. Для начала рассмотрим общепринятые представления о научной теории.

3. Понятие «научная теория»

Теория — многозначное понятие. Определенный узус этого слова сложился не только в научной, но и в повседневной практике. Обычно теорией называется выраженная в языке точка зрения индивида на определенный предмет. Например, в скетч-шоу «Летающий цирк» английской комик-группы Monty Python в серии «The All-England Summarize Proust Competition» есть эпизод о некой мисс Энн Элк (персонаж Джона Клиза), которая в эфире телепрограммы «Выпад» утверждает, что является автором новой теории о бронтозаврах. Новая теория заключается в следующем: все бронтозавры тонкие с одного конца, гораздо толще посередине, и затем опять тонкие с другого конца.

С одной стороны, пример кажется абсурдным, поскольку слово «теория» в эпистемологии обычно отсылает к чему-то научному и значительному, например, к теории эволюции Дарвина или теории относительности Эйнштейна.

С другой стороны, нетрудно представить, как теория о бронтозаврах может быть дополнена различными положениями и объяснениями и окажется вполне «серьезной» научной теорией. На каком основании определенную точку зрения на данный предмет мы называем теорией? Для ответа на этот вопрос рассмотрим некоторые философские определения теории.

Определения теории, как правило, весьма неопределенны. Философ науки В.С. Швырев различает теорию в широком и теорию в узком смысле слова: «Теория — в широком смысле комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле — высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории» [5. С. 42].

Эти определения, на наш взгляд, уязвимы для критики.

Рассмотрим определение теории в широком смысле слова. Прежде всего, поставим вопросы: почему некоторые представления, взгляды и идеи объединяются в комплекс? На каком основании они могут быть названы элементами одного комплекса? В каком отношении находятся эти элементы?

В определении сказано, что эти представления и идеи направлены на объяснение какого-либо явления. Но здесь возможно скептическое возражение: одному и тому же явлению можно дать два объяснения, которые будут противоречить друг другу. Общий предмет — это недостаточный критерий для объединения идей в теорию. Достаточно ли будет сказать, что все логически непротиворечивые

идеи относительно одного явления образуют теорию? Очевидно, нет, так как с точки зрения теории представления о предмете бывают правильные и неправильные, релевантные и нерелевантные.

Определяя теорию в узком смысле слова, В.С. Швырев объявляет ее самой развитой формой организации знания. Это утверждение также непонятно, поскольку критерий организованности знания в данном контексте не задан. Теории логики и математики просты и дедуктивно систематизированы, их организацию можно объяснить и продемонстрировать. С другой стороны, например, социологические или философские теории содержательно слишком сложны, чтобы можно было ясно представить их логическую структуру. Но едва ли отсюда можно сделать вывод, что подобные теории суть неразвитые формы организации знания.

Далее, неоправданным кажется употребление оценочных прилагательных в определении теории.

Что значит, что теория дает «целостное» представление о предмете? Нецелостное представление о предмете — это, очевидно, такое представление, в котором какие-то аспекты предмета упущены. Но относительно большинства теоретических представлений можно сказать, что они не полностью описывают свой предмет, от каких-то аспектов предмета теория абстрагируется. Кто, кроме автора теории, может ручаться, что упущенные аспекты не были «существенными», что они не являлись необходимыми компонентами «целостного» представления?

Нам представляется, что в определениях В.С. Швырева не уделено должного внимания то принципиальное обстоятельство, что всякая теория всегда выражается на определенном языке. Множество представлений, идей и взглядов нельзя считать теорией, пока оно не зафиксировано в высказываниях, то есть пока не станет возможной передача этого множества идей, именуемого теорией, от одного субъекта к другому.

В связи с этим правильным нам представляется понимание теории, предложенное Ф.П. Рамсеем: «Попробуем описать теорию просто как язык для обсуждения фактов, которые, как говорят, теория объясняет. Это не обязывает нас к философскому вопросу о том, является ли теория только языком. Скорее, если бы мы знали, на какую разновидность языка она претендует, если претендует вообще, то могли бы продвинуться в том, чтобы обнаружить, что это за язык» [6. С. 162].

Это более простое определение теории содержит меньше спорных моментов и охватывает большее число случаев употребления слова «теория». Существуют факты, которые требуется описать и объяснить, есть события, которые требуют истолкования. Для выполнения этих функций субъект создает язык, содержащий названия элементарных объектов предметной области, правила определения более сложных объектов и правила перевода выражений созданного языка в выражения других существующих языков. Такой новый язык является теорией.

Если теория понимается как язык, то и теория о бронтозаврах, и теория относительности суть теории. В первом случае новыми терминами для описания предмета будут слова «бронтозавр», «толстый», «тонкий» и т.д., во втором случае — понятия «инерциальная система отсчета», «материальная точка», «скорость света» и т.д. Многие понятия теория заимствует из естественного языка, но она

связывает их с конкретной языковой ситуацией описания определенного предмета. Изменение контекста употребления слова изменяет значение этого слова. По сути, теорию можно понимать как выделенный фрагмент естественного языка, специально измененный для описания и объяснения выбранного предмета.

Многие научные теории имеют простую логическую форму. Поэтому знание структурных особенностей элементарных теорий имеет эпистемологическую ценность. В связи с этим большое значение имеет понятие дедуктивной систематизации.

К.Г. Гемпель определяет дедуктивную систематизацию через три повсеместно применимых в науке операции: объяснение, предсказание и ретросказание. Научное объяснение, предсказание и ретросказание имеют одну и ту же логическую структуру: они показывают, что рассматриваемый факт можно вывести из других определенных фактов с помощью специальных законов. В простейшем случае этот тип рассуждения можно представить в виде схемы как дедуктивный вывод, форма которого содержит утверждения об определенных фактах (например, о положениях и импульсах определенных небесных тел в определенное время), общие законы (например, законы ньютоновской механики) и, наконец, заключение, говорящее о том, что объясняется, предсказывается или ретросказывается. Доказательство имеет силу только в том случае, если его заключение дедуктивно следует из посылок [1. С. 148].

Таким образом, теория, с точки зрения логики, есть множество предложений, объединенных отношением дедуктивного вывода.

Степень дедуктивной систематизации может быть критерием классификации теорий.

(1) В содержательных теориях дедуктивные связи между высказываниями, как правило, не выявлены. Такие связи подразумеваются, и на их существование указывают слова «следовательно», «поэтому», «если ..., то ...» в тексте теории. В качестве посылок в таких теориях используются гипотезы, а дедуцированные из них положения считаются условно истинными, то есть истинными с определенной степенью вероятности. К таким теориям относится большинство теорий естественных и гуманитарных наук.

(2) Аксиоматизированные теории представляют собой дедуктивно организованные системы, где из высказываний, принятых в качестве исходных (аксиом), выводятся все другие положения (теоремы). Это такие хорошо организованные теории, как геометрия Евклида, теория относительности Эйнштейна, аксиоматизированная арифметика Пеано и т.п.

(3) В формальных теориях (исчислениях) дедуктивно систематизировано не только само знание, но средства его получения: логические законы и правила дедуктивного вывода. Для таких теорий формулируется специальный символический язык, в котором строго определен алфавит теории, то есть перечень допустимых символов, и заданы правила построения корректных выражений: от элементарных термов до сложных формул. Лишь некоторые аксиоматические теории математики и логики удовлетворяют требованию формальности. Именно такие теории можно было бы назвать «высшей формой организации научного знания»,

но такие теории бессодержательны, то есть они представляют собой, по сути, схемы знания, а не само знание.

С точки зрения логики нет никакого смысла делить теории на гуманитарные, естественнонаучные, математические, ненаучные или какие-либо другие. Теория может описывать или пространство—время, или закономерности воспроизводства населения, или особенности литературного стиля философии Камю, или онтологические основания бытия Бога, или форму бронтозавров, но она остается теорией, если у нее есть предмет, автор и особый язык описания выбранного предмета. Разумеется, теории могут иметь большее или меньшее значение для развития науки и экономики, они могут иметь больший или меньший эвристический потенциал, они могут давать целостное или фрагментарное представление о своем предмете, но все эти особенности не меняют логическую основу теории.

Из сказанного следует, что специфика гуманитарной теории обусловлена особенностями языка, применяемого в гуманитарных науках для описания особых «гуманитарных» предметов. Большинство гуманитарных теорий являются содержательными теориями, но это не значит, что они не могут стать аксиоматизированными или даже формальными теориями. Специфическая сложность и аморфность языка гуманитарных теорий часто затрудняет выявление их логической структуры, но не доказывает отсутствие такой структуры, или наличие особого гуманитарного способа теоретизирования.

Но являются ли описанные представления о теории столь уж безразличными к содержанию действительности? Для ответа на данный вопрос, обратимся к истокам современных представлений о строении научной теории, которые специалисты находят в философии античности.

4. Классическая модель знания и родовидовая онтология

Истоки современных представлений о строении научной теории специалисты находят в философии античности. Наиболее значима здесь фигура Аристотеля [10].

Аристотелевская модель знания есть система S предложений и понятий, которая удовлетворяет следующие условиям:

- (1) все предложения и понятия S относятся к определенному набору объектов;
- (2a) в S есть множество так называемых фундаментальных понятий;
- (2b) все другие понятия, встречающийся в S , составлены из этих фундаментальных понятий;
- (3a) в S существует множество так называемых фундаментальных предложений;
- (3b) все другие предложения S следуют из этих фундаментальных предложений (доказуемость);
- (4) все предложения S истинны;
- (5) все предложения S универсальны и необходимы в том или ином смысле;
- (6) нефундаментальное предложение является истинным, если оно доказано в S ;
- (7) нефундаментальное понятие вводится через его определение в S .

Дедуктивно-аксиоматическая структура считается классической, образцовой моделью для построения развитой системы научного знания — научной теории. Прежде чем оценивать адекватность данного образца особенностям гуманитарного познания, обратимся к истории формирования систем научного знания, опираясь на работы А.П. Огурцова [4; 5].

Учение Аристотеля о знании основывается на его родовидовой онтологии. У Аристотеля основанием физики является иерархическое отношение субординации. Это накладывает существенный отпечаток на его трактовку системности бытия. «Аристотель интерпретирует системность бытия как развертывание субстанций своих частных форм, т.е. строит метафизику субстанциальных форм» [4. С. 160]. Физическая реальность оказывается совокупностью родов, которым подчинены определенные виды. Теория, которая должна соответствовать такой реальности, строится как система логически субординированных форм. В античной философии, как отмечает А.П. Огурцов, «термин „система“ характеризовал упорядоченность и целостность естественных объектов» [4. С. 163].

Таким образом, дедуктивно развертываемая с помощью силлогизмов система теоретического знания адекватна родовидовой онтологической модели. Античным образцом системного построения научного знания стала геометрия после Евклида. Аксиоматический метод изложения воспринимается с тех пор как образец системного изложения научных истин.

Теоретическое, спекулятивное знание в античности отождествлялось с философией, а предельным, окончательным основанием теоретического знания считалось «беспредпосылочное начало», т.е. такое начало, которое не нуждается в каком-либо обосновании.

Такой подход, характерный для античной философии, по-разному реализовывался Платоном и Аристотелем. Так, для Платона разумное познание переходит от предпосылочного знания к знанию, свободному от предпосылок и совпадающему с порождающим бытием — идеей Блага. Лишь перейдя к этому беспредпосылочному началу, можно найти способы оправдания принципов остальных наук.

Разумное осмысление этого «беспредпосылочного начала» является задачей диалектики, а не частных наук. Это «беспредпосылочное начало» есть тождество идеи и бытия, мышления и становления, смыслового и несмыслового содержания. Оно не возникает, не уничтожается и служит истоком возникновения и движения всего остального. Это «беспредпосылочное начало» является порождающей моделью вещей. Модель знания, которая отстаивалась и пифагорейцами, и Платоном, представлялась как органическая система, в рамках которой и получают смысл отдельные понятия, или элементы. Здесь не допускается возможность непосредственных, очевидных начал, исходных, недоказуемых принципов, а доказательство в диалектическом способе рассуждения истолковывается как определение через нечто противоположное, как рефлексивное определение через другое. В этом случае доказательство можно вести по кругу, т.е. одно можно доказать из другого и обратно. Исходный пункт этой «круговой» модели знания заключается в утверждении рефлексивности понятий, каждое из которых определяется только из своей противоположности и из целостной системы отношений [5. С. 93].

Диалектике Платона Аристотель противопоставляет дедукцию. И в противовес органицистским моделям бытия и знания Аристотель строит фундаменталистскую и линейную модель знания, где процедура обоснования начинается с некоторого пункта. Регресс в бесконечность процедур обоснования прерывается и останавливается на определенных, недоказуемых, очевидных и известных началах, составляющих фундамент знания. Здесь, в отличие от бесконечного диалектического опосредования целостностью, познание находит точку опоры и строит формы знания на этом основании. Высшим и безусловным началом знания и бытия является, по Аристотелю, принцип противоречия, который одновременно оказывается и принципом логического мышления, и принципом бытия, обозначая фундаментальную структуру бытия, в которой всегда есть разница между «быть» и «не быть».

Современная наука, очевидно, абсолютизирует значимость аристотелевской родовидовой онтологии и, соответственно, идеал системной и иерархической организации научного знания. Указанная онтология оправдывает убеждение физиков в том, что новая «более фундаментальная» теория содержит старую и «менее фундаментальную» теорию как свой частный случай. Отсюда «идеология», согласно которой целью физики является поиск общей теории «всего».

5. Синтагма и модальная онтология гуманитарных наук

Важно подчеркнуть, что в истории античной метафизики мы находим разные образцы построения знания. Наряду с «системой» мы находим, как отмечал немецкий философ конца XIX — начала XX в. Рудольф Эйкен, другую модель, которую он обозначил как «синтагма» [9].

Согласно Р. Эйкену, развитие античной мысли связано с переходом от синтагм к системам. Это соответствует процессу отделения наук от философии и формированию автономных научных систем знания. При обсуждении вопроса о структуре гуманитарной научной теории интерес представляет первичная форма донаучного знания — синтагма. В отличие от «системы», которая характеризовала упорядоченность и целостность естественных объектов, термин «синтагма» характеризует упорядоченность и целостность искусственных объектов, прежде всего продуктов познавательной деятельности. Такое размежевание терминов обусловлено, в частности, постепенным осознанием в античной философии того обстоятельства, что способы систематического изложения результатов познания (в устной речи, а тем более в письменных трактатах) не совпадают с принципами организации бытия [4. С. 163].

Синтагматический способ организации ментальных феноменов, отличный от систематического способа, основан на онтологии, которая не безлично объективна, а подчинена видению человека. Если в системе конечным основанием выступают аксиомы, в которых выражены всеобщие онтологические принципы, то активность сознания является конечным смысловым основанием всякой теоретической синтагмы.

Конечно, мы привыкли к тому, что научное знание имеет системный характер, полагая при этом, что такой характер является универсальной характеристи-

кой научности знания. Поэтому несистемность — это, якобы, удел до- и вненаучных форм знания. Но правдоподобно предположить, что существуют не системные формы организации научного знания. Нам представляется, что для определения модели гуманитарного научного знания стоит обратиться к понятию синтагмы. Синтагма — это такой способ организации духовной жизни и ее результатов, когда ментальные феномены возникают и существуют в жизненной ситуации общения, где мышление существует в потоке исторических и культурных ситуаций.

Синтагматическая концепция знания восходит к пифагорейцам и Платону. Онтологию этих философов можно назвать «этической онтологией», поскольку первоначала бытия оказываются не стихиями сущего. Здесь еще отсутствует разделение идеального и материального, внутреннего и внешнего, психического и физического, истины, красоты и добра. Поэтому их учение о бытии является вместе с тем и учением о Космосе, о Логосе и Психее. Синтагматический способ организации знания о мире включает в себя человеческий опыт (в том числе и опыт познания) как источник этой организации.

Для понимания того, что такое синтагма, то есть «конституция» гуманитарного научного знания, обратимся к одному любопытному наблюдению С.И. Вавилова, которую мы почерпнули из статьи А.П. Огурцова [4]. С.И. Вавилов писал об особенности античной науки: «Оптика в точном греческом значении слова была наукой о зрении. Ее задача состояла прежде всего в объяснении наиболее загадочного для древнего человека факта возникновения в глазу изображения, подобного окружающим предметам... Изображения вне глаза научились получать, по-видимому, только в XV в., в камере-обскуре (Леонардо да Винчи)» [4. С. 161].

Таким образом, оптика для греческих мыслителей была не физической наукой об объективных явлениях, а наукой *о зрении*. Свет понимался ими не объективно-механически, а субъективно, что было обусловлено не только отсутствием оптических приборов, но и трактовкой знания в античности. Поэтому синтагму можно понять как совокупность представлений о том, как формируется знание о культуре и человеческом «духе».

В гуманитарном познании объект включает познающего субъекта. В какой форме это может быть выражено в знании? В синтагме присутствие субъекта в познаваемой реальности выражено тем, что знание фиксирует или выражает субъективное отношение к объекту в объективированных формах и, прежде всего, в языковой форме. Вне контекста этих отношений объект не может быть описан. То есть гуманитарная теория есть теория условий познания, субъективного человеческого отношения к миру. Это отношение может быть изменено, и тогда описываемая реальность также изменяется.

Какие же формы знания описывают отношение человека к действительности?

Они хорошо известны из области юридического знания. Это принципы, презумпции и фикции. Презумпции и фикции говорят о том, что происходит в правовой реальности, которая есть ни что иное, как совокупность интерпретаций человеческого опыта, поступков, действий. Теория предлагает общие основы таких интерпретаций, она обеспечивает единство интерпретаций. Такова, по сути, одна из важнейших функций правовой конституции как основного закона страны.

Так понимаемая синтагма имеет своим онтологическим основанием модальные формы бытия. Природа как предмет изучения естественных наук не имеет деонтических модальностей. Человеческий мир принципиально модален. Модальная онтология — это онтология объективно-субъективного комплекса «мир — человек». В качестве возможной модели модальной онтологии человекоразмерной реальности, мира культуры, мы могли бы предложить трехмерную модель бытия, в которой базовыми координатами являются «запрет», «разрешение» и «долг» [3]. Поэтому высказывания любой гуманитарной теории всегда содержат те или иные модальности. Это обстоятельство указывает на совершенно иной характер логических отношений между теоретическими высказываниями в гуманитарных теориях, по сравнению с теориями в математике и естествознании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гемпель К.Г.* Дилемма теоретика: Исследование логики построения теории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. — М., 1998.
- [2] *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. — М., 2002.
- [3] *Невважай И.Д.* Человек «религиозный», «технический», «естественный» и границы техники // Сборник материалов XIV конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек в техническом мире: вызовы XXI века (г. Дубна, 10—11 ноября 2011 г.). — М., 2012. — С. 111—125.
- [4] *Огуцов А.П.* Этапы интерпретации системности научного знания (античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. — М., 1974. — С. 154—186.
- [5] *Огуцов А.П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. — М., 1988.
- [6] *Рамсей Ф.П.* Теории // Рамсей Ф.П. Философские работы. — М., 2011.
- [7] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. — М., 1998. — С. 44—128.
- [8] *Швырев В.С.* Теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. — М., 2010. — С. 42.
- [9] *Эйкен Г.* Смысл и ценность жизни. — Харьков, 1911.
- [10] *Jong de W.R., Betti A.* The Classical Model of Science: a millennia-old model of scientific rationality // Synthese. — 2010. — V. 174. — P. 185—203.

ON A STRUCTURE OF HUMANITARIAN THEORY

I.D. Nevvazhay, D.P. Surovyagin

Saratov State Law Academy
Volskaya Str., 1, Saratov, Russia, 410056

In the paper a classical model of knowledge is critically estimated. It is a foundation of construction of mathematical and natural-science theories, and a sample of designing of humanitarian scientific theories). Dependence of system organization of knowledge from kind-species ontology shows. That form of organization of knowledge is inadequate to human reality. Syntagma as model of a description of artificial human reality is discussed.

Key words: classical model of knowledge, humanitarian scientific theory, system and syntagma, modal ontology, presumption and fiction.

REFERENCE

- [1] *Gempel' K.G.* Dilemma teoretika: Issledovanie logiki postroenija teorii // *Gempel' K.G.* Logika ob'jasnenija. — M., 1998.
- [2] *Mikeshina L.A.* Filosofija poznanija. Polemicheskie glavy. — M., 2002.
- [3] *Nevvazhay I.D.* Chelovek «religioznyj», «tehnikeskij», «estestvennyj» i granicy tehniki // Sbornik materialov XIV konferencii «Nauka. Filosofija. Religija»: Chelovek v tehničeskom mire: vyzovy XXI veka (g. Dubna, 10—11 nojabrja 2011 g.). — M., 2012. — S. 111—125.
- [4] *Ogurcov A.P.* Jetapy interpretacii sistemnosti nauchnogo znanija (antichnost' i Novoe vremja) // Sistemnye issledovanija. Ezhegodnik. — M., 1974. — S. 154—186.
- [5] *Ogurcov A.P.* Disciplinarnaja struktura nauki. Ee genezis i obosnovanie. — M., 1988.
- [6] *Ramsej F.P.* Teorii // *Ramsej F.P.* Filosofskie raboty. — M., 2011.
- [7] *Rikkert G.* Nauki o prirode i nauki o kul'ture // *Rikkert G.* Nauki o prirode i nauki o kul'ture: Per. s nem. — M., 1998. — S. 44—128.
- [8] *Shvyrev V.S.* Teorija // *Novaja filosofskaja jenciklopedija*: V 4 t. T. IV. — M., 2010. — S. 42.
- [9] *Jejken G.* Smysl i cennost' zhizni. — Har'kov, 1911.
- [10] *Jong de W.R., Betti A.* The Classical Model of Science: a millennia-old model of scientific rationality // *Synthese*. — 2010. — V. 174. — P. 185—203.

ЗНАНИЕ И ПРЕДРАССУДОК

И.Р. Габдуллин

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные эпистемологические параметры сравнения понятий «знание», «истина», «заблуждение» и «предвзгляд». Выявляются некоторые логические следствия, возникающие в результате проведенного сравнения. На основе исследования гносеологического измерения предвззуда делаются определенные выводы теоретического характера, позволяющие по-новому осмыслить природу и роль предвззуда как особого вида эпистемического состояния сознания.

Ключевые слова: знание, истина, заблуждение, предвзгляд, суеверие, эпистемическое состояние сознания, иллюзии восприятия, наивный реализм.

Несмотря на многообразие определений, смыслов и контекстов, сопровождающих феномен предвззуда как особого ментального состояния сознания, все же приходится констатировать, что наиболее устоявшимся значением соответствующего слова остается придание ему определенного эпистемического содержания. Так, предвзгляд либо напрямую связывается с заблуждением — ложным мнением, суеверием, либо с мнением лишенным достаточных оснований.

И та, и другая из указанных характеристик (ложность и необоснованность) находятся в одной категориальной плоскости с понятием знания, по крайней мере, в рамках традиционной трактовки последнего, поскольку в качестве главных критериев здесь как раз принимаются истинность и обоснованность.

Таким образом, если исходить из традиционной трактовки знания как истинного и обоснованного мнения, а в понимании предвззуда руководствоваться сложившейся практикой словоупотребления его как ложного и необоснованного мнения, то знание и предвзгляд находятся в отношении логической сравнимости, причем такой, что позволяет трактовать эти понятия как несовместимые по их логическому объему.

Опираясь на наш собственный опыт в исследовании феномена предвззуда [2], все же необходимо признать, что эпистемологический и логический аспекты в природе предвззуда представляют собой хотя и важные, но не единственные его компоненты. Учитывая это, в данной статье в основном мы будем руководствоваться следующими определениями.

Предвзгляд это знание, погруженное в ценностный контекст, он выражает (явно или не явно и практически неосознанно) ценность и неотъемлемо ей присущее эмоционально-аффективное содержание. Ядром структуры предвззуда, несомненно, выступает его особым образом организованное ценностно-когнитивное взаимодействие компонентов сознания, представляющее его, прежде всего, как особую форму предпосылочного знания, в которой ценностный компонент доминирует относительно когнитивного (1).

В психологическом измерении предрассудок представляет собой неосознаваемую рационализацию чувственно-эмоционального состояния сознания в виде негативной или позитивной оценки, выступающей субъективным обоснованием истинности некоего положения вещей, закрепленного в стереотипной форме и выражающего определенную установку.

Одной из основных познавательных проблем, затрудняющих объективное, адекватное соотношение знания и предрассудка, явилась традиция, восходящая еще к просветителям. Согласно с ней «подлинное», истинное знание противоплагается таким феноменам сознания, которые назывались «идолами» разума», «заблуждениями ума» или просто пережитками сознания, объединяемыми собирательным понятием «предрассудок». Все эти когнитивные конструкции были однородными по ряду негативных признаков, такими как консервативность, невосприимчивость к рациональной критике, но главное — полагались как ложные и вследствие этого становились объектом непреходящей критики. Известная оппозиция мифопоэтического мышления «свет — тьма» приобрела у просветителей «гносеологическое обличье истины и заблуждения, знания и предрассудков» [6. С. 6].

Сравнивая методологические установки относительно понятия достоверности Декарта и Витгенштейна, можно увидеть, как это делает, например, Л.А. Микешина [9. С. 22—23], что жесткая позиция противопоставления знания и предрассудков стала претерпевать изменения в сторону их сближения через сближение знания и сомнения, различая при этом разведение знания и догматической уверенности. Но если картезианский принцип *cogito ergo sum* не позволяет признавать предрассудки, под которыми здесь понимаются эмпирические положения, принятые на веру, в качестве оснований достоверного мнения, то для Витгенштейна сами эмпирические пропозиции, принятые исходно на веру как несомненные, рассматриваются необходимым основанием и предпосылкой всякого понимания и суждения.

В современных дискуссиях по проблеме знания наметившаяся тенденция не изменилась, но по-прежнему сохранила недостаточную определенность в различении собственно знания и предрассудка.

Надо отметить, что сама категория знания всегда была предметом неопределенности в философии. Можно лишь выделять так называемую «традиционную» методологическую установку в понимание знания, которая сохраняет свою значимость при определении отличительных особенностей знания, но все же претерпевает существенные корректировки и принимается при соблюдении определенных условий, определяемых, в свою очередь, в рамках рационально разработанных концептуальных схем и философских направлений.

Одной из таких концептуальных схем, непосредственно разрабатывающих категорию знания, является построение когнитивной модели на основе понятия «эпистемического состояния» познающего субъекта. В современной эпистемологии такая концепция была теоретически разработана Питером Герденфорсом в книге «Знание в движении» [20].

Согласно этой модели эпистемическое состояние субъекта есть не что иное, как множество его убеждений в широком смысле, а именно множество всех тех высказываний, относительно которых субъект верит, что они являются истинными. Рассматривая данную концепцию в сравнительном анализе с традиционной интерпретацией категории знания через понятия мнения и убеждения, современные ее критики справедливо отметили, что такой подход вовсе не означал элиминацию понятия знания. Можно согласиться, на наш взгляд, с мнением Я.В. Шрамко по этому поводу, что здесь «речь идет о переходе к более общему понятию, объединяющему старые категории знания и мнения, — понятию эпистемического состояния субъекта» [1. С. 382].

С момента становления теоретического научного и философского знания разные мыслители пытались раскрыть трудности взаимопонимания, пытаясь понять истоки склонности людей следовать ложным схемам.

Гносеологически ориентированные концепции видели в этом одну из важнейших познавательных проблем. Одни полагали опыт в качестве исходной предпосылки для ликвидации всяческих иллюзорных форм, «идолов» сознания, искажающих познавательный процесс. Другие рассматривали преодоление иллюзий и заблуждений как процесс очищения аутентичного истинного знания от «завалов» искажающего чувственного восприятия.

Просвещенческая борьба с предрассудками фактически поставила на место «вытесненных», «изжитых» предрассудков новые постулаты, догмы, парадигмы, установки, которые сегодня в современной философии науки, например, называются не иначе как «классические предрассудки», такие, например, как «наивный реализм», «фундаментализм», «кумулятивизм» и другие ментальные установки сознания, рассматриваемые как элементы традиционного наследия периода становления науки Нового времени [7. С. 30—33].

Одной из причин, по которой предрассудок ассоциируется с заблуждением, является то, что произвольно смешиваются недостаточность (или полное отсутствие) оснований и признания ложности чего-либо. Соответственно, подлинно истинным признается то, что с необходимостью следует из не вызывающих сомнения оснований. Если предрассудок понимать здесь как мнение, выносимое до получения достоверной информации, служащей, как раз достаточным основанием, то становится ясным функциональная близость к заблуждению.

Анализируя процесс исторического становления современной западной эпистемологии, П. Фейерабенд особенно выделяет роль естественных интерпретаций, особых умственных операций, всегда сопровождающих работу органов чувств в познавательном процессе.

Следует обратить внимание, что понятие естественной интерпретации не означает только чувственную оценку или только чисто когнитивную. Это именно сплав чувств и разума. По своим характеристикам эти естественные интерпретации вполне сопоставимы с теми чертами, которые были уже выявлены и приняты как существенные для определения предрассудка.

По мнению П. Фейерабенда, «в истории мышления естественные интерпретации рассматривались либо как *априорные предпосылки* науки, либо как *пре-*

дубеждения (курсив П.Ф.), которые должны быть устранены, прежде чем может начаться серьезный анализ. Первая установка сформулирована Кантом, и до сих пор ее придерживаются некоторые современные представители лингвистической философии, хотя, конечно, в иных формах и при иных способностях. Вторая позиция восходит к Бэкону (у которого, однако, были такие предшественники, как древнегреческие скептики)» [14. С. 78—79].

Кроме того, современные психологические исследования вообще не считают возможным осуществление нормального процесса восприятия без непосредственного сопровождения определенной мыслительной деятельностью. Вот почему, на наш взгляд, П. Фейерабенд, давая оценку роли естественных интерпретаций не только в науке, но в человеческом познании в целом, так уверен в своем мнении: «Устраните все естественные интерпретации — и вы устраните способность мыслить и воспринимать... человек, который остается с одними чувственными восприятиями, не имея в своем распоряжении ни одной естественной интерпретации, будет *полностью дезориентирован* и не сможет даже *начать* построение науки... Отсюда следует, что намерение начать с нуля после полного устранения всех естественных интерпретаций является саморазрушительным» [14. С. 82].

Но такой смысл, вкладываемый в понятие естественной интерпретации, явно носит характер противопоставления чувственного и рационального в познании там, где возможно их представить взятыми в «чистом» виде. Такая ситуация возможна хотя бы при решении собственно методологических проблем познания при отвлечении от всего того, что подразумевает реальную взаимообусловленность чувственно-эмоционального и рационально-рассудочного.

Сама по себе эта познавательная-методологическая ситуация достаточно тривиальна. Интересно здесь другое. Представленная оппозиция не совпадает с негласно (имплицитно) принятой в эпистемологической традиции посылкой, согласно которой все, что сознательно (эксплицитно) квалифицируется как предрассудок, подлежит устранению из процесса становления подлинно научного знания. Ведь с предрассудком ассоциируется не рассудочное, а предрассудочное, далее, не рациональное, а чувственно-иррациональное содержание знания.

Каковы же логические следствия из описанной несогласованности? Формой выражения предрассудка могут выступать не только компоненты познавательного процесса, которые преимущественно определяются их аффективно-иррациональными сторонами, но и те из них, которые являются неосознаваемыми и при этом рационально-упорядоченными. Если принять во внимание вновь возникшие нюансы в связи с такой интерпретацией самой природы предрассудка, или, так сказать, его неожиданно высветившееся грани, то становится и понятной особая оценка Фейерабендом «тех редких мыслителей, которые не хотели ни вечного *сохранения* естественных интерпретаций, ни полного *устранения* их» [14. С. 79].

Общие оценки такого рода совершенно чужды, например, творчеству Галилея, его способу мышления. Так, он (Галилей) не раз высказывает мысль о том, что для истинного понимания природы необходима помощь разума в чувственном восприятии, точнее, нужно «чувство... сопровождаемое рассуждением» [4. С. 353].

Формой знания, на наш взгляд, наиболее адекватной, согласующейся с семантическим содержанием слова «предрассудок», является хорошо известное в современной эпистемологии понятие предпосылочного знания. В самом широком значении слова предпосылками считаются различные основания и стимулы, побуждающие людей к осуществлению некоторых действий, в том числе и уже имеющуюся систему знаний о мире. Предпосылочные знания относятся к такому типу предпосылок, которые связаны с осуществлением интеллектуально-познавательной деятельности сознания, обязательно включающей в себя не только осознанную рассудочную деятельность (посылки), но и то, что ее непосредственно предваряет, то есть *пред-рассудок*. В этой связи предрассудок выражает ту часть рассудочной деятельности, которая в момент вынесения явного мнения перешла в периферическую, скрытую форму и непосредственно не осознается, как это показано М. Полани в концепции неявного (личностного) знания.

Случаи проявления такого знания можно «просто» назвать также и проявлением «истинного» предрассудка, а те ситуации высказывания какого-либо мнения (эпистемического состояния сознания), которые показали свою ложность и необоснованность, можно было бы назвать «ложным» предрассудком. Но современная эпистемологическая ситуация, связанная с анализом категории знания, такова, что понятие знания в так называемом «традиционном определении знания» не является бесспорной даже в рамках аналитической философии. Об этом свидетельствует до сих пор остающееся актуальным обсуждение известной *проблемы Гетье* [1. С. 359—363]. Здесь важно отметить, что условие истинности и достаточной обоснованности как критерий отнесения к знанию большинством исследователей признается необходимым, хотя и недостаточным для безусловного и строго отнесения определенного эпистемического состояния к категории знания.

Все мы привыкли к словосочетанию «ложные предрассудки», хотя если исходить из понимания предрассудков как особого рода заблуждений, то оно представляет собой явную тавтологию.

Проблема здесь нам видится в том, что, во-первых, предрассудки несут в себе не только ложное, но и истинное мнение; во-вторых, истинное и ложное сочетается в одном и том же ментальном состоянии сознания; в-третьих, говоря об «истинных предрассудках», часто имеют в виду способность конкретного предрассудка выражать позитивную («истинную») значимость, полезность (2), то есть ценность.

Здесь следует учесть, что даже «внутри рациональной компоненты знания содержится ценностная компонента — сама процедура *оценки* знания» [12. С. 21]. При этом сама конкретная практика использования слова «предрассудок» чаще всего сопровождается «моментом предрассудочности», направленным к нему же, но в скрытой (неосознаваемой) форме. Другими словами, заметив чье-либо заблуждение, мы охотно пользуемся для усиления своей позиции словом «предрассудок», но наши собственные заблуждения мы замечаем гораздо меньше и гораздо реже, но даже если это происходит, то предрассудком мы их назовем еще реже: «Чтобы вычленив предрассудок в качестве такового, требуется, очевидным образом, приостановить его воздействие. До тех пор, пока предрассудок (предсуждение) оказывает на нас определяющее воздействие, мы не знаем и не думаем о нем как о суждении» [3. С. 354].

Х.-Г. Гадамер, пытаясь претворить в жизнь свою программу по «реабилитации предрассудков», постоянно обращается к проблеме предубеждения относительно предрассудков вообще. В этой связи и ставится один из важнейших критических вопросов герменевтики: «как отделить *истинные* предрассудки, благодаря которым мы *понимаем*, от *ложных*, в силу которых мы понимаем *превратно*». [3. С. 353].

Под истинными предрассудками мы будем понимать такие их формы, которые по объективному своему содержанию несут в себе истинное и обоснованное мнение, причем 1) вне зависимости от того, считает ли тот, кто *называет* это мнение, предрассудком (можно называть свое мнение истинным, но при этом не считать его предрассудком), 2) вне зависимости от того, считает ли кто-либо предрассудок заблуждением (можно называть чье-либо мнение заблуждением, но при этом отождествлять его с предрассудком).

Среди перечисленных выше «классических предрассудков» особое место занимает так называемый «наивный реализм», поскольку он стал объектом пристального внимания многих известных исследователей истории и философии науки, а также представителей такого направления, как эволюционная эпистемология, которая достаточно активно использует экспериментальные данные эволюционной когнитивной психологии и нейрофизиологии.

Так, например, Б. Рассел, исходя из тезиса о том, что «все, что (как мы думаем) мы знаем о физическом мире, целиком зависит от допущения, что причинные законы существуют», призывает исследовать «нашу веру в причинение» и связывает ее с предрассудком наивного реализма [13. С. 333]. При характеристике в рамках современной ему (Расселу) физики четырехмерное многообразие пространства-времени отмечается, что это «многообразие является усовершенствованием старого многообразия „вещей“, упорядоченного в различные пространственные структуры, изменяющиеся во времени; а это в свою очередь было усовершенствованием того многообразия, которое получалось в результате предположения точного соответствия между восприятием и „вещами“».

Согласно такой интерпретации физической теории имеются определенные элементы, которые переносятся без изменений из мира чувств в мир физики. В качестве таких элементов называется отношение сосуществования, отношение более раннего и более позднего и др., что и характеризует «остаток наивного реализма, который все еще живет в физике» [13. С. 356]. В итоге Б. Рассел, хотя и не без сожаления (3), приходит к выводу о том, что наивный реализм «продолжает жить, прежде всего, потому, что нет никакого положительного аргумента против него, потому, что связанная с ним физика соответствует известным фактам, и потому, что предрассудок заставляет нас склоняться к наивному реализму всегда, когда его нельзя опровергнуть» [13. С. 356].

Возможно, выводы и оценки, сделанные Б. Расселом, были бы иными или, по крайней мере, более оптимистичными, если бы были приняты во внимание результаты экспериментов, проводимых в рамках различных программ, объединяемых общим названием «когнитивных наук», особенно эволюционной когнитивной психологии, нейробиологии, различных концепций современной теории информации и др.

Некоторые конкретные примеры-иллюстрации из этой области, на наш взгляд, наиболее тесно связаны с проблемой предрассудков и в то же время имеют непосредственное отношение к вышерассмотренным взглядам Б. Рассела, особенно к таким из них, в которых перцептуальное пространство представляется «конструкцией обыденного здравого смысла», куда включаются «зрительные пространственные отношения: наверху-внизу, направо-налево, глубина на определенное расстояние (за пределами которого различия в глубине не воспринимаются)» [13. С. 342].

Ниже приведенные примеры демонстрируют хорошо известные психологам так называемые «иллюзии восприятия» (5):

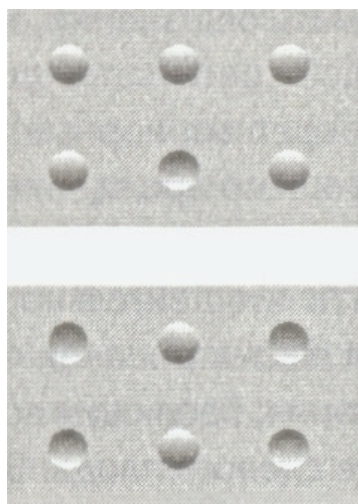

Рис. 1

Рис. 2

На рис. 1 видно: сверху — половинка костяшки домино с пятью вогнутыми пятнышками и одним выпуклым. Внизу — половинка с двумя вогнутыми и четырьмя выпуклыми пятнышками. На самом деле, мы имеем дело с изображением на плоском листе бумаги. Пятнышки выглядят вогнутыми или выпуклыми из-за характера их затенения. Мы ожидаем, что свет падает сверху, поэтому у выпуклого пятнышка должен быть затенен нижний край, а у вогнутого — верхний. Если перевернуть лист, то вогнутые пятнышки станут выпуклыми, а выпуклые — вогнутыми.

Да, действительно, перед нами то, что психологи называют «иллюзией восприятия», но все же мы склонны назвать иллюзией не само восприятие, а скорее

иллюзорен сам предмет, который является источником восприятия. Перед нами не сам предмет, а его изображение на плоскости. Здесь сразу же возникает ассоциация со знаменитым примером «ста талеров» Канта.

Рис. 2, хотя несколько более сложен для восприятия, но, на наш взгляд, не менее показателен. Здесь изображены фотографии вращающейся маски Чарли Чаплина (последовательность справа налево и сверху вниз). Лицо внизу справа вогнутое, потому что зафиксирован взгляд изнутри на маску, но воспринимается это как взгляд снаружи и выглядит как выпуклое, с выступающим носом и ушами.

В данном случае предпосылочное знание того, что лица при изображении «должны быть» выпуклы, берет вверх над тем, что мы знаем о свете и тени. И здесь наше восприятие ведет себя «правильно», ведь в момент восприятия «выпуклое» и «вогнутое» относится не к изображению, а мысленно переносится к действительно выпуклому и вогнутому, относится к реальному предмету. Ведь только по изображению на плоскости действительно нельзя определить, внутренняя или вогнутая сторона маски сфотографирована. Поэтому, если нас заранее не предупредили, что мы имеем дело с мистификацией фотографа, рационально придерживаться сложившегося предпосылочного знания, которое может быть названо предрассудком теми, кто считает предрассудок «привычным, но ложным мнением».

Действительно, в данном случае мнение о том, что перед нами выпуклое (на нижнем снимке рис. 2) изображение, оказалось на самом деле вогнутым. Но, на наш взгляд, в тех тысячах случаях, когда мнение о том, что при изображении на плоскости выпуклых предметов они и должны нами восприниматься как выпуклые, оказывается адекватным действительности — такое мнение тоже может быть отнесено к предрассудкам, но только к истинным предрассудкам. Просто те предрассудки, которые поворачиваются к нам своей истинной стороной, оправдывают наши ожидания, такое мнение мы не привыкли называть предрассудками (благодаря нашему предубеждению против предрассудков вообще).

Если сравнительно недавно (вторая половина XX в.) само понятие предрассудка в основном связывалось с психологическими исследованиями, то на сегодняшний день сфера распространения научного интереса к этому явлению заметно расширилась. Для эпистемологии конца XX в. «все большее значение стали приобретать достижения эволюционной биологии, генетики человека и когнитивной науки, получившие широкое применение в информационных и биотехнологиях» [8. С. 6]. Так, по мнению канадских биологов К. Эббота и Т. Шеррата, предрассудки (4) — это следствия наличия у людей и животных адаптивного механизма обучения, который помогает избежать двух видов ошибок: отказа от эксплуатации существующей причинно-следственной связи и попытки эксплуатации несуществующей причинно-следственной связи. В этой связи было проведено исследование механизмов возникновения, сохранения и исчезновения предрассудков у животных и людей. Субъект распределяет свои усилия между эксплуатацией «проверенных схем» и исследованием новых [17. Р. 85—92]. В рамках эволюционно-информационной эпистемологии эти факты могут быть объяснены как результат продолжения естественного отбора, который «оказы-

вается направленным на формирование и эволюционное развитие у организмов все более высокоорганизованных когнитивных систем» [8. С. 22].

Из истории науки известно, что И. Ньютон представлял бесконечность пространства и вечность времени как неизбежные следствия применения закона тяготения ко всей Вселенной.

Ньютон признавался, что причину многих свойств силы тяготения он не мог вывести из явлений, утверждая при этом свое знаменитое «гипотез же я не измышляю» [11. С. 662]. В поддержку использовался следующий аргумент: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа» [11. С. 659]. Но современная наука давно признала уже недостаточность такого «обоснования» абсолютности пространства—времени. Ведь согласно аргументации Ньютона планеты не падают к Солнцу благодаря вращательному движению, преданному всей Солнечной системе божественным вмешательством (в начале творения), а галактики не сливаются в результате взаимного притяжения только потому, что Вселенная представляет собой систему без пределов и границ, а иначе Вселенная со временем рухнет сама на себя под действием силы тяжести. Таким образом, здесь фактически мы имеем дело с явно *проблематичным* (с точки зрения строго научного мышления) метафизическим положением.

На самом деле тезис об абсолютности пространства-времени не только на сегодняшний день не является доказанным экспериментально, но этого нельзя сделать и теоретически, поскольку нельзя измерить какой-либо аппаратурой абсолютную и бесконечную величину.

Но рассматриваемый тезис Ньютона может сохранять свою силу, если он только будет приниматься как *непроблематичное* неосознаваемое знание, для успешного принятия которого ценностный аргумент (например, ссылка на авторитет Ньютона) будет доминировать над когнитивным (рационально-дискурсивным) основанием. Это и есть не что иное, как предрассудок. Для тех, кому приемлемо выражение «истинная ценность» и при этом признается истинность ценности, заложенной в данной ценностно-когнитивной конструкции, ничто не мешает назвать ее истинным предрассудком.

В заключение попытаемся рассмотреть похожую (по нашему мнению) ситуацию с позиций философско-онтологического анализа, как это делает, например, Н. Гартман, исследуя некоторые идеи И. Канта. В этой связи специально вводится термин *коррелятивистский предрассудок*.

Речь идет о так называемом коррелятивистском аргументе, суть которого в том, что весь процесс познания неразрывно соотнесен (коррелятивен) с субъект-объектными отношениями таким образом, что сам предмет познания «невозможно отделить от сознания, он вообще есть лишь предмет «для» сознания», поскольку нет объекта познания без субъекта познания [5. С. 102].

Но не смотря на то, что сам Н. Гартман называет коррелятивистский аргумент ложным [5. С. 104], в то же время делает он это не безусловно, а утверждая, что «в базовом феномене познавательного отношения соотнесенность субъекта

и предмета все-таки остается... Фальш этого предрассудка можно вскрыть, лишь признав для начала вполне и всецело его феноменальный базис», признавая верным при этом то, что «в области познания всякая данность сущего имеет форму предметности» [5. С. 221—222].

Таким образом, «вскрывая» ложность предрассудка, одновременно вскрывается, акцентируется и его истинная часть. Коррелятивистский предрассудок — это пример именно *истинного предрассудка*: он несет в себе истинное и обоснованное мнение. Другое дело, что при этом он может так же и быть, одновременно, и ложным предрассудком, но в другом отношении, в том отношении, на котором и акцентирует свое внимание Н. Гартман. Наша позиция здесь предельно проста: нельзя редуцировать понятие предрассудка только к его ложной части. То же самое мнение, даже хорошо обоснованное как ложное в определенном контексте, не устраняет его истинности в другом контексте.

В этой связи хотелось бы отметить двойственную роль, которую играют предрассудки в познании. С одной стороны, всем хорошо известны такие качества предрассудков как, консервативность, сопротивляемость новому, неявленность, сокрытость, которые часто понимаются негативно. Но те же самые качества объективно выступают как позитивно значимые, если провозглашаемое новое в действительности оказывается ложным или вредным (6). Таким образом, при определенных условиях установка на преодоление предрассудков фактически может обернуться установкой на замену проверенной истины «прогрессивным» заблуждением, хотя внешне это может восприниматься с точностью до наоборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Признавая за предрассудком в конечном счете статус знания, в то же время мы и отчетливо осознаем, что предрассудок есть не только знание. Скорее можно сказать, что предрассудок *несет* в себе знание. Знание, прежде всего, выражает объектную направленность сознания, в отличие от субъектно-направленной ценности.
- (2) Например, Э. Бёрк утверждал, что «вместо отбрасывания всех наших старых предрассудков, мы очень дорожим ими и, что усугубляет наш стыд, мы дорожим ими потому, что они предрассудки... Предрассудок превращает достоинство человека в его привычку, а не в ряд несвязанных поступков. Именно через предрассудок долг человека становится частью его натуры» [18. Р. 76—77]. Ясно, что в таком контексте предрассудок не будет ассоциироваться с «ложным мнением». Но даже в тех случаях, где это происходит, то иногда при этом отмечается и «полезность», как это делает Ф.Д.С. Честерфилд: «Глупое и самоуверенное убеждение, прочно у нас укоренившееся, что один англичанин справится с тремя французами, воодушевляет его справиться, по крайней мере, с двумя» [16. С. 151].
- (3) В книге «Человеческое познание» Б. Рассел отмечает: «Без сомнения, физика хотела бы забыть свою раннюю историю... Но, к несчастью, ее право на наше уважение в значительной мере опорочивается ее прежней связью с наивным реализмом; даже в ее наиболее утонченной форме она все еще является тем произведением, основное содержание которого дает наивный реализм» [13. С. 342].
- (4) В англоязычной литературе для обозначения слова, переводимого на русский язык как «предрассудок», используются термины «superstition» и «prejudice» как взаимозаменя-

емые. В статье К. Эббота и Т. Шеррата слово *superstition* при переводе означает также и «суеверие»: «While superstitions appear maladaptive, they may be the inevitable result of an adaptive causal learning mechanism that simultaneously reduces the risk of two types of errors» [17. P. 85].

- [5] Источник фотоиллюстраций: [15. С. 201], со ссылкой на [19].
- [6] Эта ситуация характерна для такой своеобразной формы духовной деятельности, как квазинаука, которая «сознательно или бессознательно отвергает нормы, стандарты, критерии и ценности научной деятельности, пытается отрицать проверенные практикой законы природы» [10. С. 8].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аналитическая философия / Под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [2] Габдуллин И.Р. Метафизические основания в понимании предрассудка как формы когнитивно-ценностного взаимодействия в структуре сознания // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 7. — С. 167—174; Его же. Предрассудок как закономерный момент функционирования сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — 2012. — № 2. — С. 33—38.
- [3] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.
- [4] Галилей Г. Избранные труды в двух томах. — Т. 1. — М.: Наука, 1964.
- [5] Гартман Н. К основоположению онтологии. — СПб.: Наука, 2003.
- [6] Гусакова Т.Ф. Предрассудок как предмет философского исследования: Дисс. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 1994.
- [7] Ивин А.А. Классический стиль мышления Нового времени // Философский журнал. — 2011. — № 2. — С. 24—39.
- [8] Меркулов И.П. Когнитивные способности. — М.: ИФ РАН, 2005.
- [9] Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- [10] Наука и квазинаука / Под ред. В.М. Найдыша. — М.: Альфа-М, 2008.
- [11] Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Репринт. воспроизв. изд. 1936 г. — М.: Наука, 1989.
- [12] Павленко А.Н. Коммуникация — условие передачи знания и реализация Vim-технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». — 2012. — № 2. — С. 15—22.
- [13] Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. — Изд-во Ника-Центр, 1997.
- [14] Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
- [15] Фритт К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. — М.: Астрель: CORPUS, 2010.
- [16] Честерфилд Ф.Д.С. Письма к сыну // Если хочешь быть свободным. — М., 1992.
- [17] Abbott K.R., Sherratt Th.N. The evolution of superstition through optimal use of in complete information // *Animal Behavior*. — 2011. — Vol. 82, Issue 1, July. — P. 85—92.
- [18] Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind.: 1987.
- [19] Gregory R. Eye and brain: The psychology of seeing (5th Ed.). — Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [20] Gärdenfors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States. — The MIT Press, Cambridge — London, 1988.

KNOWLEDGE AND PREJUDICE

I.R. Gabdullin

Chair of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Subject to review in this article are the epistemological comparison parameters concepts of knowledge, truth, misconception and prejudice. The study identifies some logical consequences of this comparison. Based on the study of epistemological dimension of prejudice to establish a certain theoretical conclusions, allowing to rethink the nature and a role of prejudice as a special kind of epistemic states of consciousness.

Key words: knowledge, truth, misconception, prejudice, epistemic states of consciousness, illusions of perception, naive realism.

REFERENCE

- [1] *Analiticheskaja filosofija* / Pod red. M.V. Lebedeva, A.Z. Chernjaka. — M.: Izd-vo RUDN, 2006.
- [2] *Gabdullin I.R. Metafizicheskie osnovanija v ponimanii predrassudka kak formy kognitivno-cennostnogo vzaimodejstvija v strukture soznaniya* // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2011. — № 7. — S. 167—174; *Ego zhe. Predrassudok kak zakonomernyj moment funkcionirovanija soznaniya* // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija»*. — 2012. — № 2. — S. 33—38.
- [3] *Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki*. — M.: Progress, 1988.
- [4] *Galilej G. Izbrannye trudy v dveh tomah. T. 1*. — M.: Nauka, 1964.
- [5] *Gartman N. K osnovopolozheniju ontologii*. — SPb.: Nauka, 2003.
- [6] *Gusakova T.F. Predrassudok kak predmet filosofskogo issledovanija: Diss. ... kand. filosofskih nauk*. — Ekaterinburg, 1994.
- [7] *Ivin A.A. Klassicheskij stil' myshlenija Novogo vremeni* // *Filosofskij zhurnal*. — 2011. — № 2. — S. 24—39.
- [8] *Merkulov I.P. Kognitivnye sposobnosti*. — M.: IF RAN, 2005.
- [9] *Mikeshina L.A. Jepistemologija cennostej*. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2007.
- [10] *Nauka i kvazinauka* / Pod red. V.M. Najdysha. — M.: Al'fa-M, 2008.
- [11] *N'juton I. Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* / Reprint. vosproizv. izd. 1936 g. — M.: Nauka, 1989.
- [12] *Pavlenko A.N. Kommunikacija — uslovie peredachi znaniya i realizacija Vim-tehnologij* // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija»*. — 2012. — № 2. — S. 15—22.
- [13] *Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy. Per. s angl.* — Izd-vo Nika-Centr, 1997.
- [14] *Fejerabend P. Protiv metodologicheskogo prinuzhdenija. Oчерk anarhistskoj teorii poznaniya*. — Blagoveshensk: BGK im. I.A. Bodujena de Kurtenje, 1998.
- [15] *Frit K. Mozg i dusha: Kak nervnaja dejatel'nost' formiruet nash vnutrennij mir*. — M.: Astrel': CORPUS, 2010.
- [16] *Chesterfild F.D.S. Pis'ma k synu* // *Esli hochesh' byt' svobodnym*. — M., 1992.
- [17] *Abbott K.R., Sherratt Th.N. The evolution of superstition through optimal use of in complete information* // *Animal Behavior*. — 2011. — Vol. 82, Issue 1, July. — P. 85—92.
- [18] *Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790*. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind.: 1987.
- [19] *Gregory R. Eye and brain: The psychology of seeing (5th Ed.)*. — Oxford: Oxford University Press, 1997.
- [20] *Gärdenfors P. Knowledge in Flux. Modeling the Dynamics of Epistemic States*. — The MIT Press, Cambridge — London, 1988.

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕДИЦИНЫ

ИСТОРИЧЕСКИ РАННИЕ ФОРМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

В.Г. Безрогов

Институт теории и истории педагогики
ул. Павла Корчагина, 7, стр. 1, Москва, Россия, 129626

Т.Н. Матулис

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается взаимодействие учителя и ученика как базовая педагогическая парадигма, сложившаяся еще в дошкольный период и продолжающая существовать вплоть до нашего времени внутри и параллельно школе как учреждению. Авторы анализируют особенности ученичества в контексте различных педагогических культур, показывают сложности познания данного феномена.

Ключевые слова: учитель, учительство, ученик, ученичество, педагогический процесс, неформальное обучение, индивидуальное обучение.

Начиная с самых ранних этапов истории педагогики и образования в целом индивидуальное обучение складывается раньше, нежели появляются институционализированные образовательные учреждения — школы. Индивидуальное обучение выступает в виде двух взаимосвязанных форм: учительства и ученичества.

Эти формы первыми вычлняются из семейного и группового обучения ранних архаических человеческих обществ, намного раньше, нежели первая школа как образовательное учреждение. Они заложены в основу многих древних философских систем. Мышление конфуцианского, буддистского, античного философа, талмудиста, улема, отца церкви, теолога, схоласта и многих других опирается во многом на учительско-ученическое взаимодействие как основание существования их философского дискурса. Направленность, особенности и правила такого взаимодействия могут быть различны, но налицо учительско-ученический интер-

* Работа поддержана грантом РГНФ 11-06-00277а.

субъектный характер рождения и передачи знания и мудрости, не требующий обязательной школы. Уже при зарождении и на ранних этапах эволюции религиозно-философской мысли ученичество стало ее питательной средой, условием существования и способом трансляции. Религия и философия утвердили фигуру Учителя как мудреца, хранителя и объяснителя истины; как краеугольного камня для существования человечества и его духовной культуры.

Учительство и ученичество, лежащие в основе любой педагогической системы, — две стороны одного процесса передачи социокультурного наследия. Каждая одновременно монологична и диалогична. Более того, обе стороны одновременно стремятся к сотрудничеству и — соперничают друг с другом. Соперничество ведет к попытке решения своих целей через и посредством другого, сотрудничество — к достижению общих целей посредством вкладывания в работу себя.

Важной частью общей готовности к учительству и ученичеству в истории педагогических культур является идентификация действующих лиц как учителя и ученика. В традиционных обществах постижение определенного уровня традиции/профессии позволяет считать того или иного индивида наставником молодежи; его учительство обычно совпадает с его обычными занятиями. Переход ребенка в состояние ученика сопровождается сложными обрядами. Именно с них начинается путь, который приводит к преобразованию ученика в того, кто сам может обучать. На этом пути один обеспечивает доступ, готовит посвящение в мифы, знания, опыт группы. Другой проходит испытания, посвящающие его в ученики, а затем и в полноправные члены какой-то группы, его настраивают на почитание учителя и того, что тот сообщает. Учитель и ученик обретают самоидентичность друг в друге.

Отношения учителя и ученика образуют свой набор текстуальных свидетельств, только частично совпадающий с комплексами источников по истории домашнего обучения и по истории школы. Это специфические «тексты учительские», «тексты ученические» и тексты их общения друг с другом. В последнюю группу входят и нормативные акты и правила поведения. Примером таких правил может выступать «Манавадхармашастра», древнеиндийский памятник [5. С. 166—171]. В нем наглядно продемонстрировано текстообразование, связанное с интересубъектностью ранних видов обучения: бытие (бытийность) учителя и небытие (не-, переходящее в событийность) ученика.

В разных культурах и эпохах формируются различные механизмы создания потребности ученика в учителе. В парадигму учительства заложено решение проблемы достижения необходимого впечатления, производимого учителем на обучающегося у него.

Для возникновения имиджа учителя необходим хотя бы один ученик. Отдельным вопросом выступает образ того содержания, которое планируется быть переданным, релевантность этого образа той среде, из которой выходит ученик. Предполагается, что с помощью наставника ученик находит себя — в копировании учителя, в овладении самостоятельным поведением в профессии, в инкультурации, в приобретении чувства идентичности или принадлежности какой-либо

группе людей и т.п. Поэтому расставание с учителем — при всей его минорности — пожалуй, самое оптимистичное из всех возможных в человеческой жизни расставаний: оно имеет заложенную в ученика перспективу.

Образ учителя, предъявляемый ученику, содержит в себе экзemplификацию, демонстрирующую его духовное превосходство. Такая экзemplификация направлена на выработку у обучающегося стремления оказаться достойным учителя через подражание. Стремлением ученика подражать себе наставник достигает власти над ним без применения строгих дисциплинарных мер (1). Предельный вариант — когда учитель убеждает ученика в том, что тот учится сам, что учитель играет лишь вспомогательную роль.

В традиционном обществе ведущая роль в образовании признается не за учреждением, а за учителем. Именно он наставляет, внушает, убеждает, показывает, разъясняет, передает, учит-проверяет, влияет, и, в конце концов, порождает ученика как такового и переводит его в следующий социальный статус. Он сам, а также социум и семья должны обеспечивать ему содействие со стороны учеников. Для традиционного общества обучающийся — не школьник (даже при наличии в обществе школ), но — ученик, последователь или подмастерье. Несмотря на возможный ограничивающий подход к обучению ученика тому или другому умению и знанию, учительство предполагает наличие целостного отношения к ученику со стороны мастера.

Поступки любого ученика — это незаконченные акты поведения, как по отношению к прошлому — неполное повторение данного мастером образца, так и по отношению к будущему — частичное исполнение конечного, требуемого от еще не закончившего обучение воспитанника. «Незаконченность» ученика по отношению к учителю позволяла проводить аналогии с отцовско-сыновними отношениями.

Подобная аналогия перешла из архаического общества в эпоху древних цивилизаций и была осмыслена как «второе рождение» человека его учителем, причем иногда даже утверждался приоритет этих отношений над отношениями между физическим родителем и его отпрыском. Зависимость ученика от учителя могла позиционироваться на протяжении всей жизни обоих. Подобно родовым генеалогиям существовали списки мастеров, обеспечивавших преемственность того или иного знания, навыка, умения, религиозной веры и т.п.

Обучение у наставника может быть общемировоззренческим и профессиональным. Учителю, обучающему своей профессии, требуется совместить свой жизненный мир с жизненным миром ученика при соблюдении внешних условий интересубъектного обучения. Учитель, который обучает чему-то иному, нежели тому, в чем он является мастером, должен сначала совместить образ изучаемого со своим жизненным миром, а уже затем взаимодействовать с учеником. Учитель, который лишь поверхностно совмещает образ изучаемого со своим жизненным миром, является преподавателем. Преподавание одним человеком многих наук не означает, однако, что он обязательно является лишь преподавателем, поскольку он мог их глубоко осмыслить в отношении своего жизненного мира.

Задачей учителя и ученика в любом случае является создание общего интерессубъектного пространства передачи и обучения смыслам, в которое они оба входят, но которое ими не исчерпывается. Такая передача образует след общей деятельности, память совмещенных полей неравного взаимодействия дуальной психологической системы. Подобного рода памятование образует феномен преемственности и/или профессиональной традиции.

Насколько учительство есть трансляция личности преподавателя, а насколько внеличностного содержания — традиции, официального стандарта образования и т.д.?

Интрасубъектный уровень учителя — это его внутренние процессы и состояния, включенные во взаимодействие с учеником (мотивы, цели, планы, передаваемое содержание обучения, особенности перцепции, эмоции, имидж ученика, и мн. др.) (2).

Интрасубъектный уровень ученика строится аналогичным образом. Интерессубъектное обучение требует наличия соответствующих уровней-состояний у обеих сторон. Взаимоотношения учителя и ученика, дистанция и уровень доверия между ними зависят от интрасубъектного состояния каждого. В развитии мировой культуры данные феномены должны были отрабатываться человеческими обществами до введения в них массовой школы. Каждому обществу в процессе его исторического развития требовалось «научиться учиться» через ученичество, через приобретение, накопление и кумулятивную передачу опыта индивидуально-личностного обучения канонической традиции.

Осваивая ученичество, каждое общество в свой черед переходит к школе и к стандартизации образования — даже при условии отсутствия внешних влияний, которые могут ускорять процесс. Принцип «Делай, как я», необходимый в профессиональной подготовке, ограничивается в школе принципом «Делай, как все» и потому обуславливает необходимое, но лишь частичное участие школы в профессиональной подготовке человека.

Связь между учителем и учеником представляет собой пример возможности т.н. «разорванной коммуникации» (3), когда в той или иной степени рассогласованы на разных уровнях посыл обучать и посыл учиться: обучать ради одного — учиться ради другого, научить одному — научиться другому, передать одно — узнать, запомнить другое, развить одно — дать развиваться другому и т.д. Рассогласование может быть связано с доминантой учителя в общении (воздействующая коммуникация), но может быть с ней и не связано. Рассогласование целей и ожиданий приводит к наличию в пространстве внеинституционального интерессубъектного общения особенно многочисленных разного рода явлений, процессов, состояний (нередко фантомных) кроме учительства и ученичества. Общение в образовании потому не равно простой сумме феноменов и процедур учительства и ученичества. Не только учебное учреждение, не только законодательство, не только учебная литература, не только школьная, уличная и семейная повседневность добавляют в него свои голоса, но даже отсутствие голоса может в такой среде восприниматься более интенсивно, чем в других.

Можно предполагать, что в условиях обучения (воспитания) состояние разорванной коммуникации, с одной стороны, несколько меньше, нежели в иных коммуникативных отношениях, но с другой, — оно осознается и проживается обеими сторонами более обостренно, что выражается в обоюдных попытках хотя бы внешне продемонстрировать поле единства целей среди непересекающихся полей, показать его реальное либо мнимое расширение.

Успех обучения (учения) и воспитания связывается с расширением пространства единства личностей учителя и ученика. В различных культурах и в различные эпохи такой идеал единства обучающего и учащегося выражался разным способом, но в каждом случае этот образ их возможного единства предстал в культуре одним из самых весомых, поскольку скреплял всю систему передачи социокультурного опыта из поколения в поколение. Нормативный образ учителя полифункционален по отношению к ученику. Его целями являются создание готовности учиться и претерпевать допустимые трудности, создание готовности принять учителя как значимого «Другого» и сообщаемую им информацию, предоставление ученику чувства психологической безопасности и перспективы, придание общению с учителем смыслового статуса на начальном этапе биографии и др. Эффективность взаимодействия ученика и учителя зависит от степени согласованности понимания ими идеалов ученика и учителя.

Идеальный образ ученика и учителя необходим в каждой культуре для трансляции ее опыта из поколения в поколение. Знание об историческом изменении этих образов является структурообразующим для профессионального сознания педагога. Модели ученика и учителя выступают в качестве эталонных целей на определенном историческом этапе. Поддержание либо изменение этих моделей выступает задачей педагогического сознания, опирающегося на педагогическую теорию и философско-педагогическое мировоззрение.

Многие педагогические руководства и другие тексты описывают пути следования учителя и/или ученика к эталону. Движение к эталону может изменять и сам эталон, и его интерпретацию. Отсутствие — за редким исключением — историко-педагогических исследований эволюции образа учителя приводит к тому, что эталон нередко абсолютизируется, картина приобретает вневременной, романтизированной-абстрактный характер, как, например: «В российской традиции выполнение профессионального долга понимается как „честное исполнение своих обязанностей“. По отношению к Учителю это конкретизируется особым образом. Многочисленные исследования показывают, что выполнение служебного долга педагогом неразрывно связано с проявлением им не только профессионализма и компетентности в преподавании учебного предмета, но, прежде всего, с реализацией ряда профессионально важных нравственных качеств. Изучение профессиональной литературы, мемуаров, публицистики показывает, что образ идеального педагога в российской традиции — это высоко духовный, человечный и знающий специалист. Обусловлено это всем опытом развития нашей страны, историей учительства в России» [1. С. 113].

Автор данного текста отвергает реальную историю учительства в России. Для нее важен вневременной инвариант, который прикладывается ко всем эпохам. Конструируется мифологема, на основе которой выводится и с которой

сравнивается современная «опасная тенденция меркантилизации учительства» (4) [1. С. 122]. Подобную логику высказывания можно встретить и в зарубежных публикациях.

Индивидуальное ученичество—учительство происходят в пространстве, мало проницаемом для «объективного измерения». По преимуществу лишь только участники дуального взаимодействия могут оценивать его ход, характер, эффективность, удовлетворительность и т.д. В силу такой особенности исследование индивидуального общения учителя и ученика сопровождается большим количеством методологических, методических, процессуальных, источниковедческих сложностей. Важную роль в таком исследовании играют эго-документы, документы личного характера, выступающие рассказами о персональном опыте обучения [2; 3; 4. С. 35—40; 7]. Личные воспоминания подтверждают смысл, например, таких визуальных символических практик, призванных бороться с индивидуализацией обучения, как школьная форма.

Визуальная среда институционального и неинституционального обучения представляет собой важный источник информации для историка педагогики и образования. История складывания и изменения визуального канона учителя в изобразительном искусстве демонстрирует уровень значимости его внешнего облика как регулятора межпоколенческого социального общения, показывает историю становления социальных форм intersubjectного общения в образовании. «В зависимости от того, в какого рода ритуалах участвует человек, преобразование внешнего облика выполняет либо стратификационную функцию, способствуя поддержанию определенной иерархии статусов и ролей, либо, наоборот, размывает стратификационные, возрастные, профессиональные, половые границы» [6. С. 381].

Используя свой образ, учитель «вчувствуется» в ученика, проецирует себя в него, внутренне имитирует и таким образом понимает, осуществляя взаимопроникновение учащего и обучающегося. «Смыслоразнозначная проблематика — не только особая сфера педагогического общения, но и фактор, повышающий эффективность взаимодействия учителя и ученика... Педагогическое общение, содержанием которого является проблема смысла жизни, затрагивает самую суть человеческой личности; когда отступает повседневная суета, учитель как бы протягивает воспитаннику руку...» [9. С. 350—351].

Ученичество принципиально затрагивает смысложизненный пласт в отличие от школы, которая делает это факультативно и окказионально. Ученичество — самораскрытие личности в обучении наставником. В школе — раскрытие личности как функции. «Базовой парой» педагогического дискурса является, по-видимому, не школа-школяр, а учитель-ученик (5).

В индивидуальном, intersubjectном обучении идет постоянный мониторинг отклика на интеллектуальное и эмоциональное состояние другого — на протяжении всего процесса обучения. Именно в этом отклике содержится, как мы полагаем, ресурс творческой педагогики. Учитель передает себя ученику и открывает в нем Иное. Он ждет, пока оно откроется [8. С. 437], и проникает внутрь, когда оно открывается. Возникает встреча учителя и ученика, единых в своей разности и различных в своем единстве. На этой основе в истории образования были по-

строены все крупные педагогические системы, сказавшие свое веское слово в развитии образования вплоть до сегодняшнего дня.

Вероятно, есть смысл подумать не только об истории педагогической мысли, истории политики в области образования, истории школ и школьного дела, но и об истории индивидуальных, неинституциализированных форм воспитания и обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Пример — чрезвычайно действенный педагогический прием. См.: *Fiore B. The Function of Personal Example in the Socratic and Pastoral Epistles.* — Rome, 1986. Психологический механизм экземплификации упомянут в работе: *Jones E.E. & T.S. Pittman. Toward a general theory of strategic self-presentation* // Suls J., ed. *Psychological perspectives on the self.* Vol. 1. Hillsdale, 1982.
- (2) Ср.: *Творогова Н.Д.* Общение: диагностика и управление. — М., 2002.
- (3) Понятие «разорванной коммуникации» сейчас разрабатывается в новейших исследованиях социологии и социальной психологии журналистики и СМИ в целом, но, как мы полагаем, может быть перенесено и в научно-педагогический дискурс. См.: *Социология журналистики* / Под ред. С.Г. Корконосенко. — М., 2004; *Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Журналистика, реклама и связи с общественностью: новые подходы»* / Под ред. В.В. Тулупова. — Воронеж, 2004.
- (4) Ср.: *Лельчицкий И.Д.* Личностно-профессиональный идеал учителя в отечественной педагогике первой трети XX века. — М., 2003; *Ruane, Christine.* Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1861—1914. — Pittsburgh, 1994; *Ewing, E. Thomas.* The Teachers of Stalinism: Policy, Practice and Power in Soviet Schools of the 1930s. — N.Y., 2002; *Eklof, Ben & Scott Seregny.* Teachers in Russia. State, community and profession // Eklof, Ben; Larry E. Holmes, and Vera Kaplan, eds. *Educational Reform in Post-Soviet Russia. Legacies and prospects.* — L.-N.Y., 2005. — P. 197—220.
- (5) Понятие «базовая пара». См.: *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М., 2004.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бабурова И.* Основные тенденции процесса трансформации ценностей современных педагогов // *Ценности общества и ценности интеллигенции* / Сост. Р.И. Анисимов, А.В. Круковская. — М., 2006.
- [2] *Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.* Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. Учебно-методическое пособие. — М., 2001.
- [3] *Безрогов В.Г.* Воспоминания как источник по истории детства и образования // *Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета Российской академии образования.* — Вып. 2. — М., 2001.
- [4] *Безрогов В.Г.* Эго-документы в исследованиях по истории религиозной социализации // *Актуальные проблемы истории педагогики: от диалогизма историко-педагогического познания к диалогизму современного педагогического процесса.* — Владимир, 2004.
- [5] *Корнетова Е.Г.* Регулирование взаимоотношений учителя и ученика в древнеиндийских Законах Ману // *Вестник Университета РАО.* — 2003. — 1.
- [6] *Лабунская В.А., Наровская Я.Б.* Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // *Общение—2006: На пути в энциклопедическому знанию.* — М., 2006.
- [7] *Хеннингсен Ю.* Автобиография и педагогика. — М., 2000.

- [8] Хёг П. Тишина. — М., 2010.
[9] Чудновский В.Э. Смысложизненные ориентации как фактор педагогического общения // Общение—2006: На пути в энциклопедическому знанию. — М., 2006.

HISTORICALLY EARLY FORMS OF PEDAGOGICAL ACTIVITY: THEORY AND METHODOLOGY OF THE STUDY

V.G. Bezrogov

Institute of Theory and Pedagogics History
Pavel Korchagin str., 7, structure 1, Moscow, Russia, 129626

T.N. Matulis

History of Russia Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article studies the interaction of a teacher and a pupil as the basic pedagogical paradigm worked out during the preschool period and continuing to exist up to our time within and parallel to schooling as institution. Authors analyze features of apprenticeship in a context of various pedagogical cultures, display difficulties of knowledge of this phenomenon.

Key words: teacher, teaching, pupil, apprenticeship, pedagogical process, informal training, individual training.

REFERENCE

- [1] Baburova I. Osnovnye tendencii processa transformacii cennostej sovremennyh pedagogov // Cennosti obshhestva i cennosti intelligencii / Sost. R.I. Anisimov, A.V. Krukovskaja. — М., 2006.
[2] Bezrogov V.G., Kosheleva O.E., Meshherkina E.Ju., Nurkova V.V. Pedagogicheskaja antropologija: fenomen detstva v vospominaniyah. Uchebno-metodicheskoe posobie. — М., 2001.
[3] Bezrogov V.G. Vospominaniya kak istochnik po istorii detstva i obrazovanija // Trudy kafedry pedagogiki, istorii obrazovanija i pedagogicheskoy antropologii Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija. Vyp. 2 / Otv. red. G.B. Kornetov. — М., 2001.
[4] Bezrogov V.G. Jego-dokumenty v issledovanijah po istorii religioznoj socializacii // Aktual'nye problemy istorii pedagogiki: ot dialogizma istoriko-pedagogicheskogo poznaniya k dialogizmu sovremennogo pedagogicheskogo processa. — Vladimir, 2004.
[5] Kornetova E.G. Regulirovanie vzaimootnoshenij uchitelja i učenika v drevneindijskih Zakonah Manu // Vestnik Universiteta RAO. — 2003. — 1.
[6] Labunskaja V.A., Narovskaja Ja.B. Tipy preobrazovanija vneshnego oblika kak otrazhenie napravlenosti preobrazovatel'noj aktivnosti sub#ekta v social'nom obshhenii // Obshhenie—2006: Na puti v jenciklopedicheskomu znaniyu. — М., 2006.
[7] Henningsen Ju. Avtobiografija i pedagogika. — М., 2000.
[8] Hjog P. Tishina. — М., 2010.
[9] Chudnovskij V.Je. Smyslozhiznennye orientacii kak faktor pedagogicheskogo obshhenija // Obshhenie—2006: Na puti v jenciklopedicheskomu znaniyu. — М., 2006.

СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ПОЗНАНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Е.Л. Панова

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные этапы развития медицинского познания, каждый из которых представляет тип отношения человека к природе и зависимый от него способ идентификации человека. Взаимоотношения человека и окружающей его среды артикулируются через понятия здоровья и болезни, опираясь на которые медицина формирует реальность человеческого тела и психики.

Ключевые слова: медицинское познание, понятия здоровья и болезни, окружающая среда, природа, проблема целостной научной картины человека в области медицинского знания.

Символом современной социоприродной реальности может служить переход. Переход от чего-то постоянного и довольно известного, привычного, к совершенно новому, чужому, пугающе не похожему на прежнее. Первое — это природа во всех ее проявлениях, второе — искусственный мир, плод человеческой деятельности. Возникла ситуация, когда реальность не только окружающего мира, но и организма человека, его тела и психики, является уже в основном не первозданно природной данностью, но результатом преобразующей деятельности человека [13]. «Существо, которое вполне может быть сконструировано человеком, уже не будет „человеком по природе“ в аристотелевском смысле. Оно возникнет не „по рождению“, а „по конструированию“» [9. С. 76].

«Проблемы человека, его природы и возможности ее изменения, будущего человека, сегодня в центре научных и философских дискуссий. Можно сказать, что сегодня это одна из главных проблем культурь» [6. С. 29]. Мы убеждены, что сам факт формулировки вопроса о пределах человеческой природы демонстрирует определенной степени конфликт человека и внешнего мира. Поэтому честный и полноценный анализ сложившейся ситуации возможен только в виде анализа сложных взаимосвязей системы «человек — окружающий мир».

Мы считаем, что возникновение ситуации, в которой человеческий организм становится предметом проектирования и конструирования, ставит современного человека перед необходимостью его осознанного самоопределения, наиболее верной и полной его самоидентификации, особенно в системе медицины, являющейся основным средством формирования нового типа человека. Поэтому мы хотим рассмотреть этот вопрос как проблему формирования медициной определенной реальности человеческого тела и психики в связи с модификациями ее теории и практики.

Специфика медицинского познания

Спецификой медицинского знания, как отмечает доктор философских наук Ю.И. Мирошников, является его неоднородность: медицинское знание не пред-

ставляет собой систему, созданную на каком-то едином теоретическом основании, поэтому в нем уживаются совершенно разнородные элементы, имеющие различную научную ценность [8].

Еще одна особенность медицинского познания заключается в его комплексности, и при этом, что очень важно, оно не представляет собой определенного единства. Хотя цель медицины в конечном счете всегда практическая — конкретная помощь страдающему человеку, но в процессе ее реализации медицинское знание неизбежно распадается на несколько уровней, каждый из которых имеет особые задачи и методы. Мирошников выделяет три следующих уровня медицинского познания: гуманитарный, естественнонаучный и технологический.

Третьим качеством медицинского познания является его особого вида иерархичность, которая не собирает все его уровни в одну целостность, а, напротив, носит дезинтегрирующий характер, заключающийся в том, что каждый из них превалирует над остальными в разные периоды развития научной медицины. На основе анализа специальной литературы мы выделили три этапа развития теории и практики медицины, соответствующих уровням медицинского познания: его гуманитарный аспект получил свое оформление в культуре Древней Греции, естественнонаучный активно развивался в период Нового времени, а невиданный ранее перевес в сторону разработки и применения медицинских технологий случился в современности.

Клятва Гиппократов как механизм воспроизводства образа человека естественного

По мнению специалиста в области философии медицины В.А. Рыбина, только с момента формирования в практике медицины гуманитарной направляющей началась история научной медицины, хотя ее донаучный период насчитывал несколько тысячелетий до этого момента. Своему новому статусу медицина обязана сформированному в недрах косской школы Гиппократов специального свода правил, регулирующего поведение медиков, т.е. этического врачебного кодекса, представленного Клятвой Гиппократов. Благодаря ей медицина предстала как практическая и непосредственная обращенность человека на самого себя (в качестве объекта медицинских манипуляций) через призму накопленного в данной сфере опыта (сконцентрированного в субъекте, враче) [13].

Возникновение клятвы указывает на то, что «все эмпирическое, „случайное“ многообразие врачебных практик приводится к единству антропологического порядка и отныне больше не рассеивается по отдельным специалистам и изолированным друг от друга „школам“... Опыт отныне и не может быть утрачен, потому что акцент в его воспроизводстве перемещен на его активный источник — на субъекта, который в принципе оказывается пригодным к любого вида профессиональной деятельности» [13. С. 141]. Клятва Гиппократов заложила в практику медицины целостный образ человека как существа универсального (а не частично-функционального). Лишь отталкиваясь от этого образа, стало возможным выделение в качестве моделируемой и манипулируемой реальности понятий «здоровье» и «болезнь».

Здоровье человека зависело от согласованности образа его жизни с ритмами природы. Задачей врача было возратить пациенту утраченную в результате болезни природную целостность, сделать его целостным «ис-целить». «Цель и целостность обретают единое, осознанно воспроизводимое обоснование в понятии „здоровье“, которое у гиппократиков предполагает воссоздание универсальности — целостности, совершенства, гармоничности — человека» [13. С. 166]. В контексте нашего исследования понимаемое таким образом здоровье можно назвать естественно ориентированным.

Считалось, что заболевание как отклонение от нормы каждой из составляющих этот мир вещей, включая самого человека, происходит из-за того, «что в каждом предмете есть много слишком сильного, превышающего природу человека, что не может быть осилено» [13. С. 155].

Другими словами, заболевание понималось как разной степени несоответствие человека природе, Космосу. Способы устранения болезней отличались невысокой инвазивностью, «заметным фактом был взгляд на предпочтительно самостоятельное течение болезни, без насильственного вмешательства со стороны. Предлагалось всячески стимулировать естественные способности защиты организма» [16].

Неоценимая заслуга косской школы Гиппократа заключается в заложенном ею в практику медицины через механизм Клятвы импульсе постоянного воспроизведения образа человека, который опирался на определенную модель отношения к природе — подражание ее порядку, что обеспечивало единство и соразмерность социального и природного в человеке.

Человек-машина в естественнонаучной медицине

Гуманитарная ориентация медицины сменилась естественнонаучной в период Нового времени. Начиная с этого момента стала активно развиваться естественнонаучная теория медицины, которая ставила перед собой задачу экспериментального открытия новых знаний о закономерностях работы организма.

Переориентация медицинского познания была вызвана окончательно сложившейся в период Нового времени системой ценностных норм, выражающей совершенно иное, по сравнению с античностью отношение к природе: «...В период формирования капиталистических отношений и появления буржуазной морали... „обладание“ и „господство“ являются ведущими типами отношения к природе» [9. С. 74].

Образ универсального и естественного человека, закрепленный Клятвой Гиппократа, сохранил свое влияние на практику медицины, которая еще продолжала существовать в русле повседневной непосредственности. Представление же о человеке в теории медицинского познания, естествознании, было принципиально иным. Человек стал трактоваться как природное тело, существующее в соответствии с механической причинностью: «Тело, взятое само по себе, идентифицировали с машиной, и любой дисбаланс в нем считался следствием какого-нибудь причинного фактора; например, возбудителя инфекционного типа» [2. С. 36].

Именно в этот период зародился современный подход к здоровью и болезни, выраженный в новом ракурсе рассмотрения человека — как источника патологии.

«Человек интересуется ее (*естественнонаучную медицину — прим. авт.*) преимущественно в состоянии заболевания, которое определяется только по сдвигу некоей достаточно абстрактной... фиксируемой „нормы“ трудоспособности» [13. С. 122].

Академик РАМН В.П. Казначеев пишет: «Авторитарная роль нозологии, устанавливающей принципиальную раздельность физиологических и патологических процессов (здоровья и болезни), в определенной степени гипертрофирует лишь патологическую составляющую болезни» [5. С. 29]. И именно такой стороной — через болезнь — природа предстает перед исследователем.

Гайденко П.П., комментируя высказывания Ф. Бэкона, сопоставляет наблюдение над природой в ее патологических проявлениях со специфическими условиями экспериментального метода: «...Эксперимент — любой, как мысленный, так и эмпирический — предполагает помещение природного явления в условия необычные, редко встречающиеся в самой природе и поэтому позволяющие „раскрыть тайны“ природных явлений... Надо подстегнуть природу в моменты ее собственного отклонения от нормального пути, чтобы подглядеть, подсмотреть ее тайны и таким образом овладеть ею, — как бы вставить в образовавшийся зазор, щель между явлениями, орудие, инструмент самого человека» [3. С. 145].

Этот подход парадоксальным образом уравнивает природу и болезнь: первая трактуется медициной как проявление природы в человеке, которое необходимо разрушить, преодолеть. «Характерный для классической науки механистический взгляд на Вселенную и человека тесно сопряжен с убеждением, что устранение заболевания является главной задачей медицины и что исцеление может быть лишь искусственным, насильственным и быстрым. Возможности самоисцеления человека при этом не учитываются и специально не рассматриваются» [8. С. 181].

Длительное время медико-биологическое знание развивалось в едином с естествознанием ключе — от предметоцентризма оно постепенно переходило к системоцентризму. К концу XIX — началу XX в. появились авторитетные теории, стремившиеся исследовать организм человека как иерархическую целостность, причем они описывали закономерности функционирования организма во взаимосвязи с окружающей средой [1; 7; 10; 15].

Выдающиеся отечественные врачи — Г.А. Захарьин, С.П. Боткин, А.А. Остроумов, А.Д. Сперанский — разрабатывали методы адаптации этих учений к клинической практике. «Корифеи медицины владели, помимо методик обследования больного, методологией оценки полученных данных, то есть приемами превращения полученной информации в знание, что и составляло сущность их клинического мышления. Такой методологией... были закономерности явлений природы, выявляемых развивающимися науками естествознания... через призму которых (закономерностей) с позиций материалистической философии трактовалась сущность патологических процессов» [11. С. 433].

В качестве теоретико-методологического результата этих исследований выступила общая теория патологии, которую обозначали как «учение об этиологии, патогенезе, реактивности организма, механизмах адаптации к меняющимся условиям среды, компенсации нарушенных функций и др.» [14. С. 6].

Общая патология, обладавшая рядом объективных преимуществ по сравнению с частной, выделилась в перспективный раздел теоретической медицины.

Однако в первой трети XX столетия «этот уровень естествознания, обеспечив медицине блестящее прошлое, был ею уже освоен. Ни физико-химические и лабораторно-инструментальные исследования, ни органы- и физиопатология, ни эксперимент, ни классические представления о причинно-следственных взаимоотношениях в патологии уже не удовлетворяли медицину; не указывали путей дальнейшего ее развития... Философская обеспокоенность научной медицины обозначилась фактически с первых десятилетий минувшего столетия. По логике вещей, научный стержень медицины должен был относиться к более высокому рангу закономерностей биологии и естествознания, чем использовавшийся ею до сих пор» [11. С. 434].

Мы хотим выдвинуть на рассмотрение собственную версию причин тех проблем, с которыми столкнулась естественнонаучная медицина в первой половине XX в.

Главной из них, стопорящей развитие медико-биологического знания, на наш взгляд, была невозможность в рамках главенствующей на тот момент научной парадигмы полноценно изложить в одной теории сложную многоуровневую систему взаимосвязей человека с природой.

Ситуация постоянно растущего объема знаний о природе требовала существенного иного, расширенного понимания человека и его взаимосвязей с окружающим миром. В условиях все уменьшающегося влияния Клятвы Гиппократова на практику медицины возникла необходимость создания теории диагностики и лечения, выстроенной на основе целостной концепции человека как социоприродного существа. Однако теория, которая могла бы стать объединяющим звеном всего медицинского познания, сведя в одну гармоничную целостность этику, знания и врачебную технику, так и не была создана.

Биотехнологии в отрыве от естествознания

Поэтому закономерно, что, не будучи способной адекватно ответить на этот вызов, медицина со второй половины XX в. пошла совсем в другом направлении. Был взят курс на разработку и внедрение разнообразных средств врачебной помощи, что способствовало кардинальному изменению лечебной стратегии — ориентации на активное вмешательство медицинских технологий в организм человека.

Мы считаем, что с этого момента медицинское познание двинулось в противоположном развитии естествознания направлении: если физика шагнула вперед к поиску единой основы всех природных взаимодействий, то медицина, напротив, заметно ограничила масштаб и проблематичность своего рассмотрения, что спровоцировало огромную дифференциацию внутри медицины. Она «...все больше и больше стала замыкаться в рамках собственных медицинских дисциплин. Выход медицины из университета завершил процесс отчуждения медицины от общей биологии. Связи медицины с биологией, естествознанием стали призрачными, формальными» [11. С. 434].

Еще недавно выдвигаемая выдающимся отечественным исследователем И.В. Давыдовским в качестве теории медицины общая патология распалась на все

увеличивающееся множество частных патологий. Авторы учебника «Общая патология» Саркисов и др. отмечают: «Все большая концентрация мысли на одном предмете формирует своеобразную доминанту, которая приводит к ограничению кругозора исследователя, сосредоточенного исключительно на том или ином конкретном вопросе, причем нередко весьма узком» [14. С. 33]. На примере современного изучения внутриклеточных процессов они пишут: «„Углубление“ в клетку все заметнее отвлекает внимание ученых от дальнейшей разработки не менее важной проблемы организма как единого целого, от понимания того, что его реакции на внешние воздействия представляют собой реакции сложнейшей системы, а не автономные ответы той или иной из множества составляющих его клеток или отдельных их групп» [14. С. 33].

При значительном снижении уровня теоретического осмысления в медицине заметно возросла активность врачебных вмешательств. «Воздействие на человека как на объект со стороны медицины становится все более и более инвазивным, ценностно проблематичным и рискованным, а сектор обзора со стороны медика-специалиста — все более узким и частичным» [13. С. 109]. Импульс рассмотрения человека и его природы через «рамку» патологии, заданный нововременной медицинской теорией, получил серьезное развитие в современной медицине в целом.

Как следствие, «терапия стала заложницей фармакотерапии, значительно уступив хирургии» [16] как более радикальному и необратимому воздействию на организм. «К настоящему времени хирургия... заняла как в количественном, так и в качественном отношении, доминирующее положение в медицине» [16].

Хорошей иллюстрацией актуальности формулировки проблемы биотехнологий как инструмента формирования нового типа реальности человеческого тела и психики является ситуация широчайшего применения в медицине сильнодействующих препаратов, в частности, антибиотиков. Авторитетнейший физиолог А.С. Залманов пишет: «С начала эры антибиотиков мы присутствуем при прогрессивной изменчивости классических картин заболеваний... Приспосабливаясь к порывистому ритму современной жизни, организм человека начинает избегать динамических сражений с различными агрессивными факторами; он пытается „сотрудничать“ с врагом, он ведет „двойную игру“ в ожидании терапии-освободительницы. В действительности речь идет о подлинном приспособлении всего организма к условиям изменившейся жизни» [4. С. 93].

Таким образом, некоторая часть исследователей приходит к следующим неутешительным выводам: «Сейчас... можно констатировать отсутствие надежных фундаментальных теоретических основ медицины, философское ее выгорание... Нарастающий технизм в клинической медицине явился оборотной стороной пренебрежения ею философских и биологических аспектов познания. В кризисном состоянии находятся и кардинальные составляющие медицинской науки» [11. С. 436].

Описываемое состояние современной теории и методики медицины, на наш взгляд, нельзя обозначить никаким иным термином, кроме как инволюция. Мы считаем, что таким образом находит свое выражение современная форма отношения к природе — ее забвение. Субъект практической и познавательной медицинской деятельности теряет ее ориентиры — природные закономерности функ-

ционирования тела — и поэтому оказывается неспособным провести границы между естественным и искусственным.

Одновременно с этим исследователи отмечают практически полную элиминацию Клятвы Гиппократата из практики медицины. «Современная медицина из гуманистической практики все больше трансформируется в ситуативно-прикладной набор технических манипуляций, пребывающих на грани перехода в субъективный произвол... Этические принципы в составе технологически нагруженной деятельности неуклонно снижают свою значимость и все больше становятся скорее напоминанием о гуманизме, нежели действенным регулятором межлических взаимоотношений в медицине» [13. С. 110].

Пока Клятва Гиппократата реально присутствовала в клинической медицине, она задавала пронесенный сквозь тысячелетия из античности образ человека естественного. Теперь же, «в условиях преобладания „искусственного“ над „естественным“... „антропологическая граница“ сместилась в то пространство, где медицинские технологии стали „биотехнологиями“, а на место медицинской этики в виде классической Клятвы встали „ценности“ биомедицинской этики, которые способны достаточно полно описать ситуацию, складывающуюся на „пределе“ воздействия на организм человека, но не могут рефлексивно регулировать этот процесс, поскольку последний требует уже не „естественнонаучного“, но какого-то иного, более „охватного“, интегративно понимаемого образа человека» [13. С. 119].

И такой образ постепенно вырисовывается. Ключевая категория медицинского знания, понятие здоровья, расширило сферу своего значения по сравнению с предыдущим периодом. Определение здоровья, данное Всемирной организацией здравоохранения, выражается как состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней. Идеалом медицинской деятельности стало благополучие человека, интерпретируемое произвольно, а целью — конструирование человека по им же самим, а не природой, заданным качествам и свойствам. Таким образом, современное определение здоровья можно назвать социально, искусственно ориентированным.

Осуществляя программу воплощения в теле социальных стандартов благополучия, современная биомедицина определила в качестве патологических целый ряд телесных явлений, никогда до настоящих пор не считавшимися таковыми. Эстетические недостатки внешности, старение и смерть попали под тщательное медицинское «переформатирование». Поэтому следующую позицию можно встретить в философской литературе все чаще и чаще: «Здоровье не является естественным феноменом, это социальный артефакт, неразрывно связанный с социальными (медицинскими) технологиями» [12. С. 58].

Вывод из всего вышесказанного будет неутешительным: результатом двух с половиной тысячелетнего развития медицины стало формирование системы биотехнологий, всерьез поставившей вопрос о движении человека за «пределы „антропологической границы“, где начинается его селективный распад, т.е. реализация проекта „смерть человека“» [13. С. 121].

На наш взгляд, эта ситуация была спровоцирована не продуманной и ответственной волей, а непониманием того, что биотехнологии не просто «совер-

шенствуют» человеческую природу, а конструируют совершенно иную реальность человеческого тела и психики, а значит, порождают совершенно новый тип человека.

**Понятия здоровья и болезни
как выражение отношений системы
«человек — окружающая среда»**

Приведенная нами таблица наглядно демонстрирует, что через понятия здоровья и болезни в медицине артикулируются взаимоотношения человека и окружающей его среды.

Понятие «здоровье» выражает идеальное представление человека о самом себе, являющееся мерой человека в медицине. В свою очередь понятие болезни означает конкретные организменные (телесные, психические) проявления несоответствия сформированного человеком стандарту здоровья. Вследствие того, что человек сознает и познает самого себя в системе окружающего мира, то явление, называемое болезнью, выражает разную степени несоответствие этого состояния организма условиям внешней среды. Таким образом, функция медицины, опирающейся на базовые категории здоровья и болезни, заключается в формировании и воспроизведении телесной и психической реальности человека, адекватной реальности окружающего мира.

	Античность	Новое время	Современность
Образ человека	совершенный, гармоничный, универсальный субъект	машина-организм. Качества: пригодность к труду	машина-трансформер. Качества: социальное благополучие
Понимание здоровья	целостность, гармоничность, совершенство человека	состояние отсутствия болезни, норма: научно конкретизированная мерность	состояние физического, психического и социального благополучия, отсутствие болезней
Понимание болезни	несоответствие природе, проявление жизни	проявление природы в организме	несоответствие социобиологическим нормам здоровья
Окружающая среда	естественная	естественная с элементами искусственной	искусственная с элементами естественной
Отношение природе	подражание	противоборство	забвение
Лечебная тактика	минимальное вмешательство	ориентация на активное вмешательство	агрессивное вмешательство
Регулятивы практики медицины	Клятва Гиппократата	Клятва Гиппократата	биомедицинская этика

На основании всего вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы.

1. Именно гуманитарный уровень медицины, концентрирующий в себе через понятия здоровья и болезни систему взаимосвязей «человек — окружающий мир», является структурообразующим для всего медицинского познания в целом. По той причине, что человек в медицине выступает одновременно как субъект и объект познавательной и практической деятельности, т.е. он сам для себя является элементом окружающего мира, необходимо сведение всех уровней медицинского знания к единству антропологического порядка. В связи с этим возникает настоятельная необходимость верной самоидентификации человека, максимально соответствующей его природе.

2. Клятва Гиппократова, наряду с подобными системами нормативов медицинской этики, способна выполнять регулирующую функцию лишь в условиях естественной среды. Поэтому в сложившихся условиях техногенной среды эти механизмы, обеспечивавшие гармоничный баланс природы и социума на протяжении тысячелетий, необходимо поднять на новый уровень — теоретический, путем разработки и обоснования концепции человека как социоприродного существа, основанной на новейших достижениях естествознания. В теории медицины назрело расширение границ окружающего мира, которые в некоторых других естественнонаучных дисциплинах уже вышли далеко за пределы не только искусственно созданной человеком среды, но и планетарного масштаба. На наш взгляд, путь верного самоопределения человека в медицинском познании проходит через осознание своей сопричастности Вселенной и сородства с ней.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бернар К.* Лекции по экспериментальной патологии. — М.-Л.: Биомедгиз, 1937.
- [2] *Витулкас Дж.* Новая модель здоровья и болезни. — М.: ООО «Классическая медицина», 2008.
- [3] *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- [4] *Залманов А.С.* Тайная мудрость человеческого организма (Глубинная медицина). — М.: Молодая Гвардия, 1991.
- [5] *Казначеев В.П., Непомнящих Г.И.* Мысли о проблемах общей патологии на рубеже XXI века. — Препринт. — Новосибирск: НИИ общей патологии и экологии человека НЦ КЭМ СО РАМН; НИИ региональной патологии и патоморфологии НЦ КЭМ СО РАМН, 2000.
- [6] *Лекторский В.А.* Возможно ли постчеловеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. — М.: ЛАНАНД, 2012.
- [7] *Мечников И.И.* Избранные произведения. — М., 1956.
- [8] *Мирошников Ю.И.* Специфика медицинского познания и проблема целостности его предмета. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2009. — Вып. 9. — С. 171—184.
- [9] *Павленко А.Н.* Экологический кризис как псевдопроблема // Вопросы философии. — 2002. — № 7. — С. 66—79.
- [10] *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. — М.: Наука, 1973.

- [11] *Разумов В.В.* Еще раз о философии медицины // *Фундаментальные исследования*. — 2011. — № 11. — С. 433—439.
- [12] *Розин В.М.* Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // *Философия здоровья*. — М., 2001. — С. 35—62.
- [13] *Рыбин В.А.* Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. — Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- [14] *Саркисов Д.С., Пальцев М.А., Хитров Н.К.* Общая патология человека. — Изд. 2-е. — М., 1997.
- [15] *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга. — М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1952.
- [16] *Чалык Ю.В.* Концептуальная медицина. URL: <http://www.monographies.ru/>

THE STATE OF MEDICAL COGNITION AS A CONDITION OF BIOTECHNOLOGIES DEVELOPMENT

E.L. Panova

Chair of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article examines basic stages of the development of medical cognition, each of them being some type of human relation to the Nature and the corresponding way to the human being's identification. The interrelation of a human being and environment is expressed through the health and illness conceptions which are used by the medicine to form the reality of human body and mind.

Key words: medical cognition, health and illness conceptions, environment, nature, problem of integral scientific human being's pattern in the area of medical knowledge.

REFERENCE

- [1] *Bernar K.* Lekcii po jeksperimental'noj patologii. — М.-Л.: Biomedgiz, 1937.
- [2] *Vitulkas Dzh.* Novaja model' zdorov'ja i bolezni. — М.: ООО «Klassicheskaja medicina», 2008.
- [3] *Gajdenko P.P.* Istorija novoevropеjskoj filosofii v ee svjazi s naukoj. — Изд. 3-е. — М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011.
- [4] *Zalmanov A.S.* Tajnaja mudrost' chelovecheskogo organizma (Glubinnaja medicina). — М.: Mol. Gvardija, 1991.
- [5] *Kaznacheev V.P., Nepomnjashih G.I.* Mysli o problemah obshhej patologii na rubezhe XXI veka. — Preprint. — Novosibirsk: NII obshhej patologii i jekologii cheloveka NC KJeM SO RAMN; NII regional'noj patologii i patomorfologii NC KJeM SO RAMN, 2000.
- [6] *Lektorskiy V.A.* Vozmozhno li post-chelovecheskoe budushhee? // *Chelovek i ego budushhee: Novye tehnologii i vozmozhnosti cheloveka* / Otv. red. G.L. Belkina. — М.: LANAND, 2012.
- [7] *Mechnikov I.I.* Izbrannye proizvedenija. — М., 1956.
- [8] *Miroshnikov Ju.I.* Specifika medicinskogo poznanija i problema celostnosti ego predmeta. Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. — 2009. — Вып. 9. — С. 171—184.

- [9] *Pavlenko A.N.* Jekologicheskiy krizis kak psevdoproblema // *Voprosy filosofii*. — 2002. — № 7. — S. 66—79.
- [10] *Pavlov I.P.* Dvadcatiletnij opyt ob#ektivnogo izuchenija vysshej dejatel'nosti (povedenija) zhivotnyh. — M.: Nauka, 1973.
- [11] *Razumov V.V.* Eshhe raz o filosofii mediciny // *Fundamental'nye issledovanija*. — 2011. — № 11. — S. 433—439.
- [12] *Rozin V.M.* Zdorov'e kak filosofskaja i social'no-psihologicheskaja problema // *Filosofija zdorov'ja*. — M., 2001. — S. 35—62.
- [13] *Rybin V.A.* Jevtanazija. Medicina. Kul'tura: Filosofskie osnovanija sociokul'turnogo krizisa v mediko-antropologicheskom aspekte. Izd. 2-e. — M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009.
- [14] *Sarkisov D.S., Pal'cev M.A., Hitrov N.K.* Obshhaja patologija cheloveka. Izd. 2-e. — M., 1997.
- [15] *Sechenov I.M.* Refleksy golovnogogo mozga. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury, 1952.
- [16] *Chalyk Ju.V.* Konceptual'naja medicina. URL: <http://www.monographies.ru>

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭСТЕТИКИ

ОТ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ЭСТЕТИЗМА К АРИСТОКРАТИЧЕСКОМУ БЕЗОБРАЗИЮ

М.П. Матюшова

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Автор рассматривает проблему соотношения эстетического и нравственного, прекрасного и безобразного в искусстве от античности до современности. Особое внимание автор уделяет анализу таких явлений, как эстетизм, проявившийся в искусстве и жизни в Англии конца XIX в., декаданс во Франции и д'аннунцианизм в Италии. По мнению автора, все эти явления объединял культ красоты и искусства. Современное искусство характеризуется как искусство, в котором изображение безобразного играет доминирующую роль.

Ключевые слова: эстетическое, нравственное, эстетизм, декаданс, д'аннунцианизм, культ красоты, культ безобразного

Проблема соотношения искусства и морали имеет сложную и длительную историю. Начиная с античности, эта проблема была в центре внимания многих философов, которые во многом отождествляли нравственное и эстетическое. Понимая нравственность прежде всего как формирование нравственных качеств человека, добродетелей, а также как следование определенным установкам и правилам поведения, безнравственность определялась как нарушение этих правил.

В греческом сознании нравственное и эстетическое были тесно связаны, и понятие меры, канона, середины были применимы как к определению прекрасного, так и к определению добродетели. Именно греки ввели понятие калокагатии, как сочетания внутренней нравственной красоты и благородства и внешней красоты. Как пишет Лосев, «Подлинное эстетическое переживание, по Аристотелю, и подлинное художественное творчество возникают только тогда, когда здесь не имеется никакого противоречия с моралью; наоборот, искусство и мораль только поддерживают друг друга» [1. С. 435.]

Мировоззрение античных философов основывалось на убеждении, что миром правит закон гармонии, являющийся аналогом красоты и что человек в своих

поступках также должен следовать ей. Этот закон гармонии, или прекрасного, был для греков главным критерием для оценки искусства, жизни, поведения людей, и он был своеобразным эталоном, применявшимся практически ко всем явлениям действительности.

Отношения искусства и морали более сложные и противоречивые. Так, например, Платон известен как первый цензор, который в идеальном государстве требовал изгнания поэтов, изображающих реальную действительность, ибо, по его мнению, они являются воспроизводителями нереальности. Таких поэтов надо награждать и выселить из государства.

Мотивы такого требования просты — нужно воспитывать идеального гражданина на образах, олицетворяющих добродетель, справедливость, прекрасное, а так как в реальной жизни все перемешано, то задачей поэта как раз и является отбор положительных явлений, качеств человека, т.е. создание некоего идеала, которому надо следовать. Показ же безнравственных поступков (в частности, Платон выступает против образов богов у Гомера, которые слишком уж похожи на людей в их пороках), так же как показ слабостей героев, действует негативным образом и может навредить воспитанию воинов.

В то же время Платон подчеркивает, что воспитание чувства прекрасного должно начинаться с детства: «Ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если кто правильно воспитан, если же нет, то наоборот... он будет хвалить то, что прекрасно, и, приняв его в свою душу, будет питаться им и станет безупречным; а безобразное [постыдное] он правильно осудит и возненавидит с юных лет [2. 20а.]».

Таким образом, Платон очень четко выразил мысль о функциональности искусства, отстаивая идею об искусстве как мощнейшем средстве воздействия на чувства и поступки людей в государстве.

Аристотель в отличие от своего учителя занимает иную позицию, которая связана, прежде всего, с пониманием им воздействия трагедии, с категорией катарсиса. Нельзя не отметить также тот факт, что произведения искусства, согласно Аристотелю, должны доставлять удовольствие, причем даже изображение безобразного, ибо оно тесно связано с познавательной способностью человека: «На что смотреть неприятно, изображения того мы рассматриваем с удовольствием, как, например, изображения отвратительных животных и трупов» [3. С. 49].

В то же время немецкий просветитель Г.Э. Лессинг в своем знаменитом произведении «Лаокоон» пишет: «Известен закон фивян, повелевавший художникам при подражании облагораживать человеческую натуру и запрещавший им, под страхом наказания, уродовать ее» [4. С. 82]. Среди греческих художников были и те, которые изображали уродливое и гнусное в человеке, но такие художники, замечает он, не получали общественного признания, жили в бедности и имели прозвище «рипарографов», т.е. «живописцев грязи». [5. С. 81].

Все меняется с конца XVIII и в течение XIX в.

В XIX в. в Англии возникло явление, получившее название «эстетизм», представители которого утверждали приоритет искусства и красоты над моралью, эстетической формы над содержанием, гедонистической функции над воспитательной, в большей степени, ассоциируемой с дидактикой викторианской эпохи.

Это была своеобразная религия красоты и искусства, причем сама жизнь трактовалась как произведение искусства, как подражание искусству, построение жизни в соответствии с определенными правилами. Провозглашается эстетический идеал человека — человека-денди, отличающегося утонченными, изысканными манерами, экстравагантной одеждой. Как правило, это связано было также и со своеобразным образом жизни и поведения, называемым эстетским, характеризующимся эксцентрическими выходками, нарушением всех норм и стандартов этой, по их мнению, обыденной пошлой действительности.

В Англии эстетизм был представлен в 1890-х гг. О. Уайльдом, Э. Доусоном и О. Бердсли.

Произведение искусства, с точки зрения представителей эстетизма, должно обеспечить человеку получение удовольствия, а не моральное нравоучение, стремление к красоте оценивается как высшее благо, искусство не должно служить никаким высшим нравственным целям. По мнению О. Уайльда, жизнь и природа подражает искусству гораздо больше, чем искусство подражает жизни и природе. Предисловие Уайльда к «Портрету Дориана Грея», по сути, является манифестом эстетизма: «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги, хорошо написанные или написанные плохо... Художник не моралист. Подобная склонность художника рождает непростительную манерность... Всякое искусство бесполезно» [6. С. 5]

Речь в данном предисловии идет о том, что безнравственная книга не может быть хорошей, так же как и нравственная книга не может претендовать на звание шедевра.

Но что такое безнравственная книга? Может ли «Анна Каренина» Л.Н. Толстого быть безнравственной книгой? Вероятно, да, сказали бы религиозные люди, живущие по евангельской заповеди «Не прелюбодействуй!». Однако многие писатели, художники считают это произведение величайшим шедевром, в котором отразилось глубокое понимание жизни и психологии человеческих отношений.

Если герой книги является преступником, и главной идеей произведения является утверждение, что преступление — это не только норма, но и героизм, и такие человеческие качества, как корысть, коварство, подлость, предательство, выставляются как самые ценные качества в характере личности, при этом пропагандируются, романтизируются до такой степени, что становятся привлекательными для подражания, то такую книгу можно назвать безнравственной и она никогда не станет мировым шедевром.

Конечно, во многом это было развитие идей, заложенных романтиками, вознесшими искусство и художника на недостижимую высоту. Так, например, многие критики сравнивали О. Уайльда с романтиком лордом Байроном, ибо они оба считали, что жизнь сама по себе является произведением искусства, у обоих было представление о художнике как о человеке незаурядном, с обостренным чувством красоты. Они оба настолько ненавидели и боялись посредственности, что вся их жизнь была связана со скандалами и общественным порицанием.

Также основание такой позиции было сформулировано И. Кантом, который в «Критике способности суждения» выдвинул положение о том, что чувство пре-

красного должно быть свободно от морали и пользы, практического интереса. Кроме того, Кант утверждал, что красота пробуждает в нас чувство бескорыстного удовольствия, без каких-либо следов желания владения или потребления, в то время как безобразное вызывает противоположные — чувства отталкивания, отвращение, ужас и страх.

Возможно, такое утверждение было своеобразной реакцией на развитие индустриального общества и на появление новых утилитарных буржуазных ценностей, которые оно проповедовало.

Свою лепту в возникновение эстетизма внес и Ф. Ницше своими высказываниями о соотношении нравственности и красоты: «Доныне дозволялось искать красоту лишь в нравственно добром. Это в достаточной мере объясняет, почему так мало нашли и так много времени потратили на поиски воображаемых дряблых красот. Но так же верно, что во зле заключены сотни видов счастья, о котором понятия не имеют добродетельные, в нем существуют и сотни видов красоты и многие еще не открыты» [7. С. 6].

В произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» Дориан Грей, влюбленный в красоту, поиски которой составляют смысл его жизни, ищет тонких эстетических наслаждений, не заботясь о нравственности, совершает договор с дьяволом, суть которого заключается в том, что его внешность никогда не изменится, не станет безобразной, уродливой, старой. Мысль, о том, что лучше бы старел портрет, а он всегда оставался молодым, и, что за это он мог бы душу отдать, воплотилась в реальность.

Во Франции эстетизм приобрел другое название, появился термин «декаданс», его главным лозунгом был иррационализм, утверждение, что только искусство интуитивно или мистически раскроет высшую истину. О декадансе начали говорить после публикации сонета Верлена в журнале «Le Chat Noir».

Это была фетишизация красоты и искусства, протест против общества: многие художники, писатели и поэты во Франции заявляли свое моральное превосходство над буржуазией, которая была для них не только социальным, но и духовным врагом и которую надо было шокировать и ослеплять — «шокировать буржуа» стало их боевым кличем.

Отношения писателя с обществом становятся конфликтными, даже агрессивными и провокационными. С одной стороны, художник отождествляется с мятежником, с другой стороны, с наркоманом, человеком богемы без определенного места жительства и определенного занятия. Во многом такие представления базировались на реальном фундаменте: многие декаденты увлекались такими препаратами, как гашиш и опиум, а абсент, стал официальным напитком движения — все это позволяло, по их мнению, вызывать вдохновение. Художник все более отождествляется с маргинальной личностью.

В Италии возникновение аристократического эстетизма связано с именем Д'Аннунцио, жизнь и творчество которого вполне соответствовало основным принципам английского эстетизма и французского декаданса. Роскошь, блеск, изысканность сопровождает его жизнь: он посещает выставки, музеи и театры,

ходит на концерты, скачки, тогда же появляется слово «д'аннунцианизм» и д'аннунцианский стиль жизни, который проявляется в изящном убранстве жилища: он окружает себя многочисленными слугами, изысканными произведениями искусства, коврами и гобеленами, статуями и другими предметами искусства. Затем он пишет свой первый роман «Наслаждение» — своеобразный гимн красоте, чувственности, искусству.

Однако в отличие от О. Уальда, который был чужд политики, хотя и был лордом, Д'Аннунцио провозглашает также идею «политики как красоты». Он знал творчество не только Ш. Бодлера и Т. Готье, но и Гюисманса, роман которого явился своеобразным манифестом декадентского эстетизма.

Главный герой романа «Наслаждение» Андреа Сперелли, альтер эго автора, провозглашает удовольствие своим основным принципом жизни. Для Андреа искусство имеет абсолютное значение: сама жизнь мыслится как искусство, а не только «искусство ради искусства». Д'Аннунцио предлагает «уникальную жизнь», сделанную наподобие произведения искусства, которую отличает эlegantность, красота и аристократизм, качества, которые должны быть достигнуты любой ценой.

Каковы же общие черты этого культурного феномена, называемого в Англии «эстетизм», во Франции — «декаданс», а в Италии — «д'аннунцианизм»?

Все эти явления объединяет культ красоты, это своеобразная религия красоты и искусства. Декларируется автономия искусства от каких-либо социальных целей, искусство должно подчиняться только самому себе, его необходимо извлечь от любого внешнего критерия, морального, политического или социального. Непременной частью культа искусства является поклонение форме произведения искусства, понимаемой как чистая красота.

Утверждается иррационалистическое понимание творчества, делается акцент на интуитивизм, мистицизм, как в процессе творчества, так и в процессе его восприятия.

Как и при романтизме, возвышается роль Художника как пророка. Художник представляется как изолированная личность, возвышающаяся своей исключительностью, аристократическими ценностями над повседневной жизнью и пошлостью буржуазного образа жизни. Так, например, с поэзией связывается откровение Абсолюта, поэт представляется в качестве посредника и священника открываемой Абсолютом истины с помощью символики: отсюда и распространенность в использовании аналогий, поиск соответствий между душой субъекта и жизнью Вселенной, использование метафор.

Превозносится субъективизм и индивидуализм — не подражать жизни, как это делали писатели натуралисты, но создавать ее.

Позднее авангардизм, казалось, полностью порвал с мыслью о том, что искусство должно служить каким-либо высоким целям. Он порвал с профессионализмом, мастерством, с традицией, художники в какой-то степени даже испытывали гордость от отсутствия мастерства и академического образования.

Если ранее, особенно в эпоху Возрождения, художник гордился своим мастерством, дополняя его обширными знаниями, образованностью, ибо не только

его гениальность, но и широкий кругозор был залогом появления выдающегося шедевра, в котором выражались общечеловеческие ценности, которые становились близки людям не только той эпохи, в которую творил художник, но и его далеким потомкам, то авангардизм гордился своей простотой, своим наивным видением мира и даже в какой-то степени дилетантизмом воплощения на полотне.

Искусство все больше и больше направлялось на то, чтобы подорвать или преступать моральные устои, и главным орудием в этом искусстве являлось не отражение красоты окружающего мира, а оригинальность и новизна — основные категории эстетики модернизма и постмодернизма.

В манифесте 1918 г. Рихард Хюльзенбек дает свои пояснения слову «Дада», которое явилось лозунгом для возникновения дадаизма: «Слово Дада символизирует примитивнейшее отношение к окружающей действительности, вместе с дадаизмом в свои права вступает новая реальность... дадаизм не противостоит эстетически жизни, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни, являющейся лишь одеждой для слабых мышц» [8. С. 319].

Традиции, которые были накоплены более чем за 2500 лет всей человеческой истории, начиная с Древней Греции, Ренессанса, голландского искусства XVII столетия, появления Академий искусств в Европе с возникновением авангардизма подверглись беспощадной критике и всевозможным нападкам, ибо главной задачей нового искусства объявлялась свобода выражения. Именно провозглашение свободы самовыражения способствовало тому, что модернизм стал своеобразной формой «подавления» и «притеснения» академического искусства и, в конечном счете, самой репрессивной и нормативной ограничительной системой мысли во всей истории искусства.

В «Техническом манифесте футуристической литературы» явно видно влияние идей Бергсона: «И не надо корчить из себя святых. Раз и навсегда плюнем на Алтарь Искусства и смело шагнем в неоглядные дали интуитивного восприятия! А там, покончив с белыми стихами, заговорим свободными словами... Врожденная интуиция — отличительная черта всех романцев. Я хотел разбудить ее в вас и вызвать отвращение к разуму... Кончилось господство человека. Наступает век техники!.. Мы сначала познакомимся с техникой, потом подружимся с ней и подготовим появление механического человека в комплекте с запчастями. Мы освободим человека от мысли о смерти, конечной цели разумной логики» [9. С. 167—168].

В современную эпоху, эпоху постмодерна, когда традиционные религиозные, моральные и художественные ценности утратили свою доминирующую роль в моральной и социальной жизни индивида и группы, когда темы, считавшиеся ранее недостойными быть предметом изображения в искусстве, полностью заполонили все пространство искусства, проблема соотношения искусства и морали продолжает оставаться актуальной, хотя для многих художников соединение двух этих понятий — мораль и искусство — кажутся нелепыми.

Вновь, как и в былые времена, но может быть в более острой форме мы должны ответить на вопрос — могут ли моральные нормы применяться к искусству,

т.е. должен ли художник своими произведениями воспитывать в людях благородство и высоту духа, или же оно может существовать независимо, автономно от морали?

Если распространить этот вопрос на область государства, то он будет звучать в иной форме — должно ли государство своей культурной политикой способствовать нравственному воспитанию своих граждан или же культура в основном будет и дальше выполнять свою развлекательную функцию, потешая людей сериалами, детективами, различными шоу?

Данная проблема, конечно же, связана с проблемой свободы художника, свободы творчества и свободы воли. Если мы станем на точку зрения, что художник свободен в своем творчестве, ибо оно является продуктом, созданным в порыве вдохновения, а в этот момент он находится полностью во власти неподвластных ему иррациональных сил, тогда мы не вправе судить художника за его творение. Истинный художник стремится освободиться от всего, ибо как Бог был полностью свободен в творении мира, так и художник хочет ощущать такую же свободу в создании собственного творения.

Однако эта свобода всегда относительна, так как изображение явлений действительности всегда несет на себе печать мировоззрения художника, оно всегда прямо или опосредованно дает определенную оценку действиям героев произведения, осуждает их или же любит ими. Как пишет И. Кант «Ужасы, болезни, опустошения, войны и т.п. могут быть прекрасно описаны как вредные явления, даже изображены на картине. Лишь один вид уродства не может быть представлен соответственно его виду в природе, не уничтожая всякое эстетическое благорасположение, т.е. красоту в искусстве — это уродство, вызывающее отвращение» [10. С. 185].

Современная эпоха также коренным образом меняет свои представления о соотношении прекрасного и безобразного, показывая относительность этих понятий. Художники не просто эстетизируют безобразное, но ставят его на более высокий пьедестал, который гораздо выше, чем пьедестал красоты. Возникает своеобразный культ Уродства, который изгоняет и заменяет всю предшествующую традицию с культом Красоты.

Объясняя это явление, многие теоретики ссылаются на то, что сам мир настолько изменился, изменились критерии художественных ценностей, в самом мире столько уродства, что старые каноны не могут больше служить ориентиром в искусстве и если ты художник, то ты должен отобразить это в своем творчестве.

Также одним из аргументов подтверждающим существование этого явления в искусстве является утверждение, что коль в обществе существует моральный релятивизм и нигилизм в отношении к традиционным ценностям, то это соответственно ведет и к эстетическому релятивизму и эстетическому нигилизму, ставящему на место прекрасного в жизни и в искусстве безобразное, уродливое, шокирующее, отвратительное и т.п.

Хабермас в своей речи «Модерн — незавершенный проект» приводит рассуждения Д. Белла из его работы «Культурные противоречия капитализма»: «Авангар-

дистское искусство проникает в систему ценностных ориентаций повседневной жизни, инфицируя жизненный мир умонастроением модернизма. Этот модернизм — великий искуситель, он несет с собой господство принципа безграничного самоутверждения, требование аутентичного опытного самопостижения (Selbsterfahrung), субъективизм перевозбужденной чувствительности, и тем самым высвобождает гедонистические мотивы, несовместимые с профессиональной дисциплиной, да и вообще с моральными основами целесообразного образа жизни» [11].

Эта инфицируемость общества становится все большей и все более заразной. Прошло почти 200 лет после опубликования книги Розенкранца о категории безобразного, но сейчас количество работ, посвященных данной теме, напоминает огромный снежный ком, который с годами все увеличивается, появляется все больше работ, объединенных одним названием — «Безобразное — Ugly», например, «The Modernist Cult of Ugliness: Aesthetic and Gender Politics». Lesley Higgins; (Лесли Хиггинс «Модернистский культ безобразного: эстетическая и гендерная политика» — перевод М.М.); «Ugly: the Aesthetic of Everything», by Stephen Bayley («Безобразное — эстетика всего» Стефана Бэйли — пер. М.М.) [12].

Кроме того, открываются курсы, которые предлагают исследования истории безобразного в истории искусства, так, например, объявляется летний курс в Берлинском университете, содержание которого составляет такие темы, как «безобразное как эстетическая категория», «теоретические трактаты о безобразном», «художественное выражение безобразного, виды безобразного» и т.д.

Или, например, на презентации книги Стефана Бэйли «Безобразное. Эстетика всего» гостям были предложены «безобразные канапе и безобразные коктейли». Как сказал сам автор: «Мой бармен работает над серым цветом коктейля и мартини с корнیشонами в них...» «Говорить о красоте скучно — когда вы говорите о безобразном — это более интересно» [13].

Основная идея книги заключается в утверждении, что эстетические ценности постоянно меняются, следовательно, невозможно выдвинуть какие-либо объективные критерии прекрасного, кроме того — то, что сегодня осуждается как нечто чудовищное, завтра, возможно, будет признаваться шедевром.

«Если бы весь мир был красив, это было бы на самом деле очень скучно. Нам нужна мера уродства, чтобы понять красоту. «Небеса можно понять только тогда, когда у вас есть концепция ада», — утверждает Стивен Бейли [14]. Это почти что эстетическая концепция Августина, высказывающего подобные взгляды, однако в наше время именно красота является тенью безобразного, а не наоборот, и можно сказать об этом приеме, что там Уродство празднует бал.

Наиболее ярким примером эры эстетизации безобразного, «дегуманизации», абсурдизма и провокационности в искусстве является творчество Д. Хэрста, который в 1995 г. сделал инсталляцию, представляющую собой 2 разлагающихся трупа коровы и быка. До этого была акула в формальдегиде (1991), мертвая овца в формальдегиде (1993). В 2007 г. был выставлен человеческий череп, покрытый платиной и усыпанный бриллиантами, натуральными в этом арт-объекте являются лишь зубы.

Подобное «творчество» характерно и для Э. Трейси, которая стала воплощением художника — аутсайдера, ее работы известны своей провокационностью, и она сама постоянно приводит в бешенство мир искусства. Одной из первых работ была работа, получившая название «Все, с кем я когда-либо спала в 1965—1995», представляющая собой палатку с аппликацией 102 имен людей, с которыми она когда-либо имела интимные отношения, а также имена близких ей друзей.

Она часто использует события из своей личной жизни в качестве отправной точки для своих работ: она выставила свою жизнь как произведение искусства, причем в этом «произведении» делая акцент прежде всего на сексуальных моментах.

Самой известной, пожалуй, была работа, получившая название «Моя кровать» (My Bed), показанная в галерее Тейт. Она выставила свою неубранную собственную кровать, с различными предметами, лежащими на ней и под ней, носящими следы ее борьбы с депрессией, а также множество других предметов, как, например, пустые бутылки и тапочки на полу, и др.

Какую реакцию могут вызывать подобные арт-объекты? У нормального человека только отвращение от этого постмодернистского произвола, от этого разложения, происходящего в мире искусства.

Должно ли искусство и дальше продолжать эту линию, или же, и это, по нашему мнению, связано с инстинктом самосохранения человеческого в человеке, оно должно придерживаться своеобразных табу на изображение определенных тем и дать миру направление к добру, как писал об этом Ф. Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании человека».

Если мы станем на эту точку зрения, т.е., что искусство функционально, и оно должно служить обществу в деле утверждения нравственных принципов, в деле совершенствования человеческой природы, то мы, конечно, будем утверждать социальную и нравственную ответственность художника за свое творение. В этом смысле понятие красоты является имманентно присущим художественной практике, ибо оно ориентирует людей на воспитание высоких нравственных и эстетических идеалов, имеющих большое значение для воспитания благородства в человеке и построения взаимопонимания между людьми различных времен и различных культур.

Понятно, что искусство не должно быть проповедью, а художник проповедником, но настоящее искусство должно будить в нас добрые чувства, ибо высокое искусство и высокая нравственность неразделимы.

Следуя закону прекрасного, художник создает нам видимую красоту, которую мы ощущаем зрением, а нравственность выражена в поступках человека и в его отношении к жизни. Однако чтобы создать эту видимую красоту, художник должен обладать многими качествами, и прежде всего глубинным пониманием психологии человека, его внутреннего мира.

К какому выводу мы пришли? К очень неоднозначному, ибо, перефразируя известное выражение Платона «Прекрасное трудно», можно сказать, что определить в современную эпоху, что такое искусство — трудно, ибо в силу коренного изменения моральных и художественных ценностей в обществе изменилось

и само понятие искусства, его значение настолько расширилось, отношения между нравственным содержанием искусства и его эстетической формой настолько неоднозначны, что выделить основные линии взаимоотношений между этими двумя переменными очень трудно.

Понятие искусства практически слилось с понятием «жизнь», однако в ее самых негативных моментах. Произведение искусства называют артефактом, нет четких границ его определения, главное — это то, что оно не имеет практической цели. Ответ на вопрос, является ли это искусством, или же это просто свалка мусора, будет различным, в зависимости от того, где находится этот так называемый арт-объект, если в музее — это произведение искусства, если на улице, соответственно, будет другой ответ.

Как отмечает Д. Дики, автор институционального подхода к определению искусства, в своей известной статье «Определяя искусство», чтобы работа могла называться произведением искусства, она должна быть артефактом, звание, которое ей может быть присвоено некоторой группой лиц, причастных миру искусства, которые действуют от имени определенного социального института (Art world) и если работу поместят в музей, или это будет театр, у нее появится статус артефакта: «Произведение искусства в дескриптивном смысле — это 1) артефакт, 2) которому какое-либо общество или социальная группа присвоили статус кандидата для оценки» [15. С. 246].

Однако, следуя данному подходу, мы полностью лишаемся оценочного подхода к искусству, ибо каков критерий будет при определении хорошего арт-объекта и плохого арт-объекта?

Искусство и мораль связывает тонкая нить, с одной стороны, она держит их вместе, поэтому искусство легко можно растворить в морализаторстве или в эстетизме, с другой стороны эти две грани словно существуют автономно.

Искусство — способ нравственного развития человечества, а не способ деградации человека и человечества. Понимая, это II Ватиканский Католический Собор еще в 1963 г. принял Декрет о средствах массовой коммуникации (Inter Mirifica), где говорилось и об искусстве: «Повествование о нравственном зле, его описание или изображение, разумеется, может — в том числе и через средства массовой коммуникации — способствовать более глубокому познанию и исследованию человека, проявлению и возвышению величия истины и добра, и именно благодаря достигаемым при этом драматическим эффектам. Однако для того, чтобы они не приносили душам скорее вред, чем пользу, они должны полностью подчиняться нравственным законам, особенно в том случае, когда речь идет о темах, требующих должной сдержанности или же подстрекающих человека, уязвленного первородным грехом, к порочным страстям» [16. С. 49].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лосев А.Ф. История античной эстетики. — Т. IV. — М., 2000.
- [2] Платон. — Государство.
- [3] Аристотель. Об искусстве поэзии. — М., 1957.

- [4] *Лессинг Г.Э.* Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. — М., 1957.
- [5] Там же.
- [6] *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея. — СПб., 2003.
- [7] *Ницше Ф.* Генеалогия морали. — СПб., 1908.
- [8] Называть вещи своими именами. Прогр. выступления западн-европ. лит. XX в. — М., 1986.
- [9] Там же.
- [10] *Кант И.* Критика способности суждения. — М., 1994.
- [11] Речь по случаю вручения премии имени Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне за 1980 г. Перевод сделан по тексту, опубликованному в: *Wege aus der Moderne: Schliisseltexte der Postmoderne-Diskussion.* Hrsg. von W. Welsch. — Weinheim, 1988. — S. 177—192. URL: web-local.rudn.ru/web-local/prep/tj/files.php...
- [12] «Ugly: the Aesthetics of Everything», by Stephen Bayley, is published by Goodman (электронный источник) URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/features/ugly-is-the-new-beautiful-from-aesthetic-monstrosity-to-design-masterpiece-8219717.html>
- [13] Ibid.
- [14] Ibid.
- [15] *Дикки Д.* Определяя искусство — Американская философия искусства. — Екатеринбург: Деловая книга, 1997.
- [16] Документы II Ватиканского собора. — М., 1998.

THE PROBLEM OF THE RELATION OF AESTHETIC AND MORAL, BEAUTIFUL AND UGLINESS IN ART: FROM THE ARISTOCRATIC AESTHETICISM TO THE ARISTOCRATIC UGLINESS

M.P. Matyshova

Chair of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author considers the correlation between the aesthetic and the moral from ancient to modern times. Special attention is paid to the analysis of such a phenomenon as aestheticism, manifested in art and life in England at the end of the 19th century, in decadence in France and in D'Annunzianism in Italy. According to the author, all these phenomena were united by the cult of beauty and art. Modern (contemporary) art is characterized as aestheticizing the ugly.

Key words: aesthetic, moral, aestheticism, decadence, d'annunzianism, a beauty cult, the cult of ugliness.

REFERENCE

- [1] *Losev A.F.* Istorija antichnoj jestetiki. — Т. IV. — М., 2000.
- [2] *Platon.* — Gosudarstvo.
- [3] *Aristotel'.* Ob iskusstve poezii. — М., 1957.

- [4] *Lessing G.Je.* Laokoon, ili o granicah zhivopisi i poezii. — M., 1957.
- [5] Ibid.
- [6] *Uajl'd O.* Portret Doriana Greja. — SPb., 2003.
- [7] *Nicshe F.* Genealogija morali. — SPb., 1908.
- [8] *Nazyvat' veshhi svoimi imenami.* Progr. vystuplenija zapadn-evrop. lit. XX v. — M., 1986.
- [9] Ibid.
- [10] *Kant I.* Kritika sposobnosti suzhdenija. — M., 1994.
- [11] *Rech' po sluchaju vruchenija premii imeni Adorno, uchrezhdennoj gorodom Frankfurt-na-Majne za 1980 g.* Perevod sdelan po tekstu, opublikovannomu v: *Wege aus der Moderne: Schliisseltex-te der Postmoderne-Diskussion.* Hrsg. von W. Welsch. Weinheim, 1988. — S. 177—192. URL: web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php...
- [12] «Ugly: the Aesthetics of Everything», by Stephen Bayley, is published by Goodman (jelekt-ronnyj istochnik) URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/features/ugly-is-the-new-beautiful-from-aesthetic-monstrosity-to-design-masterpiece-8219717.html>
- [13] Ibid.
- [14] Ibid.
- [15] *Dikki D.* Opredeljaja iskusstvo — Amerikanskaja filosofija iskusstva. — Ekaterinburg: De-lovaya kniga, 1997.
- [16] *Dokumenty II Vatikanskogo sobora.* — M., 1998.

НАШИ АВТОРЫ

Анисов Александр Михайлович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела логики и эпистемологии Института философии РАН (e-mail: ontology@iph.ras.ru)

Безрогов Виталий Григорьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории педагогики и образования Института теории и истории педагогики РАО (e-mail: ontology1@mail.ru)

Габдуллин Ильдар Рустамович — докторант кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: i.r.gabdullin@km.ru)

Кузьмин Андрей Валентинович — кандидат физико-математических наук, научный сотрудник отдела истории физико-математических наук Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (e-mail: ontology1@mail.ru)

Маркова Людмила Артемьевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (e-mail: ontology1@mail.ru)

Матулис Таисия Николаевна — кандидат философских наук, профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: ontology1@mail.ru)

Матюшова Мария Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: maria_matushova@mail.ru)

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: v.naidysh@bk.ru)

Невважай Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, ведущий кафедры философии Саратовской государственной юридической академии (e-mail: ontology1@mail.ru)

Павленко Андрей Николаевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела логики и эпистемологии Института философии РАН (e-mail: ontology@iph.ras.ru)

Павлов Сергей Афанасьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (e-mail: ontology1@mail.ru)

Панова Евгения Львовна — аспирант кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: ontology1@mail.ru)

Суровягин Дмитрий Павлович — аспирант кафедры философии Саратовской государственной юридической академии (e-mail: ontology1@mail.ru)

Хаханян Валерий Христофорович — доктор философских наук, профессор кафедры математики, Московский государственный университет путей сообщения (e-mail: valkhakhanian@gmail.com)

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ФИЛОСОФИЯ

2013, № 4

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Философия»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 952-52-26 e-mail: kirabaev@gmail.com

Подписано в печать 13.12.2013. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ № 1313

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419, тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
PHILOSOPHY

2013, N 4

Managing editor *T.O. Sergeeva*
Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
series «Philosophy»:
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 952-52-26
e-mail: kirabaev@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

18231

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Философия»

Количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

18231

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Философия»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
